

Н.А. СЫРОМЯТНИКОВ



ДРЕВНЕЯПОНСКИЙ
ЯЗЫК



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Т. П. Сердюченко*

Н.А. СЫРОМЯТНИКОВ

ДРЕВНЕЯПОНСКИЙ ЯЗЫК



Издание второе



Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

2002



УДК 811.521
ББК 81.2Яп-03
С95

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.М.Алпатов (и.о. председателя),
Н.А.Лисовская (ученый секретарь), *М.С.Андронов*,
В.А.Виноградов, *З.М.Шаляпина*, *Г.Ш.Шарбатов*

Сыромятников Н.А.

С95 Древнеяпонский язык / Н.А. Сыромятников. — 2-е изд. — М.: Вост. лит., 2002. — 176 с. — (Языки народов Азии и Африки / Осн. сер. Г.П. Сердюченко). — ISBN 5-02-018344-X (в обл.).

Очерк написан на материале прозаических и поэтических памятников VIII в. и освещает основные аспекты языка того периода (фонетику, письменность, лексику, грамматический строй).

Содержит большое количество сопоставлений японских корней с корнями других языков, главным образом урало-алтайских и малайских.

К очерку прилагается индекс аффиксов и служебных слов, а также краткая библиография

ББК 81.2Яп-03

Научное издание

Сыромятников Николай Александрович

ДРЕВНЕЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

Издание второе

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Редактор *Л.С.Гингольд*

Художник *И.О.Бритвенко*. Художественный редактор *Э.Л.Эрман*

Технический редактор *С.В.Цветкова*

Корректоры *К.Н.Драгунова*, *В.М.Кочеткова*

Подписано к печати 04.11.02. Формат 60×90^{1/16}

Печать офсетная. Усл. п. л. 11,0. Усл. кр.-отт. 11,2

Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 1000 экз. Изд. № 8063 Зак № 6936

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП «Типография «Наука»

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

© Н.А.Сыромятников, 1972, 2002

© Российская академия наук

Издательская фирма

«Восточная литература», 1972, 2002

ISBN 5-02-018344-X

Книга доктора филологических наук Николая Александровича Сыромятникова (1911–1984) «Древнеяпонский язык» была опубликована в 1972 г. в серии «Языки народов Азии и Африки».

Конечно, за прошедшие три десятилетия наука о японском языке VIII в. и более ранних веков развивалась. Особенно много было сделано в Японии, хотя больше в отношении частных, нежели общих проблем. Нельзя не отметить многолетнюю деятельность профессора Мураяма Ситиро (1908–1995), особенно его книги «Nihongo no kigen» («Происхождение японского языка», 1973, совместно с Обаяси Тарё), «Nihongo no gogen» («Происхождение японского языка», 1974), «Nihongo no hikaku-keitaironteki-kenkyuu» («Сравнительно-морфологическое исследование японского языка», 1985). Среди западных исследований особо надо указать на работы американского ученого Роя Эндью Миллера по родственным связям японского языка, прежде всего на книгу «Japanese and the Other Altaic Languages» (Chicago–London, 1971), материал которой не успел учесть Н.А.Сыромятников.

В нашей стране из проблем, затронутых в книге, активно разрабатывалась, прежде всего С.А.Старостиным, проблема происхождения и родственных связей японского языка. Исследования С.А.Старостина по данной тематике в полном виде опубликованы в его книге «Алтайская проблема и происхождение японского языка» (М., 1991). В ней подробно обоснована точка зрения об алтайском происхождении японского языка. С.А.Старостин также реконструировал праапонскую фонологическую систему впервые в статье «К вопросу о реконструкции японской фонологической системы» в сборнике «Очерки по фонологии восточных языков» (М., 1976), а в книге, выпущенной в 1991 г., дал пересмотренный вариант этой реконструкции.

Некоторые вопросы языка японских памятников VIII в. рассматриваются в литературоведческой книге Л.М.Ермаковой «Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики» (М., 1995). Следует отметить и то, что большинство крупнейших японских памятников рассмотренного в книге периода за три последних десятилетия переведены на русский язык. Вслед за упомянутым в книге русским изданием «Манъёсю» появились переводы «Кодзики», «Нихонги», «Норито».

Если древнеяпонская литература у нас довольно активно переводится и изучается, а родственные связи японского языка впервые стали исследоваться на широком материале, то собственно лингвистический анализ языка ранних японских памятников после Н.А.Сыромятникова по-настоящему в нашей стране не проводился. Многие из того, о чем говорится в данной книге, по-прежнему актуально. Поэтому редколлегия серии сочла возможным переиздать книгу, написанную

одним из крупнейших отечественных специалистов по японскому языкознанию.

* * *

Н.А.Сыромятников родился 1 (14) декабря 1911 г. в г. Чугуеве Харьковской губернии в семье инспектора народных училищ. В 1929 г. он поступил на японское отделение Всеукраинского вечернего техникума и одновременно учился на филологическом факультете Харьковского педагогического института.

В 1931 г. Н.А.Сыромятников переехал во Владивосток и поступил на третий курс восточного факультета Дальневосточного университета. В 1933 г. он окончил университет и остался там же преподавать японский язык. Его первая работа — дипломное сочинение о переходных и непереходных глаголах.

В 1938 г. Н.А.Сыромятников уехал в Ленинград для учебы в аспирантуре. Темой будущей диссертации он избрал язык кёгэнов — памятников японской литературы XVI в., отражавших разговорную речь того времени. Эта тема занимала Н.А.Сыромятникова в течение многих лет.

В первые месяцы войны Н.А.Сыромятников оставался в Ленинграде, где пережил самый тяжелый блокадный период. В начале 1942 г. он был призван в военно-морской флот и в июне 1942 г. снова попал на Дальний Восток в качестве преподавателя курсов военных переводчиков Тихоокеанского флота. В конце 1943 г. его перевели в Москву, где он стал преподавателем Военного института иностранных языков. Одновременно он преподавал японский язык в Дипломатической школе НКВД (МИД) СССР, на историческом факультете МГУ и в других учебных заведениях. Возобновил он и учебу в аспирантуре, теперь заочной. В 1950 г. Н.А.Сыромятников покинул Военный институт и перешел в Институт востоковедения АН СССР, с которым связана вся его дальнейшая жизнь и деятельность. Когда в начале 1958 г. в Институте образовался Отдел языков, Николай Александрович вошел в его состав и оставался здесь до конца жизни.

Становление Н.А.Сыромятникова как лингвиста было достаточно сложным. Продолжая заниматься кёгэнами, он увлекся японской фонетикой и фонологией. В Военном институте он самостоятельно разработал курс японской фонетики; курс не был опубликован, но оказал влияние на методику ее преподавания в московских вузах. Затем Н.А.Сыромятников написал статью «Система фонем японского языка», которая появилась в 1952 г. и стала его первой большой публикацией, если не считать вышедшего годом ранее «Японско-русского словаря», составленного им вместе с Л.А.Немзером. Статья Н.А.Сыромятникова о фонемах и сейчас представляет несомненный интерес.

Занятия языком кёгэнов и других японских памятников XVI в. привели Н.А.Сыромятникова к исследованию весьма сложного вопроса о категории времени в японском языке. Постепенно он пришел к мысли, что именно эта тема должна быть диссертационной. К 1953 г. была готова большая работа, посвященная анализу категории времени в японском языке с XVI в. до современности.

После защиты диссертации в 1956 г. Н.А.Сыромятников продолжал работать над рукописью о временах, подвергая ее значительной правке. В 1971 г. как итог более чем двадцатилетнего труда вышла большая книга «Система времен в новояпонском языке». Н.А.Сыромятников выдвинул новую концепцию, в соответствии с которой основное значение времени в японском языке — не абсолютное, а относительное, связанное с предшествованием или неПредшествованием времени данного действия времени некоторого другого действия, взятого за точку отсчета. Эта книга Николая Александровича и другие его работы о временах не только заняли заметное место в нашей японистике, но и повлияли на исследования проблемы времен в отечественном востоковедном языкознании вообще.

Он продолжал исследования японского языка XVI в., постепенно охватывая весь период от появления в начале этого века первых памятников, отражающих разговорную речь, до конкретного преобразования японского языка в середине XIX в. Две книги Н.А.Сыромятникова по этой тематике: «Становление новояпонского языка» (М., 1965) и «Развитие новояпонского языка» (М., 1978) — стали первым монографическим исследованием японского языка того времени не только в отечественной японистике, но вообще в японоведении за пределами самой Японии. В книгах довольно детально описана фонологическая система раннего новояпонского языка, хорошо засвидетельствованная в изданных португальцами текстах на латинском алфавите; столь же подробно описана грамматика, в несколько меньшей степени — лексика. Эти две фундаментальные книги, пожалуй, составляют наибольший вклад Николая Александровича в науку. В 1979 г. Н.А.Сыромятников успешно защитил докторскую диссертацию.

В течение многих лет Н.А.Сыромятников совмещал лингвистическую деятельность с составлением словарей. Первый из них — средний по объему «Японско-русский словарь» — был составлен им еще в начальный период научной деятельности совместно с Л.А.Немзером под редакцией Н.И.Фельдман. Словарь выдержал в СССР три издания (1951, 1960, 1965) и дважды издавался в Японии (1952, 1966). В течение двух десятилетий словарь был основным пособием, которым пользовались все наши японисты.

Затем Н.А.Сыромятников вошел в авторский коллектив «Большого японско-русского словаря» под редакцией Н.И.Конрада, работа над которым продолжалась около полутора десятилетий. Двухтомный сло-

варь, вышедший в 1970 г., содержит более 100 тыс. слов. Как сказано в предисловии к словарю, Н.А.Сыромятникову принадлежит 15,58% объема словаря. До сих пор это самый большой в нашей стране японский словарь. Он также переиздавался в Японии (в одном томе) в 1971, 1973, 1975 гг.

За участие в составлении словаря Н.А.Сыромятников был удостоен Государственной премии СССР. По окончании работы над большим словарем Н.А.Сыромятников приступил к работе над новым вариантом своего первого словаря, снова совместно с Л.А.Немзером, но после смерти Н.И.Фельдман редактором стал Б.П.Лаврентьев. Этот словарь, вышедший в свет в 1984 г., в значительной степени составлен заново. Кроме составительской работы Николай Александрович взял на себя труд снабдить заглавные слова указанием на ударение (во всех предыдущих словарях ударения не проставлялись) и написал приложенный к словарю краткий очерк японского ударения.

В 70-е годы помимо упоминавшегося третьего словаря он написал очерк «Классический японский язык», посвященный языку IX–XII вв. Этой работой, завершенной в 1975 г. и вышедшей в 1984 г. в серии «Языки народов Азии и Африки», он закончил цикл описаний истории японского языка от древнейших памятников VIII в. до начала современного этапа его развития во второй половине XIX в. (остался неопианным период с XIII по XV в., но от этого времени до нас почти не дошло памятников, отражающих разговорную речь).

Он работал также над разделами так до сих пор и не законченной коллективной «Грамматики японского языка», написал ряд статей, в частности посвященных новейшим тенденциям в развитии японского языка в том виде, в котором они отражаются в письменных, прежде всего в газетных, текстах.

Труды Николая Александровича Сыромятникова не только вошли в историю отечественного востоковедного языкознания, но и до сих пор представляют интерес для изучающих японский язык.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Под древнеяпонским языком (далее — ДЯЯ) понимается язык японской народности в период примерно с III в. нашей эры (когда он уже отделился от родственных диалектов островов Рю:кю:) [см. 18, 60]¹ по VIII в. включительно. С 710 по 794 г. столица Японии находилась в г. Нара. Этот период нередко называют «эпохой Нара». По своему фонетическому строю, почти полному отсутствию заимствований из китайского и санскрита и ряду грамматических особенностей (в том числе и диалектных) ДЯЯ представляет определенный этап в развитии японского языка (далее — ЯЯ).

В 794 г. столица была перенесена в Хэйан (ныне Кё:то). Язык классической японской литературы с IX по XII в. («эпоха Хэйан») представляется более нормализованным, воспринявшим уже значительное количество китайских морфем, в результате чего изменилась и система фонем. Именно язык «эпохи Хэйан» (а не «эпохи Нара») лег в основу старописьменного языка, пополнявшегося и в дальнейшем многими китаизмами, но сохранившего в силу традиции грамматику X—XI вв.

Эпохи Нара и Хэйан современные историки относят к периоду раннего феодализма (середина VII—XII в.).

В памятниках VIII в. отражены не все диалекты, а в основном центрально-западный и частично восточный [см. «Adu-uta» («Востока Песни») — часть антологии «Манъё:сю:»]. В данном очерке по недостатку места восточные диалектизмы приводятся лишь спорадически.

Иероглифическая письменность проникла в Японию из Китая (через Корею) значительно ранее VIII в. Но для истории ЯЯ представляют ценность лишь те части надписей на камне, металлических и деревянных предметах, в которых иероглифы

¹ В квадратных скобках даются отсылки на упоминаемые или цитируемые работы, которые помещены в списках под рубриками «Краткая библиография работ по древнеяпонскому языку» и «Прочая литература». Первая цифра обозначает номер работы в указанных списках, вторая цифра, отделенная от первой запятой, обозначает страницу (если она указывается). При ссылке на несколько (две и более) работ между их номерами (или после номеров их страниц, если они указываются) ставится точка с запятой.

использованы в качестве слоговых букв, передающих звучание слов ДЯЯ. Таких памятников, относящихся к VI—VII вв., осталось немного. Гораздо больше разнообразных по жанру текстов было создано в VIII в. К ним относятся 古事記 *Koziki* 'Анналы' (букв. 'Старых дел записи', далее — «Кодзики»; при первом упоминании названия памятников, состоящие из китайских корней, здесь и далее даются и в иероглифическом написании), записанные в 712 г. со слов сказителя. Они повествуют об истории Японии (*Jamatö*), начиная от первобытного хаоса и «эры богов» до начала VII в. Мифы, предания, легенды отражают завоевание союзом племен, проживавших на южном острове Тукуси (нынешнее Кю:сю:), центрально-западного района (это событие теперь относят к концу III в. [см. 44, 173]), прибытие по Японскому морю новых переселенцев с материка, борьбу с аборигенами и т. д. Большая часть текста является переводом на китайский, но немало слов записано знаками, примененными в роли слоговых букв. Это многочисленные имена богов и вождей, топонимия, слова магического содержания, песни. По ним мы можем судить о звучании многих слов ДЯЯ и его грамматике.

Еще больше текстов, записанных силлабически, в 万葉集 *MaNeus'u*: [букв. 'Десяти тысяч листьев собрание', далее — «Манъё:сю:» (современное произношение)] — в антологии, куда вошло 4516 избранных песен VI—VIII вв. [см. 1]. В этих текстах соблюдается японский порядок слов. Как отмечает К. Е. Черевко, под влиянием родного языка японских авторов, писавших по-китайски, в тексте «Кодзики» имеют место отклонения от правил китайской грамматики [см. 16]. Очевидно, отступления от китайской нормы встречаются и в других памятниках на китайском языке, созданных в Японии.

Другие памятники написаны в основном стилем камбун (漢文 букв. 'ханьское письмо'), т. е. по правилам китайского старописьменного языка. Таковы: 風土記 *Fu:doki* (букв. 'Обычаев земель записи') [см. 9; 10; 11] — описание провинций, 日本書記 *Nifons'oki* ('Японские хроники', далее — «Нихонги») и др.

Ряд устойчивых словосочетаний содержится в таких памятниках, как *Nörito* 'Молитвословия' и *Mikötönöri* 'Указы', которые составлялись для возгласения перед народом. В текстах их есть немало знаков, примененных как слоговые буквы.

Следует, однако, отметить, что тексты большинства памятников VIII в. дошли до нас в более поздних списках. Так, древнейшие из сохранившихся рукописей «Кодзики» относятся к XIII в. Но проверка (по восьми гласным, см. «Фонетика и фонология», § 7) показала высокую аутентичность их текста.

Все эти памятники (как и прочие менее значительные) в результате огромной работы японских филологов хорошо изучены и изданы. Звучание слов, записанных иероглифически, восста-

новлено по аналогии. Вся лексика, зафиксированная в текстах, вошла в специальный словарь (J²).

Данный очерк посвящен мертвому языку, т. е. является исследованием языка текстов. Все, что отсутствует в них или встречается так редко, что не может считаться тогдашней нормой, опущено, каким бы употребительным ни было данное слово или формант в последующие эпохи. Отмечается и дальнейшее развитие тех или иных языковых явлений. Если речь идет о черте, свойственной ЯЯ на протяжении всей известной его истории, о ней говорится в настоящем времени, например: «грамматических родов нет»; если же данное явление в VIII в. еще не существовало или претерпело в дальнейшем изменения, или исчезло полностью, — в прошедшем, например: «аффрикат еще не было», «стечения гласных в слове, как правило, не допускались» («как правило» — значит, были исключения).

Работа предназначается, с одной стороны, для японистов, желающих пополнить или систематизировать свои познания в ДЯЯ, с другой — для лингвистов других специальностей, могущих почерпнуть из ДЯЯ много полезных данных для сравнения с изучаемыми ими отдельными языками или найти общие черты, свойственные целым семьям языков, особенно урало-алтайских. Для полноты типологической характеристики ДЯЯ перечислены и категории, которые ему не свойственны.

В небольшом по объему очерке надо было, сохраняя соразмерность частей, коснуться огромного количества проблем. Я вынужден был поступиться теми из них, разработка которых потребовала бы большего места. Поэтому в очерке не освещаются специально структура сложного предложения и ряд других синтаксических вопросов, хотя соответствующий материал приведен. Однако читатель найдет здесь почти полный набор морфологических средств связи между членами предложения, а также служебных морфем, выражающих грамматические и лексико-грамматические значения в ДЯЯ. Японисты, усвоившие материал, приведенный в очерке, смогут читать современные комментированные издания памятников.

Хотя по ДЯЯ существует огромная литература (в частности, на ЯЯ), изученность отдельных сторон его неодинакова. Лучше других освещены грамматика и лексика. Но и сейчас еще в самых полных толковых словарях ДЯЯ нередко при слове имеется помета «неясно». Значения многих слов определены лишь предположительно (если они встречались редко, а потом и вовсе вышли из употребления).

² См. «Список сокращений» в конце очерка. Этот словарь, вышедший из печати в декабре 1967 г., является лучшим пособием по ДЯЯ. Но, к сожалению, в нем не даются сравнения с сопредельными языками. Указаны лишь явные заимствования из китайского, корейского и санскрита в исторический период. Если слово, взятое из этого словаря, помещено в нем в порядке алфавита, в очерке ссылка на словарь опускается.

Первые словари ДЯЯ были составлены в первой половине X в., когда чтение памятников VIII в. уже требовало специальных знаний и справочных пособий. Значения слов в этих словарях (например, в «Wamyo:ruijusho:», 934 г.) обозначались синонимичными иероглифами, звучание — знаками, выступающими в роли слоговых букв. Старые слова пояснялись живыми, разговорными [см. 22, табл. 7, где приведен снимок страницы из словаря «Wamyo:ruijusho:» в издании 1617 г.].

Фонологический строй ДЯЯ стал гораздо яснее лишь с 1931 г., когда Хасимото Синкити окончательно установил, что в ДЯЯ было всемо кратких гласных фонем [см. 31, а также § 7 в данном очерке]. Однако, как, например, в докторской диссертации прсф. Е. М. Колпакчи [см. 4], цитация памятников по-прежнему производилась при помсци транскрипции, передающей звучание современного нам ЯЯ [то же в 1; 2; 3; 6; 8; 9; 10; 11], так как в 40-х годах еще не появились словари, различавшие *o* и *ō*, *e* и *ē*, *i* и *ī* во всех словах, зафиксированных в памятниках VIII в. слоговым письмом. Сейчас такой словарь (J) вышел, и в данной работе все слова даются в фонологической транскрипции, отражающей произнсшение VIII в. Правда, часть слов в памятниках записана иероглифами, исходя из их смысла, а не произношения, а словари X в. различают только пять гласных (*a*, *i*, *u*, *e*, *o*) и не дают возможности полностью восстановить древний вокализм. В таких случаях гласные точно не установленного качества я обозначал буквами *ó*, *é*, *ι*.

Наименее разработан вопрос о корнеобразовании в дописьменный период, а также вопрос о том, какие общие корни имеются у ДЯЯ и других языков.

О родстве корней ДЯЯ между собой высказывались отдельные догадки (например, была замечена семантическая, морфологическая и фонетическая близость между глаголами *kir-u* 'резать', *kur-u* 'выдалбливать', *kōr-u* 'рубить' и *kar-u* 'косить'; см. J). Массовое сопоставление сходно звучащих корней производили представители возникшей в XVIII в. школы «Ongi-setsu», девизом которой было «ichion — ichigi» («один слог — одно значение»). Заслугой этой школы является уяснение того, что написание сходно звучащих слов разными иероглифами не может служить доказательством их разного происхождения. Неодинаковость их написания объясняется тем, что этим словам в китайском языке соответствуют разные корни. Так, *mē* 'глаз' и *mi* 'видеть' в ЯЯ — родственные корни (далее РК), хотя в китайском языке соответствующие морфемы 目 *му* 'глаз' и 見 *цзян* 'видеть' не имеют ничего общего по звучанию. Значит, занимаясь этимологией так называемого исконного слоя лексики, следует вовсе отрешиться от иероглифики.

Представители данной школы фактически отрицали наличие

исконных омонимов: то, что звучит одинаково, должно иметь, по их мнению, и общее значение. Но они приравнивали корень к открытому слогу, хотя в действительности корень глаголов, подобных *kir-u*, имеет последним звуком согласный, а многие другие японские морфемы полисиллабичны. Тем самым корней ЯЯ оказалось, по их мнению, всего несколько десятков. Известное влияние на такую точку зрения оказал, видимо, материал китайского языка с его моносиллабичными корнями и слоговое письмо, помешавшее провести морфологическую границу между последним согласным корня и гласным окончанием в глаголах. Но сам факт появления таких воззрений (которые отстаиваются и некоторыми авторами в XX в.) говорит в пользу органической связи между звучанием и значением корней ЯЯ.

Преодолеть недоверие тех, кто сомневается в возможности установления дописьменных заимствований и более древних общностей между ДЯ и другими языками, можно путем широких исследований, основанных и на сравнительно-историческом методе, и на изучении РК самого ДЯЯ. Пока же и лучшие словари ДЯЯ не решаются прибегать к сравнениям лексики ДЯЯ с лексикой языков Северной и Юго-Восточной Азии даже в плане выявления дописьменных заимствований. Лишь новое издание памятников [см. К III; М I, II, III, IV] является отрадным исключением: многие соответствия с алтайскими языками там приводятся в примечаниях. Сравнение ДЯЯ с другими языками ведется лишь небольшим кругом энтузиастов — лингвистов разных стран. Если вкратце суммировать их достижения на сегодня, можно сделать вывод, что ДЯЯ не был изолированным языком ни по своей лексике, ни по чертам фонетического и грамматического строя. Учет звучания и значения корней других языков, общих с корнями ДЯЯ, дает возможность установить родство и между теми корнями ДЯЯ, которые могли бы показаться мало похожими. В результате лексика ДЯЯ предстает перед нами как система.

Чтобы не посчитать случайное совпадение общей морфемой, нужно сравнивать каждую данную морфему ДЯЯ с ее соответствиями не в одном, а в нескольких языках, где она встречается. («Вероятность случайного звукового совпадения одинаковых по значению морфем... четырех или пяти языков ничтожно мала» [46, 54].) При этом из материалов разных эпох отдается предпочтение более древним. Лишь при отсутствии в «Древнетюркском словаре» (1969) соответствующей леммы или более близкого к древнеяпонскому значения можно прибегать к словарям современных тюркских языков. Монгольские морфемы берутся прежде всего из средневековых памятников [см. 23; 40] в произношении XIII в., корейские — в произношении XV в. (когда появилось буквенное письмо) [см. 20].

ВВЕДЕНИЕ (ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЯЯ)

§ 1. Общая характеристика

ДЯЯ полисиллабичен: помимо полусотни односложных слов все остальные простые слова дву- и трехсложны, например: *kata* 'сторона', *tökörö* 'место', *kéburí* 'дым', *musasabi* 'белка-летяга'³. Производные и сложные слова могут состоять из нескольких морфем. Состав слога — CV (согласный+гласный) или (в начале слова) V. В слове не допускались стечения ни согласных, ни, как правило, гласных. Аффрикат еще не было.

Уточняющий член предложения предшествует уточняемому. Сказуемое — в конце (как в корейском и других алтайских языках).

Грамматических родов, суффиксов принадлежности, эргативной конструкции, артиклей, изафета нет.

Агглютинативные суффиксы множественности применяются у личных местоимений и крайне редко у имен, обозначающих (почти исключительно) одушевленные предметы. Это общая черта с корейским и китайским языками.

Склонение агглютинативное, но гласный суффикса не изменяется под влиянием гласного корня — сингармонизма нет. Однако многие корнеслова огласованы одинаково, что, очевидно, свидетельствует о наличии гармонии гласных в протояпонском языке (далее ПЯЯ). Подлежащее главного предложения большей частью и прямое дополнение в половине случаев оставались неоформленными.

Спряжение глаголов флективно-агглютинативное. Они спрягаются по наклонениям, временам, залогам и видам в основном синтетическч (при помощи внешних флексий и суффиксов). По лицам и числам они не изменяются. Существуют и вежливые формы глаголов. Глаголы и прилагательные имеют особые флексии, указывающие на их синтаксическую позицию (определятельную, заключительную, срединную) и суффиксы, выражающие характер связи сказуемого придаточного предложения с главным (одновременность, уступительность и т. п.).

³ Можно полагать, что четырех- и пятисложные слова являются производными или сложными, например: *atarasi* 'новый' (-*si* — словообразовательный суффикс многих прилагательных). См. § 18.

§ 2. Распространение ДЯЯ

Носители диалектов ДЯЯ проживали на острове Тукусин (ныне Кю:сю:), южную часть которого занимали племена Раја-тō/Рајапитō и Кумасō, видимо малайского происхождения, и в юго-западной части самого крупного острова архипелага (ныне Хонсю:). На северном большом острове (нынешнем Хоккайдо:) и на северной части Хонсю: проживали племена Ебису/Емиси (айну?).

Археологи почти не находят в Японии палеолитических стоянок [см. 45, 7]. Неолитическая культура получила название дзё:мон (букв. 'веревочные узоры') по орнаменту, характерному для ее керамики. Носители этой культуры, проживавшие на Японских островах в течение нескольких тысячелетий, занимались охотой, рыболовством, собирательством; из домашних животных у них были только собаки [см. 45, 52].

«Население каменного века Японии по расовым признакам отличалось от всех ныне существующих народов» [45, 102]. Судя по скелетам, древние обитатели Японии состояли из нескольких племен. Айну относились к одному из их антропологических типов, но не к самому характерному. В целом эти племена были менее монголоидны, чем нынешние японцы.

С острова Тукусин на рубеже нашей эры и позже на них надвигались монголоидные племена — носители культуры Яён (название дано по месту раскопок: микрорайон Яён в г. Токио), имевшие лошадей, коров, обрабатывающие металлы. Их материальная культура близка к культуре Древней Кореи, через которую они должны были пройти, следуя с азиатского материка с севера на юг [см. 45, 42]. В самом начале нашей эры они занесли на острова земледелие. Согласно антропологическим данным, только они могли быть предками современных японцев, хотя участие аборигенов в отдельных местностях не исключается [см. 66, 38—39].

§ 3. Роль языка айну

Айну принадлежали к другой расе. Древние японцы описывают их как бородатых людей с глубоко посаженными глазами. У них есть складка на веках, которой нет у народностей монгольской расы [см. 38, 10—50]. И по фонетическому и по лексическому составу язык айну сильно отличается от ДЯЯ: он имеет много слогов типа *СVC*, а следовательно, и стечения согласных в слове. В десяти обследованных диалектах айну [см. 33] много слов начинается на *r-*, чего в ДЯЯ и других алтайских языках совершенно не было. Глухие и звонкие фонологически не различаются. Наконец, общие с ДЯЯ слова хотя и есть, но для языков, которые находились в непосред-

ственном контакте много веков, их количество не так уж велико. Видимо, айну — язык, который не только не родствен японскому, но не выступал даже в качестве языка-субстрата. Однако на топонимию (особенно севера Японии) айну оказал большое влияние.

Что же касается прочей лексики языка айну, сходной с японской, то по крайней мере часть ее является заимствованной из японского: ДЯ⁴ *sipɔ* > айну *sippo* 'соль'; *mesi* > айну *mesi* 'вареный рис'; *ko* > айну *ko* 'мука'; *sakɛ* > айну *sake* 'саке'; *tuti* 'земля' > айну *toy* 'обработанное поле', 'земля' (вообще); *ipi* 'вареный рис' > айну *ipe* 'еда'; *pasi* > айну *pasuu* 'палочки для еды'; *kirap-* 'держат в рту' > айну *kirapa* 'кусать' (сохраняется древнеяпонский глагольный суффикс *-ap-*) и др.

К древнейшим общим словам я отнес бы следующие: *nōbor-u* 'подниматься' (*nōbo-s-u* 'поднимать') ~ айну *nipuriri* 'гора'; *no/ni* ~ айну *nip* 'поле' (необрабатываемое); *por-u* 'рыть', *pora* 'пещера' ~ айну *pru* 'пещера', 'берлога'; *nagi* 'штиль' ~ айну *paу* 'болото'; *sora* ~ айну *nisoro* 'небо'; *me* ~ айну *mat* 'женщина' (синоним *menoko* <яп. *me-no-ko*); *te* ~ айну *tek* 'рука' (вся); *kapa* ~ айну *kap* 'кожа'; *pone* ~ айну *pone* 'кость'; *kɛ* ~ айну *kenuma* 'волосы на теле' [при *numa* 'волосы' (вообще)]; *se* ~ айну *setur* 'спина'; *kak-* ~ айну *kiki* 'скрести'; *kure* 'сумерки' ~ айну *kur* 'тьма'; *mī* 'тело' ~ айну *mim* 'мякоть рыбы'; *kup-* 'есть' ~ айну *ku* 'пить'; *nōm-* 'пить' ~ айну *ni/num* 'сосать'; *kamu/kamī* 'бог' ~ айну *kamuu* 'бог', 'медведь' и др. [см. 33].

Хотя старых письменных памятников на языке айну нет, в пользу отнесения этих слов к более древнему общему слою, чем «культурные слова», заимствованные из японского в айнский, говорит и их неполная семантическая и фонемная общность (за тысячелетия их значения должны были несколько разойтись; у сравнительно новых заимствований этого не произошло).

Ряд айнских слов, хотя и обладает некоторым сходством с японскими, имеет более близкие соответствия в малайском, корейском и других языках. Так, айну *ape* 'огонь' ~ индонез. *api* (ср. ДЯ *pi*); айну *kotan* 'деревня' (как в Си-котан — названии одного из Курильских островов) ~ индонез. (<санскр.) *kota* 'город', халха *xom* <монг. *koto* (ср. ДЯ *pōtōri* 'сторона', 'край'); айну *papis* ~ протоурал. *pe(p)t* 'губа' (ср. ДЯ *kuti-biru*).

В целом старых общих слов сравнительно немного. Кроме того, они чаще всего являются достоянием не только данных двух языков. При изучении таких слов надо учитывать, как звучат и что означают их соответствия в других языках.

⁴ В дальнейшем при сопоставлении со словами других языков помета ДЯ обычно не предшествует словам древнеяпонского языка, если они приведены на первом месте.

§ 4. Черты, общие с алтайскими языками

Урало-алтайская теория происхождения ДЯЯ, подкрепленная антропологическими и археологическими данными, базируется на большой типологической и материальной общности ДЯЯ с корейским, тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюркскими языками. Это проявляется в наличии многих общих фонетических явлений, в сходном строении предложений и одинаковом порядке их членов, в существовании многих близких грамматических конструкций и во все увеличивающемся количестве обнаруженных общих морфем (в том числе и служебных).

Фонетически все эти языки объединяет: полисиллабичность слова, а зачастую и корня (в отличие от синитических, т. е. китайско-тибетских, тайских, вьетнамского с их односложными корнями), отсутствие стечений согласных в начале и исходе слова (в отличие от индоевропейских, нивхского, старотибетского), гармония гласных (в разной степени), отсутствие (в исконных словах) начального *r*-, а в подавляющем большинстве алтайских языков и *l*- (в отличие от синитических, индоевропейских и айну), переход *i* первого слога в *a* (или в другой гласный) под влиянием гласного второго слога (так называемый перелом гласного *i*) и т. п.

Исчезновение гармонии гласных в отдельных алтайских языках обычно объясняется влиянием других языков (например, таджикского на узбекский и т. п.). То же можно предположить и для древнейшего этапа ДЯЯ. Отсутствие начальных звонких в ДЯЯ находит себе параллель в корейском и в ряде тюркских языков. Противопоставление звонких и глухих в середине слова, отсутствующее в корейском и айну, есть в монгольских, тунгусских и в некоторых тюркских языках.

По грамматическому строю (особые срединные и причастные формы, условно-временные и уступительные деепричастия и т. п.) ДЯЯ сближается с алтайскими языками. Всем этим языкам свойственна агглютинативная суффиксация при склонении. Спряжение глаголов в ДЯЯ в основном флективное (т. е. корень глагола без внешней флексии, как правило, не употребляется), хотя некоторые флективные формы могут в свою очередь принимать агглютинативные суффиксы. Глаголы ДЯЯ не имеют личных окончаний, как и глаголы корейского, маньчжурского, халха, т. е. других языков, находящихся на юго-восточной окраине алтайского ареала. И тут, вероятно, сыграл роль субстрат. Усваивая язык пришельцев, аборигены упрощали его грамматику. Факультативность показателей ряда падежей (кроме пространственных), групповая суффиксация также свойственны многим агглютинативным языкам.

По лексическому составу ДЯЯ имеет много сходного с корейским и другими алтайскими языками. Сходны названия

частей тела [см. 12, 127—128], явлений природы [см. 12, 129], цветов (черного, белого, красного), ряда животных и растений, орудий и оружия, одежды и способов ее изготовления, названия действий и качеств. С корейским ДЯЯ имеет свыше 300 общих корней [см. 38; 20], со среднемонгольским — 250 [см. 23; 40]. Немало общего обнаружено с древнетюркским, современными тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Есть немало корней, общих и с уральскими (финно-угорскими) языками.

Не следует думать, что если бы лексика ДЯЯ целиком восходила к протоалтайскому языку, она должна была бы сохраниться в ДЯЯ полностью. Как показал Свадеш, каждое тысячелетие выпадает и заменяется другими корнями 19% основного словарного фонда. Следовательно, количество общих элементов в языках разных семей, даже восходящих к общему предку, не может превышать нескольких сот. Так, в тохарском языке найдено 670 индоевропейских корней.

Почему же до сих пор ЯЯ преподается и изучается как изолированный, чьи родственные связи в лучшем случае объявляются недостаточно изученными? Дело в том, что общность некоторых типов морфем не может служить убедительным доказательством генетического родства языков.

1. Звукоподражательные слова могут быть сходны по звучанию и значению. Но это еще не говорит об их общем происхождении, так как, подражая одинаковым звукам в природе, предки японцев и других народов могли подобрать для их передачи похожие комплексы звуков независимо друг от друга: *ta-tak-u* 'стучать' ~ индонез. *tuk*, рус. *тук-тук*; *tödörö-ni* 'грохоча', 'гремя' ~ хак. *тадыра-* 'трещать', 'грохотать', *мофдыра-* 'греметь'; *iki* 'дыша' ~ нивх. *ыкыкы* 'тяжело дышать'; *sur-* 'сосать', *susur-* 'прихлебывать' ~ фин. *suu* 'рот', халха *сүү(н)* 'молоко', тюрк. *sur sur öp-* 'схлебывать', индонез. *sisu* 'соски' и т. п. Но звукоподражания могут быть и древнейшими общими элементами у родственных языков. К тому же они редко заимствуются. Их сходство объясняется наличием сходных фонем и их сочетаний в разных языках, что является элементом типологической общности. Есть и вовсе несходные звукоподражательные слова. Так, соответствия для ДЯ *potötögi-su* 'кукушка', *kigisi* 'фазан' пока не найдены.

2. Так называемые дескриптивные (образоподражательные) слова, обозначая предметы по их форме и внешнему виду, могут быть близкими по звучанию и значению в языках разных семей: *kubi* 'шея' ~ тур. *kubur* 'длинный сосуд в форме цилиндра', 'длинный и тонкий, как труба', бур. *губи-гар* 'продолговатый и прямой', 'с длинным вытянутым корпусом', индонез. *gubah* 'нанизывать (бусы)', 'связывать (в гирлянду)', коми *гум* 'полый стебель', удм. *гумы* 'полый стебель растения', 'все похожее на полый цилиндр', индонез. *kebuk* 'полая деревянная

(или бамбуковая) трубка', осет. *k'ubal* 'шея', 'голова' («относится к группе слов звукового типа *kbl*, обозначающих круглое» [43]), нем. *Kopf* 'голова'; *kukī* 'стебель' ~ удм. *кук* 'нога', 'лапа', 'ножка', индонез. *kaki* 'нога', *kuk* 'хомут', *kuku* 'ноготь', 'коготь', рус. *коготь* и др. (звуковой тип *kVkkV/kVgV* обозначает согнутое, гнущееся).

Признание наличия дескриптивных слов, общих для многих языков (см. § 11), в корне меняет подход к сравнению их лексики. Различия между корнями языков разных семей оказываются меньшими, чем ранее полагали.

3. «Культурные слова» (наименования орудий, сельскохозяйственных растений и животных, тканей, видов вооружения, металлов) могут заимствоваться вместе с самими предметами, которые они обозначают. Поэтому наличие общего слоя культурных слов также не доказывает родства языков (хотя часть их может быть и исконно общей). Однако пути распространения таких слов в дописьменную эпоху представляют большой интерес. Хотя возможность заимствований в принципе никто не отрицает, конкретно признаны лишь немногие заимствования из китайского и санскрита: *uma* <др.-кит. **mra* (~монг. *морин*)> рус. *мерин*), кор. *маль* 'лошадь'; *umě* <ср.-кит. *түай* 'слива'; *kami* 'бумага' <ср.-кит. **kam* (簡) 'бамбуковая дощечка (для записей)'; *saje* <ср.-кит. *sai* 'игральные кости'; *sami* <кит. <санскр. *s'ramanera* (или согд. *samana* [см. J, 340]) 'послушник'; *tapu* <кит. [卒]塔婆 (<санскр.) 'пагода', 'obelisk' (СЯ *to*); *pati* <санскр. *pa:tra* 'патра' (миска нищего монаха) и др.

Между тем легко показать, что, например, сельскохозяйственная терминология (в особенности древнейшая) пришла в Японию из алтайских языков и частично из языков Юго-Восточной Азии: *tugi* 'злаки' ~ тюрк. *budūai*, монг. *буһудай*, кор. *милль* 'пшеница', маньчж. *мучжу* 'ячмень', нанай *муди* 'овес' (ср. тагал. *munggo* 'бобы'); *apa* 'чумиза' ~ тюрк. *арпа* 'ячмень', мари *арва* 'мякина', тагал. *ара* 'шелуха зерна' (ср. кор. *аль* 'зерно', 'икринка'); *inejina-* 'рис (на корню)' ~ тагал. *hinog* 'спелый', кор. *и-* 'рисовый', илокано *инпароу* 'сваренный рис' (ср. индонез. *idjo* 'покупать рис на корню', татар. *иген* 'хлеб', коми *ид* 'ячмень'); *kōtē* 'рис в зерне (очищенный)' ~ тюрк. *kōtāç* 'лепешка, выпекаемая в золе', вьетн. *сōт* 'вареный рис'; *pije* 'куриное просо' ~ кор. *пхи* 'просо', цоу (на Тайване) *fiesi* 'очищенный рис (или просо)', тюрк. *йжур* 'просо'; *kabu* 'репа' ~ тагал. *kabuti* 'гриб', тюрк. *сагтур* 'репа' (ср. рус. *кабачок*), индонез. *gambas* 'кабачок' (дескриптивное слово, название дано по округлой форме); *suk-* 'пахать', 'чесать', *suki* 'лопата', плуг' ~ маньчж. *сухэ* 'топор', индонез. *sungkal* 'лемех', тюрк. *суқі-* 'щекотать', татар. *сука-лау* 'пахать' (ср. чув. *суха*, рус. *соха*); *aze* 'валик (на поле)', 'межа', маньчж. *ачань* 'место, где сходятся горы', 'межа', тюрк. *ōzāk* 'узкий

проход в горах', осет. *araen/awaezae* 'межа'; *ta* 'поле (заливное)' ~ кор. *mma* 'земля', коми *ты* 'поле'; *pata* 'поле (суходольное)' ~ ср.-кор. *phat* 'поле', индонез. *padang* 'равнина', 'поле', алт. **pata* 'поле', драв. **pa:t(t)V* 'участок земли', и.-е. **pet(H)-* 'широкий', 'расстилаться', халха, бур. *amar* 'целина', тагал. *patag* 'ровный', 'гладкий' и др.

При сравнении таких слов нужно брать их не поодиночке, а целыми комплексами, учитывая, что при заимствовании, например земледелия, в язык входит не одиночный термин, а целая группа их.

Сравнительно-исторический метод требует установления строгих фонетических соответствий между языками: каждый звук в словах одного языка должен находить одинаковое соответствие в сравнимых словах другого языка по крайней мере в идентичных позициях. Во многих языках происходит переход *p->f->h->0-* (ноль звука). Современный японский в этом плане можно назвать *h*-языком, ДЯЯ будем считать *p*-языком, хотя процесс спирантизации *p-* (*p->F-*), возможно, уже начался. Лишь в старых монгольских памятниках находим *h*- (в монгорском, маньчжурском, венгерском *f-*). В других монгольских языках начальное *h*- уже исчезло, как и в некоторых тюркских (в языках, где были начальные звонкие, ДЯ *p*- могло соответствовать *b-*). Индонезийский, тагальский, корейский, айну, нанайский, уйгурский, хакасский, чувашский, финский, коми, марийский и др. сохраняют древнее *p*-. А начальное *h*- в малайских языках соответствует нулю согласного в японском [см. 37, 179]: *amë* 'дождь' ~ тагал. *hamóg* 'роса', тюрк. *jam-ür/ja-tür*, маньчж. *aga* 'дождь'; *am-* 'плести', *ami* 'сеть' ~ тагал. *habi* 'тканье', индонез. *ambai* 'верша', *ambal* 'ковер', тюрк. *av* 'сети', и.-е. *au-* 'сплетать', 'ткать', эск. *амуг'ак'ук'* 'выбирает из воды рыболовную снасть' (ср. кор. *кымуль* 'сети'); *ura* 'гадание' ~ тагал. *hula* 'гадание' (ср. тюрк. *irim*) и т. п. Следовательно, мы можем приравнивать ДЯ *p-* (ныне *h-*) ко всем соответствиям в современных языках, если знаем, что они восходят к *p-* или *b-*: *pasi/pazi* 'конец', 'начало' ~ тюрк. *baş*, хак. *nac* 'голова', 'вершина', 'начало'; *pagi* 'нога', 'голень' ~ эвенк. *халган*, сол. *алган* 'нога', нанай *палган* 'ступня', кор. *pal*, эрзя *пильге* 'нога' (ср. тагал. *paа* и тох. В *pai*).

Значит, ДЯЯ, не имевший конечных согласных, сохранял только начальнослоговые: ДЯ *pagi* < ПЯ **palgen*; *pi* 'солнце' < ПЯ **pit* [~ кор. *pit* 'цвет', 'свет (солнца)', удм. *пишты-* 'светить' (о солнце)].

§ 5. Субстрат — малайско-полинезийские языки

Малайско-полинезийские языки имеют общие черты не только с ДЯЯ, но и с урало-алтайскими языками. У них тоже нет грамматических родов, они полисиллабичны, не имеют стечений

согласных в начале и исходе слов. Как и в ДЯЯ, в них есть много имен, лишенных словообразовательных аффиксов. Е. Д. Поливанов находил, что наличие музыкального ударения является общей чертой для японского и тагальского [см. 55, 246]. Множественность имен в ряде малайских языков также большей частью остается невыраженной. И вообще факультативность ряда грамматических категорий в этих языках соответствует в общем положению в корейском и ДЯЯ. В малайских языках находят и агглютинацию. Роль редупликации (для выражения множественности, видовых значений и т. п.) велика.

Но значительны и отличия от ДЯЯ: 1) сказуемое находится перед подлежащим или следует непосредственно после него; 2) определение следует за определяемым (как и в других языках Юго-Восточной Азии — кхмерском, вьетнамском, тайском, частично в бирманском); 3) префиксация играет большую роль, чем суффиксация; 4) многие глаголы формально не отличаются от имен (как и в синитических языках); при присоединении префикса чередуется нередко начальный согласный корня: тагал. *sak-sák* 'поножовщина' — *ma-nak-sák* 'вонзить', 'ранить (убить) ножом'. Однако озвончение начального глухого второго компонента сложного слова в ЯЯ можно рассматривать как разновидность такого чередования.

В ДЯЯ префиксов было больше, чем в последующие эпохи. Е. Д. Поливанов находил у ЯЯ общий с языками Филиппин префикс *ma-* [см. 55, 143—144], обозначающий в ЯЯ интенсивность качества, а в тагальском образующий прилагательное от имени. Но *ma-* ~ кор. *мэн-* 'самый', бур. *мүн* 'истинный', 'настоящий', коми *med-* 'наи-' (приставка превосходной степени), тюрк. *eş* 'самый' (ср. *mag-* ~ тюрк. *eş-* 'сгибать', т. е. ДЯЯ *m-* ~ тюрк. *0-*). В эвенкийском языке эта морфема употребляется суффиксально: *-ма* — суффикс имени прилагательного, *-мама* — суффикс, усиливающий степень качества. В ДЯЯ суффиксально употребляется служебная морфема *-rasi* 'видимо' ~ индонез. *rasa* 'чувство', 'как будто', 'по-видимому' (см. § 49).

Как бы то ни было, отличия в строе не служат препятствием для проникновения лексики из одного языка в другой, в том числе и в дописьменный период. К субстратным малайско-полинезийским словам в ДЯЯ можно отнести: *tapē* 'тапа' (ткань из луба коры бумажной шелковицы) ~ полинез. *tapa* (ср. тюрк. *tep-* 'пинать', 'молотить', что соответствует технологии изготовления ткани из куска коры); *tapu-s-* 'повалить' ~ индонез. *tapuk* 'бить по лицу', *tapung* 'бить', 'колотить', тюрк. *töpü-lä-* 'бить по голове', *töpün* 'вниз'; *tabi* 'раз' ~ монг. *dab-qur* 'раз', 'слой', 'этаж', индонез. *tubitubi* 'неоднократно', 'снова и снова'; *tagit-i* 'бурное течение' ~ тагал. *tagistis* 'капание', 'капель', кор. *чагыль-чагыль* — звукоподражание (о бурлящей

густой жидкости), тюрк. *čaḡıla-* 'шуметь', 'журчать'; *saja* 'стручок', 'ножны' ~ индонез. *saja* 'чашка из скорлупы половины кокосового ореха', эвенк. *сая* 'соединение пальцев у основания', 'щель между копытцами (оленья)'; *sawo* 'шест' (для отталкивания с лодки) ~ тагал. *sagwan* 'весло', тайск. *сау* 'трость', 'палка', 'шест', халха *саваа* 'палка', фин. *sauva* 'посох', 'палка'; *saga-si* 'крутой' (о горе) ~ индонез. *sagang* 'наклонный', 'пологий'; *saka* 'наклон', 'скат', 'гребень (петуха)' ~ тюрк. *сага* 'подножие горы', тагал. *saka* 'пахотное поле', фин. *säkä* 'загрибок', 'холка'; *sar-* 'уходить', 'оставлять', 'покидать' ~ индонез. *sarak* 'расставшийся', 'расставание', тагал. *salin* 'перемещение', кор. *sal-/sil-* < ср.-кор. *sŏl-* 'исчезать', халха *сала-лт* 'разлука' и др.

Как и население других крупных островов земного шара, древние японцы говорили на языке пришельцев. Языки-субстраты оказывают в таких случаях влияние в основном на фонетический строй. Судя по отличиям ДЯЯ от других алтайских языков, субстрат обладал следующими особенностями:

1) *r* и *l* не различались фонологически (ср. корейский, в котором эти звуки являются позиционными вариантами одной фонемы);

2) дифтонгов и аффрикат не было;

3) состав слога — CV или V;

4) в слове не было ни стечений согласных, ни стечений гласных;

5) в отличие от айну и корейского звонкие согласные были особыми фонемами, хотя в анлауте они не встречались.

Из языков западной части Тихоокеанского бассейна в наибольшей степени этими особенностями обладают полинезийские языки. Но заселение полинезийцами Гавайских и других островов центральной части Тихого океана относят к эпохе после IV—V вв. А племена — носители культуры дзё:мон жили на территории нынешней Японии за несколько тысяч лет до нашей эры. Значит, они не могли быть полинезийцами. В условиях каменного века они не могли еще сложиться в народность. Каждое из племен должно было говорить на своем племенном языке. Следовательно, можно предполагать, что был не один язык-субстрат, а несколько, хотя и родственных между собой. Они влияли на формирование различий между диалектами ДЯЯ.

До сих пор считалось, что малайско-полинезийский и урало-алтайский слои лексики ДЯЯ никак не связаны между собой. С этой точки зрения и я критиковал малайско-полинезийскую теорию происхождения ДЯЯ [см. 12, 118—122]. Однако факты говорят о том, что в этих языковых семьях есть немало слов общего происхождения. Если ставить перед собой задачу выявления общих морфем (значения которых могут несколько

видоизмениться в том или ином языке), надо сравнивать не названия предметов, а именно морфемы. Если же исследуют вопрос о том, насколько разошлись те или иные родственные языки, когда примерно это произошло, обычно сравнивают названия ста (или двухсот) наиболее древних предметов, действий и качеств.

М. Свадеш установил, что за 1000 лет заменяется около 19% таких слов. Два языка, разошедшиеся 1000 лет тому назад, имеют около 66% общих слов основного словарного фонда, разошедшиеся 2000 лет тому назад — 44%. Такие лексико-статистические подсчеты показали, что «начало дивергенции тагальского и индонезийского языков восходит примерно к III—V вв. н. э.» [51, 103]. Сравнение в этом плане ДЯЯ с современным языком Токио показало, что разрыв между ними должен составить около 1200 лет [см. 19, 60], что примерно соответствует историческим данным. Расхождение между диалектом острова Окинава и диалектом Кё:то произошло 1450—1700 лет тому назад [см. там же].

Если предположить, что айну — язык, родственный японскому, то они должны были разойтись 7000—10 000 лет тому назад [см. 19, 61], что, конечно, невероятно, так как в то время носителей культуры Яёи (а возможно, и предков айну) еще не было на Японских островах.

Таким образом, метод Свадеша позволяет получить сведения о времени расхождения заведомо родственных языков. Как считал и сам Свадеш, этот метод не может служить средством установления (или отрицания) родства. Для этого исследуются общие морфемы, даже если их значения настолько разошлись, что они уже не называют один и тот же предмет: ДЯ *kě* 'волосы' О:но сопоставляет с тур. *kil* 'волосы' (не на голове). Но привлекая еще монг. *qilga-sun*, эвенк. *килага-хун* 'конский волос', тагал. *kiling*, кор. *кальги* 'грива', тагал. *kilau* 'бровь', эвенк. *кела-ман* 'ресница', мы видим, что слова малайских языков оказываются иногда ближе к алтайским, чем японские: *ari* ~ эвенк. *ури-кта/яра-кта*, тюрк. *karinča*, индонез. *karengga* 'муравей'. Нередко корни этих языков одинаково близки между собой: *or-* 'ткать' ~ тюрк. *ör-* 'вязать', 'плести', кор. *э[ль]к-* 'наматывать', 'связывать', индонез. *olok-olok* 'вышивание'; *aruk-/arik-* 'ходить' ~ монг. *alqum* 'шаг', фин. *jalka* 'нога', тюрк. *arqış* 'караван', 'гонец', индонез. *arak* 'шествие' (в малайских языках сочетание согласных устраняется вставкой гласного); *kudak-* 'разбивать', *kudu* 'отбросы', 'отходы' ~ тагал. *kudkod* 'растирание в порошок', 'помол', удм. *кыд* 'отруби', 'шелуха', тув. *куду-рук* 'хвост', 'охвостье' (остатки от обработки зерна).

Однако даже при полном совпадении звучания и значения два слова из разных языков можно признать общими по про-

исхождению лишь в том случае, если каждая фонема слова одного языка имеет то же соответствие еще хотя бы в нескольких словах другого языка. Надо учесть и словообразовательные особенности. Так, например, сопоставляя ДЯ *susum*- 'продвигаться вперед' с его аналогами, надо сначала установить роль редупликации (полной и неполной, см. § 14), иметь в виду, что не во всех языках *su* будет удвоено. Зная, что *-m*- нередко можно рассматривать как глаголообразующий формант ДЯЯ, т. е. как особую морфему, мы также не можем рассчитывать, что найдем *-m* в сочетании именно с данным корнем в других языках. Таким образом, надо сопоставлять не слова, а лишь их корни:

susum-~индонез. *susung* 'двигаться навстречу', *susul* 'преследовать', удэ *susag* 'убегать обратно', маньчж. *coco-ro-/sosuru-* 'отступить назад', тюрк. *suči-* 'прыгать', 'скакать', удм. *сузьы-* 'достать' (до чего-либо), коми *су-* 'настичь';

susu 'сажа'~кор. *сум* [*< sus (SM, 208)*] 'уголь', бур. *сусал* 'головешка', удм. *су* 'сажа', коми *сусан* 'грязнуля', фин. *susi* 'уголь';

susuk- 'мыть'~тюрк. *suq-/soq-* 'погружать в жидкость', *susıaq* 'черпак', *susiq* 'ведро', индонез. *susuk* 'канал';

suk- 'расчесывать'~тагал. *sukláy* 'расческа', индонез. *sugar* 'расчесывать (волосы рукой)', эст. *suga* 'гребень', тюрк. *su-* 'тянуть' (но удм. *согы* 'чесалка');

sukup- 'черпать'~эвенк. *соко-* 'начерпать', тюрк. *suγ/sub/suv* 'вода', индонез. *sungai* 'река' (ср. *sudu* 'черпак');

sudi 'жила', 'линия'~монг. *suda-sun* 'артерия', маньчж. *sudala* 'кровеносный сосуд', тув. *судал* 'жила', индонез. *surih* 'линия' (ср. *sudi* 'чистый', *sudut* 'угол');

sur- 'тереть', 'красть'~индонез. *suruk* 'пролезть', 'скрыться'; тюрк. *sürt-* 'втирать', коми *дзурт-* 'точить', 'добывать огонь трением';

sune 'костный мозг' (>СЯ 'голень')~индонез. *sungsum* 'костный мозг', тюрк. *süñük* 'кость';

sumi 'уголь'~удм. *шум* 'сажа', тагал. *suub-in* 'окуривать' (ср. халха *сүүмий-х* 'становиться тусклым'), коми *шом* 'уголь';

sum- 'жить'~кор. *сум* 'дыхание', эвенк. *сумна-* 'биться (о сердце)', индонез. *sumpit* 'стрелять из духовой трубки';

sumi 'внутренний угол'~кор. *сум-* 'прятаться', эвенк. *сумэт-* 'скрывать', 'укрывать', туркм. *сума:т-* 'скрываться';

sum- 'проясниться', 'стать чистым'~тюрк. *süzük* 'прозрачный', индонез. *sumir* 'колодец', маньчж. *sumin* 'глубокий';

sumega 'правитель'~индонез. *sumigung* 'привилегированный', тув. *сымыраа-чы* 'колдун'.

Приведенные в очерке сопоставления это лишь часть собранного сравнительного материала. Все они (как это сделано тут для слов на *su-*) проверены с точки зрения регулярности

звуковых соответствий и неминуемых ее нарушений при сопоставлении родственных корней (см. § 11).

Арисака Хидэо высказал мнение о том, что в ДЯЯ было не *s*, а *ts* (*ч*). Он отмечает, что знаки, впоследствии применявшиеся для написания слогов *sa*, *shi*, *su*, *she*, *so*, в китайской письменности того времени обозначали слоги, которые имели начальным согласным шипящие, свистящие и аффрикаты, глухие и звонкие, придыхательные и непридыхательные [см. 30, 143]. Однако поскольку ни один японский диалект не сохранил тут мягкой аффрикаты, в начале эпохи Хэйан было, по его мнению, *ts* [см. 30, 149]. Действительно, алтайские шипящие имеют в ДЯЯ такие же соответствия, как и свистящие. По крайней мере часть тюркских *š* и *č* соответствует ДЯ *s*: тюрк. *šiš* 'вертел' (также 'опухоль') ~ ДЯ *sisi* 'мясо' (то, что надевается на вертел), *sas-u* 'колоть', 'пронзать'; тюрк. *šu*, *šü*, *ču* (постпозитивная усилительная частица при повелительной форме глагола) ~ ДЯ *-sö* (суффикс запретительной формы глагола); тюрк. *šor* 'солёный' ~ ДЯ *sipo* 'соль'; тюрк. *čibiq/čubiq* 'прут', 'стебель' (> рус. *чубук*) ~ ДЯ *siba* 'кусты', 'веточки кустов', 'прутья'; тюрк. *čim-siz* 'без морщин' ~ ДЯ *siwa* 'морщина'; тюрк. *čabaq* 'мелкая рыба' ~ ДЯ *saba* 'скумбрия'; тюрк. *čağır* 'молодое вино' ~ ДЯ *sakē* 'водка', тюрк. *či* 'роса', 'сырой', 'влажный' ~ ДЯ *si-midu* 'чистая вода' и др.

Правда, есть и другие соответствия. Так, тюрк. *č* ~ ДЯ *k*:- тюрк. *čağmur* ~ ДЯ *kabu[ra]* 'репа' (ДЯЯ использует тут оба способа адаптации слова с конечным согласным: и отбрасывание его, и добавление гласного); тюрк. *čal* 'серовато-белый' (> рус. *чал-ый*) ~ яп. *kari-pa* 'береза' (этимологически 'белое дерево'); тюрк. *č* ~ ДЯ *t*:- тюрк. *čağ* ~ ДЯ *töki* 'время'; тюрк. *čağıla-* 'шуметь', 'журчать' ~ ДЯ *tagit-* 'бурно течь'; тюрк. *ču:q-* 'пылать' ~ ДЯ *tuk-* 'зажигаться' и немногие другие.

Если бы ДЯ *s* действительно произносилось бы *tsf*, то тюрк. *tsf* (*ч*) имело бы в ДЯЯ всегда одинаковое соответствие. На самом же деле имеется три соответствия вместо ожидаемого одного, что можно объяснить одной из двух причин: или тюркское *č* восходит к трем разным звукам, каждый из которых имеет в ДЯЯ свое соответствие, или в ДЯЯ не было шипящих и аффрикат, в результате чего чуждый звук *č* воспринимался по-разному. Зато тюрк. *s* всегда соответствует ДЯ *s*.

Комментаторы «Мангъё:сю:» принимают и для VIII в. произношение *tsa*, *tsu*, *tso* (вместо *sa*, *su*, *so*) при *si*, *se* [см. М I, 32—33]. Но те, кто занимается сравнением с другими языками, восстанавливают *sa*, *si*, *su*, *se*, *so*. Дело в том, что полинезийским языкам шипящие чужды. Думается, что под влиянием языков-субстратов ПЯЯ утратил шипящие и аффрикаты, если они у него были.

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

§ 6. Система согласных фонем

Согласные противопоставляются по месту и способу образования. Несonorные согласные различаются и по звонкости/глухости. Перед *i* согласные, должно быть, палатализовались, но это давало лишь позиционный вариант. В отличие от корейского и китайского противопоставления по придыхательности/непридыхательности нет. Лабиализованные согласные появились позже [см. 58, 313].

Судя по силлабическому письму, согласных фонем было 13.

k—g	s—z	t—d	p—b
		n	m
	j	r	w

Сонанты *n, m, j, r, w* фонетически — звонкие, а фонологически — нейтральные, так как в ЯЯ они не имеют глухих соответствий (ср. бирманские сонанты). Так, в анлауте звонкие не встречались, но сонанты (кроме *r*) нередко начинают собой слово. Лишь в немногих недавних заимствованиях из китайского (далее — канго) и санскрита это правило нарушалось: *bipa* (J, 620) 'четырёх(пяти)струнный музыкальный инструмент'; *baramoni* (M, 3856) 'брахманы' (<санскр. *brahmana*); *gakī* (M, 608) 'голодный черт' (<кит.<санскр.); *daniwoti* (M, 3847) 'жертвующий на храм' (<санскр. *dānapati*) и немногие другие. Но *baké* (J, 574) 'способ', 'умение' не канго и среди древнеяпонских слов выглядело аномалией.

Слова, которые позднее стали произноситься с начальным звонким, или вообще не зафиксированы в памятниках VIII в., или еще начинались с глухого: *puti* 'пегий' (о лошади) >НЯ *buti*; *tōdō* — звукоподражание (о стуке, топоте) >НЯ *dondon*; *tōjōm-u* 'разноситься' (о звуке) >НЯ *dojo-mek-u*; *kama* >НЯ *gama* 'рогоз широколистный'; *sama* 'вид' >НЯ *zama* (~тагал. *samā* 'зло').

Даже ономатопоэтических слов, начинающихся на звонкий, было очень мало. На *b-, d-, g-* начинались лишь постпозитивные частицы и суффиксы (*-bakari* 'только', 'около', *-damī* 'примерно', *-gōtō* 'подобно', *-gōtōni* 'каждый'), суффикс притяжательного падежа *-ga*, восклицательная частица *-zō* (чаще *-sō*). Это объясняется правилом ЯЯ: начальный глухой второго компонента сложного слова озвончается, если во втором компоненте нет другого звонкого (наличие сонанта не препятствует озвончению глухого): *jamatōgōtō* 'японское кото' (шестьструнный музыкальный инструмент), *jamadōri* 'крупный

фазан' (букв. 'горная птица'), *pibara* 'роща кипарисовика', *wasasazakë* 'молодое сакэ'. Такое озвончение имеет место только в том случае, если первый компонент по смыслу определяет второй. В копулятивных композитах, например *titipapa* 'отец и мать', озвончения нет. Нет его и в сложных глаголах: *kakitör-* 'нарисовать' и т. п.

Озвончение начального глухого сигнализирует о появлении единого сложного слова. Значит, это не чисто фонетическое явление, не просто «обретение голоса» под влиянием соседних гласных при попадании глухого в интервокальное положение. Однако иногда озвончение отсутствует без видимых причин: *jakara* 'семья' (*ja* 'дом'), хотя в других сложных словах с тем же вторым компонентом озвончение есть: *paragara* 'братья и сестры' (*para* 'живот'), *ugara* 'семья' (*umi* 'рождающая'), *tömogara* 'друзья' (*-kara* ~ эвенк. *калан/халан* 'род', монг. *qari* 'род', 'племя', нивх. *кал* 'род', мари, удм. *калык* 'народность', яв. *kuli* 'род', 'племя', тюрк. *qalın* 'многочисленный', 'стая', 'толпа').

В ПЯЯ *-r-* и *-l-* должны были быть разными фонемами. Об этом можно судить по соответствиям в других языках. Так, в *-kara -r- < *l-*, но в *kara-ni* 'по причине', 'от', 'из' находим *-r- < *r-* (~ маньчж. *карань* 'поэтому', мари *кõра* 'из-за', 'ради').

ДЯ *n-* может соответствовать *n-* в корейском, монгольских, тунгусо-маньчжурских и малайских языках: *na* 'земля' ~ маньчж., удэ *на*, нан. *на*: 'земля', эск. *на* 'место', 'местность', тайск. *на*: 'поле', 'земли'; *negi/negu-ri* 'молиться', *negi* 'жрец' ~ эвенк. *нэнги-* 'молиться', эвенк. *нэнгэ-* 'наклониться', 'молиться', тув. *нэгэ-* 'требовать' (< монг.), халха *нэхэ-* 'требовать', 'домогаться', бур. *нэнгэ-* 'наклоняться'; *ni* 'ноша', 'вьюк' ~ ср.-кор. *ni-* (SM, 33) 'нести на голове', ительм. *ниг* 'груз', эвенк. *ини*: 'наспинная ноша', 'вьюк', коми, удм. *нү-* 'нести'; *pör-* 'возглашать', 'ругать' ~ кор. *норэ* 'песня', эст. *pori-* 'повздорить'; *nige/nigi-ri* 'промокать', 'намокать' ~ эвенк. *нурэ* 'грязь', халха *норо-* 'мокнуть', коми *нюр* 'болото', мари *норик* 'сырой', 'влажный'.

Однако в тюркских языках незаимствованных слов с начальным *n-* крайне мало: *na-ni* 'что?' ~ тюрк. *не* 'что?'. Во многих других случаях ДЯ *n-* соответствует тюрк. *-j-*: *na* ~ тюрк. *jer* 'земля', *pör-* ~ тюрк. *jur-la-* 'петь' [ср. 38, 170]. В корейском утрачено начальное *n-* перед *i:* *i-* 'нести на голове'. ДЯ и другие языки, сохраняющие *n-*, отражают общеалтайское **n-*. Тюрк. *j-* (< **n*) — относительно новый звук.

В ряде корней ДЯ *n-* соответствует *l-* в тех языках, которые его имеют: *pati* 'волна' ~ маньчж. *наму* 'океан', эвенк. *нам/лам* 'море', эвенк. *ламу* 'море', и.-е. **la:ma:* 'лука', 'болото', фин. *lampi* 'пруд', халха *намлза-х*, индонез. *lambai*

'колыхаться', тагал. *lambog* 'плеск', тайск. *нам* 'вода'; по (М, 839)/*ни* (М, 837) 'целина' ~ айну *нир* 'поле', кор. *нон* 'рисовое поле', эск. *ну-на* 'земля', 'местность', 'страна', но удм. *луд* 'поле', 'дикий'; *нир-* 'шить', 'пршлавать' ~ эвенк. *луна-* 'вонзить', кор. *нуби* 'стежка' (одеяла и т. п.), нивх. *нух* 'игла', эск. *нувун* 'ушко', 'иголка'. Такое ДЯ *n-* восходит к **l-*.

То, что часть ДЯ *n-* соответствует тюрк. *j-*, не означает, что тюрк. *j-* всегда соответствует ДЯ *n-*. Напротив, в большинстве случаев ДЯ *j-* соответствует тюрк. *j-*: *ja* 'дом' ~ тюрк. *jar-* 'строить'; *jak-* 'жечь' ~ тюрк. *jaq-tur-* 'зажигать', маньчж. *яха* 'жар от угольев'; *jagate* 'возле', 'близко' (>'вскоре') ~ тюрк. *jaγ-* 'приближаться'; *jama* 'гора', 'лес' ~ тур. *yamaç* 'склон (горы)', коми *ямас* 'полоса земли, обожившаяся при спаде паводка', эвенк. *янг* 'сопка', 'безлесная гора', коряк. *янгъянгай* 'гора'. Однако древнетюркское *j-* соответствует *ж* (*дж*) казахского и киргизского языков. Очевидно, что и древнеяпонское *j-* соответствует *ж* в киргизском и казахском языках: *jari* 'копье' ~ кирг. *жар-* 'колоть'.

В тагальском и малайском языках слов с начальным *j-* (= *y-*) мало. ДЯ *jabu* 'чаша' ~ тагал. *yabong* 'буйный рост', тюрк. *jaba* 'дикий' (?) (может быть, 'лесной'?), ср. коми *яг* 'сосновый лес'; *jugat-* 'быть кривым (изогнутым)' ~ тагал. *yukô* 'нагибание', 'сгибание', тюрк. *jâkûn-* 'поклоняться', 'кланяться'; *jör-* 'приближаться' ~ тюрк. *jor-* 'идти', 'ходить', тагал. *yurak* 'топание', 'топание', бур. *epэ-* 'приходить', 'приезжать'.

ДЯ *m-* соответствует *m-* в других языках, например: *та* 'свободное место (время)' ~ протоур. *та* 'земля', эск. *ма* 'обширное пространство', маори *wa* 'место или пространство'; *tak-ar-* 'уходить' ~ тюрк. *таһ-* 'шагать', 'идти', эск. *мак'а* 'течь'; *таwir-* 'идти', 'приходить' ~ индонез. *tampir* 'заходить', 'заезжать'; *masi* 'лучший', *mas-и* 'увеличивать[ся]' ~ нан. *маси* 'сильный', халха *маш* 'очень', 'весьма', индонез. *masuk* 'входить', 'быть включенным', 'поступать', кор. *мас* (SM, 53) 'попадать в цель', 'подходить', 'соответствовать', 'совпадать'; *mě/ma-* ~ индонез., тагал. *mata*, вьетн. *mât* 'глаз'; *-me* 'женщина' (например, в *pi-me*, *musu-me* 'девушка', 'дочь') ~ венг. *мену* 'невестка', 'сноха', халха *мэгж* 'самка кабана', кхм. *ме:* 'женщина', *ме:-* 'самка' (~ Я *те-* в *те-dori* 'курица' и т. п.); *me-su* 'самка' ~ ханты *мэс* 'корова'; *то* 'и', 'также', 'даже' ~ тюрк. *тајте* 'и', 'же', 'также', 'даже'; *mine* 'пик', 'вершина' ~ тюрк. *min-/mîn-* 'подниматься', 'восходить'. Но таких соответствий немного, потому что слов с начальным *m-* в тюркском было очень мало.

Есть и слова, в которых ДЯ *m-* соответствует *b-* в тюркском и индонезийском языках: *та-кi* 'хорошая древесина' (>СЯ 'дрова') ~ мари *маклака* 'полено', венг. *maglya* 'костер', индонез. *bakar* 'жечь', ср. тюрк. *ba-γ* 'вязанка' (эти соответ-

ствия вызывают сомнение в правильности традиционного деления *takī* на две морфемы); *taġar-* 'перемешиваться в беспорядке' (>СЯ 'иметь сходство')~кирг. *макал-ду* 'подобно', индонез. *bagai* 'подобно', 'одинаковый'; *tugi* 'злаки'~тюрк. *bidūai*, маньчж. *мучжу* 'пшеница'. Но таких соответствий тоже немного; тюрк. *b-* чаще соответствует ДЯ *p-*: *purū-* 'старый' (о вещах)~тюрк. *burun* 'прежде', 'раньше', индонез. *purba* 'старинный', удм. *пересь* 'старый', нен. *пуромзь* 'ржаветь'; *pitari* 'лоб'~тюрк. *bit*, чув. *пим* 'лицо', индонез. *pelipis* 'висок'; *pasi* 'палочки (для еды)'~тюрк. *bas-* 'давить', индонез. *pasak* 'деревянный гвоздь', 'стержень'.

В отдельных словах ДЯ *m-* соответствует тюрк. *0-* (ноль звука): *tak-* 'сеять'~маньчж. *макта-* 'сеять', венг. *mag* 'семя', 'зерно', тюрк. *ek-*, чув. *ак* 'сеять', мари *ага* 'сев'; *mēgur-* 'вертеться', 'кружиться', 'объезжать'~тюрк. *egir-* 'окружать', 'обходить', 'вращать', ханты *мәүәл* 'окружность'; *mag-ar-* 'гнутья', 'быть изогнутым'~мари *мугыр* 'изгиб', 'искривление', 'поворот', тув. *мөгөөр* 'наклоняться', 'нагибаться', тюрк. *eġ-* 'гнуть', 'сгибать', маньчж. *онголо* 'извилина' (<тюрк.?).

Примечание. В одних диалектах СЯ *g* сохраняет взрывной характер во всех позициях. В других диалектах (и в национальном языке)/-*g*/ (т. е. фонема *g* в интервокальной позиции) произносится [g]. Было ли *ŋ* в ДЯЯ, трудно сказать. Но то, что ДЯ *-g-* могло соответствовать как *-g-*, так и *-ŋ-* в других языках, не вызывает сомнений.

ДЯ *ш-* (сохранившееся в СЯ только в позиции перед *-a*) соответствует *ш-*, *b-*, *p-* (т. е. губным согласным) или *0-* (нулю звука) в других языках: *шог-* 'быть'~монг. *bol* 'становиться', тюрк. *bol-* 'случаться', 'быть', 'иметься', 'становиться', коми *оль-* 'жить', 'быть', 'находиться', тур. *ol-* 'быть', 'становиться', *wi-ri* 'быть'~эвенк. *би-* 'есть', бур. *бии* 'есть', 'имеется', слав. *бы-ти*; *шэ* 'хвост'~коми *бож* 'хвост', мари *вож* 'корень'.

Начальные глухие в корнях ДЯЯ могут соответствовать как глухим, так и звонким в других языках: *kari* 'гусь'~тюрк. *kaz* 'гусь', маньчж. *гару* 'лебедь' (чередование *г* с *з* является для тюркских языков общепризнанным: чув. *хур* 'гусь'); *takē* 'гора', 'высота', 'рост'~тюрк. *taḡ* 'гора', халха *таг* 'плато', индонез. *daki* 'всходить на гору'; *pa* 'листва'~нивх. *пал* 'лес', нен. *пя*, монгор. *баг*, венг. *fa*, туркм. *ба:г* 'дерево'. Какой из двух согласных (глухой или звонкий) является более древним, надо решать особо для каждого корня.

Общее количество согласных фонем в ДЯЯ было сравнительно невелико. Но уже в классическом языке X—XII вв. оно резко увеличилось за счет появления мягких и долгих согласных. По-видимому, и в ДЯЯ были долгие согласные, хотя силлабическое письмо не располагало средствами для их обозна-

чения. Там, слово, которое писалось *kana* 'нож (для обстругивания досок)' в дальнейшем пишется (и произносится) *kanpa* (~эвенк. *кангна-* 'выстругать', *кангна-вун* 'нож для скобления стружек', фин. *hangata* 'скоблить'). Для перехода в этом слове *n* в *p*: как будто нет причин. Может быть, *-n-* в *kana* было долгим по произношению и в ДЯЯ?

В ЯЯ, как и во многих других языках, кроме таких слов имеются слова с эмфатически удлинённым согласным, например в позиции после префикса *ta-* [см. 58, 305—309]. И это явление в древнеяпонских текстах не отражено, хотя такой долгий должен был возникнуть при ассимиляции согласного в исходе префикса с начальным согласным корня еще в прото-японском языке. Таким образом, хотя текстуральных доказательств наличия долгих согласных в ДЯЯ как будто и нет, предполагать их наличие мы имеем некоторые основания. Думается, что удлиняться могли лишь глухие и сонорные *-m-* и *-n-*, как и в последующие эпохи. Против такого предположения говорит лишь одноморный характер слогов, в которых в дальнейшем зафиксирован долгий согласный. Кроме того, некоторых слов с долгим (в частности, многих наречий) вообще еще не было.

§ 7. Система гласных фонем

В ДЯЯ было восемь кратких гласных: *a, ĕ, e, ĭ, i, õ, o, u*. К IX в. произошла конвергенция: $\check{e} \times e = e$, $\check{i} \times i = i$, $\check{o} \times o = o$. Сложившаяся в IX в. слоговая азбука отражает только пять гласных. Поэтому памятники VIII в. для этимологии ЯЯ являются исключительно ценными. (О том, как обозначались в них восемь гласных, см. в конце § 10.)

a — наиболее употребительный гласный. О появлении *a* в первом слоге под влиянием регрессивной ассимиляции см. § 8. Звук *a* встречается в конце первого компонента сложного слова, который в роли самостоятельного слова имел *-ĕ*.

ĕ — встречался редко, в исходе слова чередуется с *a*: *sakĕ*, но *sakaduki* 'чарка для сакэ'. Морфем с *ĕ* во всех слогах почему-то не было (в *mĕd-e* 'любовь' — две морфемы). Слог с *ĕ* не мог соседствовать со слогом с *e* в одной и той же морфеме (в *ter-er-e* 'сияет' — три морфемы).

e — с другими гласными не чередовался. Значит, *e*, который чередуется с *a*, восходит к **ĕ*: *ripne* 'лодка', но *ripa-nõ-rĕ* 'лодки нос' (*ripne* < **ripnĕ*). В двусложном корне не было двух *e*.

ĭ (= рус. *ы*) — чередовался с *õ* в исходе слова: *kĭ* 'дерево', но *kõkĕ* 'мох' (букв. 'дерева волосы'), *kõ-nõ-ra* 'древесная листва', *kõ-nõ-mĭ* 'плоды' (лексикализация определительных

словосочетаний); *pī* 'огонь', но *po-nō-po* 'пламя' [*po* < **pō*;
конечное *-po* — та же морфема, что и *po* 'колос', 'верхушка'
(см. J, 600)]. Гласный *ī* чередовался и с *u*: *mī* 'тело' — *tukuro*
'мертвое тело' (~ удм. *мугор* 'тело'). Но такие случаи редки.
(О переходе *ī* в первом слоге в *u* или *a* см. § 8.)

ī — в составе первого слога слова может считаться древнейшим звуком. Под влиянием *u* или *a* второго слога гласный *ī* нередко переходил в *u* или *a* (см. § 8). Может соседствовать со слогом с любым гласным.

ō — в составе одной неодносложной морфемы не мог соседствовать с другим слогом, содержащим *o*. Есть немало слов, огласованных на *ō*: *tōkōrō* 'место', *kōkōrō* 'сердце' и т. д.

o — в составе одной морфемы не мог соседствовать с другим слогом, содержащим *ō*. Слов, в которых два слога имели бы гласный *o*, было всего пять: *tomo* 'ляжка', *tomo* 'сто', *itoko* 'друг', *sinono* — звукоподражание (о просачивании воды), *kogo* — звукоподражание (о стуке). Морфем, в которых слог с *o* (или *ō*) соседствовал бы со слогом на *u*, тоже было мало: 13 слов с *u* в первом слоге и с *o* во втором и всего восемь слов с *ō* и *u* (в разных позициях) [см. об этом 38, 160—161].

Не было ни одного двусложного корня, в котором было бы и *o* и *ō*. Это явный признак сингармонизма: как и в алтайских языках, сохранивших гармонию гласных, в одном слове не могли находиться гласные двух разных рядов.

u — в СЯЯ самый узкий гласный. В отличие от древнетюркского языка, где было два разных *u* (*u* и *ū*), в ДЯЯ было только одно *u*. Тем не менее *u* ограниченно употреблялся в одной морфеме как с *o* (см. выше), так и с *ō*. Гласный *u* обнаружен в одном слове с *ō* лишь в трехсложных и многосложных (этимологически непростых?) словах: *usirō* 'задняя сторона' (*siri* 'зад'), *pukurō* 'мешок' (от *puk-u* 'дуть'), *kōmura* 'икры', *musirō* 'рогожа' (*musub-* 'связывать').

Таким образом, правила сингармонизма распространялись лишь на одну корневую морфему (и немногочисленные форманты залогов и переходности/непереходности). Такой тип сингармонизма характерен скорее для индонезийского, чем для алтайских языков [см. 50, 218 и сл.]. В индонезийском языке *u* первого слога не может стоять перед слогом с *o* [см. там же]. Иначе обстоит дело в тагальском, где *o* последнего слога перешло в *u*. Видимо, наличие в ДЯЯ 13 слов с *u* в первом слоге и *o* во втором есть результат влияния языка-субстрата типа тагальского: *kumo* 'туча' ~ тагал. *kumot* 'одеяло'; *kuri* 'каштан' ~ тагал. *kumlim-lim* 'темный' (ДЯ *kuro* 'черный'); *kuso* 'кал' ~ тагал. *kursól/kulsó* 'понос'; *puto* 'полный', 'толстый' ~ тагал. *puktō* 'опухоль'; *suso* 'полы (платья)' ~ тагал. *suso* 'грудь'; *tuno* 'рога', 'усики (насекомого)' ~ тагал.

tunok 'клюв'. Однако большая часть многочисленных тагалских слов типа *SuCo*[C] имеет в ДЯЯ соответствия с несколько другой огласовкой: *posó* ~ тагал. *pusod* 'пуп'; *pune* 'лодка', 'сосуд' (фин. *vene* 'лодка') ~ тагал. *pund* 'дерево', *pund* 'полный', 'наполненный'; *puta* 'крышка' ~ тагал. *putong* 'головной убор'; *tugě/tugu-ru* 'сообщать', 'возвещать' ~ тагал. *tugón* 'ответ' и др. Конечный гласный в корнях ДЯЯ не является в этих случаях прямым соответствием тагалскому. Гласные *-ě*, *-a* появились тут, чтобы избежать необычной огласовки типа *SuCo*. В нескольких словах такая огласовка сохраняется и в ДЯЯ, но согласный видоизменяется: *ико* 'глупость' ~ тагал. *utó-utó* 'слабоумный'; *tudop-* 'собираться' ~ тагал. *i-tutóp* 'зачерпывать пригоршнями', *má-tutóp* 'складываться'.

Таким образом, в ДЯЯ существовали следующие правила сингармонизма:

1) в одной неодносложной морфеме не могло быть двух *ě*, двух *e* или двух *o*. Приведенные выше пять слов с двумя *o* не представляют собой подлинного исключения, так как звукоподражания *kogo* и *sinopo* являются редупликациями (полной и неполной); *ko* в *ito-ko* — самостоятельная морфема (как в *wotó-ko* 'мужчина', где наличие морфологической границы позволяет *ó* и *o* находиться в соседних слогах. То же, очевидно, могло быть и с двумя *o*): *tomo* 'ляжки' является редуплицированным названием парной части тела; *tomo* 'сто' — четное число (в древности предельное), тоже редупликация;

2) *ó* и *o* не могли находиться в соседних слогах, не разделенных морфологической границей;

3) *ó* и *u* встречались только в этимологически сложном слове: в *kó-mura* 'икры' второй корень *mura* означает скопление чего-либо, первый корень *kó-* этимологически связан с *koj-* в *koj-u* 'толстеть' (~ удм. *kóй* 'сало'). Внутренняя форма слова *kómura* — «утолщение». Оно могло относиться и к верхней части руки (ср. *sisi-mura* 'мясо');

4) *u* и *o* в одной морфеме встречались лишь в виде исключения (под влиянием одного из малайских языков-субстратов, но влияние другого сокращало такие случаи до минимума).

Несмотря на такие твердые правила, система сингармонизма в ДЯЯ начала уже разрушаться: если сопоставить слоги, в которых *e* и *ě*, *i* и *ĩ*, *o* и *ó* продолжали дифференцироваться, с теми, в которых разница между ними исчезла, то окажется, что они различались лишь в 40 слогах из 84 возможных [см. систему слогов ДЯЯ; прочерки поставлены в четных (горизонтальных) рядах вместо слогов, уже не отличающихся в памятниках VIII в. от слогов с *i*, *e*, *o*, приводимых в нечетных рядах].

Система слогов ДЯЯ

a	i	u	e	o					
	—		—	—					
ka	ki	ku	ke	ko	ga	gi	gu	ge	go
	kī		kē	kō		gī		gē	gō
sa	si	su	se	so	za	zi	zu	ze	zo
	—		—	sō		—		—	zō
ta	ti	tu	te	to	da	di	du	de	do
	—		—	tō		—		—	dō
na	ni	nu	ne	no					
	—		—	nō					
pa	pi	pu	pe	po	ba	bi	bu	be	bo
	pī		pē	—		bī		bē	—
ma	mi	mu	me	mo					
	mī		mē	mō					
ja	*ji	ju	je	jo					
	—		—	jō					
ra	ri	ru	re	ro					
	—		—	rō					
wa	wi	*wu	we	wo					
	—		—	—					

В нечетных рядах представлены почти все возможные слоги (кроме **ji* и **wu*, в которых согласный элемент был слишком похож на гласный; однако для более древнего состояния, чем VIII в., можно предположить наличие и этих слогов). Гласные *i* и *ē* одинаково представлены в четных рядах. Фонемы *i* и *ī*, *e* и *ē*, *o* и *ō* после звонких согласных дифференцировались так же, как и после соответствующих глухих. Значит, глухость/звонкость предшествующего согласного не могла оказать влияния на их конвергенцию. Гласные *o* и *ō* дифференцировались почти во всех слогах, кроме слогов без согласного и слогов, начинающихся с губных *p*, *b* и *w*. В «Манъѣ:сю:» не различаются слоги *to* и *tō*, что можно объяснить утратой к середине VIII в. различия между *o* и *ō* в позиции после последнего губного, где в начале века *o* и *ō* еще различались.

Всего насчитывалось 88 разных слогов. Однако, исходя из наличия системы из восьми гласных, можно предположить существование в прошлом еще 24 слогов. Так, должны были быть: **sī*, **sē*, **tī*, **tē*, **nī*, **nē* и т. д. (в четных рядах вместо них поставлены прочерки).

В ближайшем прошлом были слоги **ji* и **wu*. Это доказывается не только фонологически, но и морфологически. Так, хотя стечение гласных в слове, как правило, не допускалось, появились уже такие слова, как *kui* 'раскаиваясь' (от *kuju* 'раскаиваться'), *oi* 'старей' (от *oju* 'стареть'), *jasui* 'спокой-

ный сон', *joi* 'ночной сон' (ср. *imě/jumě* 'сон'): *j*-сохранялся перед *u* и исчезал перед *i*. В результате выпадения **-j-* возникали стечения гласных, в том числе даже не разделяемые морфологической границей (как в глаголах): *kai* 'весло' ~ индонез. *ka juh*, монг. *qaja-γur* 'весло', тюрк. *qajjūq/qajjuq* 'лодка', горноалт. *кай-* 'скользить по поверхности воды', эвенк. *ge:-вун* (*e*:<*ай?*) 'весло'. Следовательно, ДЯ *kai*<**kaji*. Появление слов со стечением гласных создало условия для восприятия в дальнейшем заимствований с дифтонгом на *-i*.

В прошлом был, видимо, и слог **wu*. Так, срединная форма *uwe* 'сажая (растения)' должна была входить в одну парадигму с заключительной формой **uwu* (в *J* записана как *uu*). *Wi* в *wi-ru* (<*wi-ru*) 'быть' имело и вариант *u* (М, 1912; *J*, 108) <**wu* (ср. рус. *бу-ду* и *бы-л*). Форме *kuwe* 'пихая' должна была соответствовать заключительная форма **kuw-u* 'пинать'.

В текстах памятников встречаются и слова с *au*: *a-ura* (М, 3006) 'гадание при помощи ног' (<*asi* 'нога'+*ura* 'гадание'), *saukeru* — название растения, *taubaru* 'быть похожим' (о лице, фигуре), *pasipakauburi* 'мужской лакированный головной убор', *mausu* 'говорить'. При наличии таких слов нетрудно было воспринять и китайские слова с *au*, сначала, возможно, те, где между *a* и *u* проходит морфологическая граница: *tu-ka-u-nō sato* (М, 3851) 'в селе, где ничего нет'.

Таким образом, хотя стечение гласных, не разделяемых морфологической границей, встречалось еще редко, на стыке морфем сложного или производного слова оно встречается чаще. Правда, были и случаи, когда в одном и том же слове устранение зияния (посредством выпадения одного из гласных, оказавшихся рядом) то имело место, то нет: *piiduru/piduru* 'превосходить', *otiiru/otiru* 'падать (в яму и т. п.)'. В ряде сложных слов оба гласных, оказавшихся рядом, сохраняются. Это можно доказать путем подсчета слогов в стихах «Маньё:-сю»: где преобладают слоги в пять и семь слогов: *kamo-nō paotō-nō* (М, 3090) 'хлопанья крыльев уток' [если бы один из гласных (*a* или *o*) выпадал, к стиху был бы добавлен еще один слог для сохранения размера]; *miakanu imo-ni* (М, 2980) 'с любимой, на которую [я] не могу наглядеться' (семь слогов). Об обозначении на письме стечения гласных и выпадении одного из них см. также § 10.

Каким дифференциальным признаком отличались фонемы *ě*, *ĩ*, *õ* от *e*, *i*, *o*, не вполне ясно. Одни полагают, что степенью раствора рта (широкие/узкие), другие думают, что лабиализованностью/нелабиализованностью (т. е. работой губ). Принятое в очерке обозначение гласных четного ряда посредством букв с двумя точками над ними является общепринятым условным способом отличия на письме одной фонемы данного ряда от соответствующей фонемы другого ряда. Во всяком случае су-

шественно, что фонологически значимое различие между ними было: *mĕ* 'глаз' отличалось от *me* 'женщина', *kĕ* 'этот' — от *ko* 'ребенок', *tĕ* 'десять' — от *to* 'дверь', *sĕ* 'тот' — от *-so* 'десяток', *nĕ* 'бамбук для стрелы' — от *no* 'поле', *mĭ* 'тело', 'веялка', 'устье' — от *mi* 'три' и *mi-* — префикса вежливости и т. д.

Возможно, слова отличались и по относительной высоте тона: в 30 местах в памятниках стоит иероглиф уменьшенного размера со значением 'верх'. Может быть, так пытались обозначить высокий регистр, когда произношение с низким регистром изменяло смысл?

Наличие восьмигласия имеет большее значение и для истории японской морфологии. Оказалось, что флексией повелительного наклонения глаголов 1-го спряжения было *-e*, а «условной основы» — *-ĕ*. Опираясь на эти грамматические показатели, можно восстановить древние слоги **rĕ* (как в **arĕba* 'если есть', ср. *akĕba* 'если открывается') и **re* (как в **are* 'будь!' по аналогии с *ake* 'открывайся!') и т. п. Флексией срединной формы глаголов 1-го спряжения было *-i*, а глаголов 3-го спряжения — *-ĭ*. Значит, можно восстановить слоги **tĭ* (в **mitĭ* 'наполняюсь' от *mitu-ru*) и др. Правило о том, что в одной морфеме не могут встречаться *o* и *ō*, позволяет восстановить слоги **wō* (как в **wōtō-ko* 'мужчина'), **ō* (как в **ōtō* 'звук') и т. д.

Таким образом, можно утверждать, что за несколько веков до появления памятников на ДЯЯ в нем было 110—112 разных слогов.

§ 8. Перелом гласных *i*, *ī* первого слога (*i*, *ī* > *u*, *a*, *ō*)

В алтайских языках *i* или *ī* первого слога может переходить в *a* (или другой гласный) под влиянием *a* (или другого гласного) второго. Наличие данного явления в ЯЯ не было признано до 1967 г. [см. 12, 122—124; 40, 325—338], так как:

1) это явление (как, впрочем, и в некоторых алтайских языках) не было всеобъемлющим: осталось немало слов с *i* в первом слоге при наличии *a*, *u* во втором;

2) такой переход гласных уже в VIII в. не был живым явлением: в новых словах он почти не имел места;

3) слово с *a* (<*i*) нередко приобретает особый оттенок значения, в результате чего создается впечатление, что это совершенно другое слово;

4) наконец, отсутствие перелома в китайском языке с его односложными морфемами не давало японским лингвистам традиционной школы материала для сравнения; знакомство с индоевропейскими языками тоже ничего не изменило, так как эта

разновидность регрессивной ассимиляции гласных не играет в них большой роли (ср., впрочем, слав. *уго* с лат. *jugum*);

Лишь сравнение с урало-алтайскими языками дает возможность пролить свет на это явление и в ДЯЯ.

Одним из важных доказательств наличия перелома являются слова одинакового значения, отличающиеся лишь гласным первого слога: *isamu/asamu* 'предостерегать', *tigapu/tagapu* 'различаться', *itukusi/utukusi* 'милый' (>'красивый'), *igupi/ugupi*—название вида пресноводного карпа, *iku/juku* 'уходить', *ikupa/ukupa* 'цель' и т. п. [дополнительные примеры см. 12, 122—124; 40, 325 и сл.; 13, 558 и сл.; 14, 110 и сл.; 15, 60 и сл.]. Такие пары можно считать вариантами одного и того же слова.

Другим доказательством того, что перед нами не слова разного происхождения, а варианты одного и того же слова, является наличие соответствующих параллелей в других языках. При этом в одних из них может сохраняться старое *i*, в то время как в других появляется *a*, *u* и др.: *tika-* 'близкий' ~ монг. *čike-* (<**tike-* 'ближайший', 'кратчайший', 'прямой' [23, 154]), индонез. *dekāt* 'близкий', эвенк. *taḡama/daḡa* 'близкий'. Но тюрк. *jaγ-* 'приближаться' ~ ДЯ *jagate* 'вблизи', 'возле' (>НЯ 'вскоре'). Корни *tika-* и *jaga-* в ДЯЯ были уже разными, хотя и родственными корнями (см. § 14).

В ДЯЯ один и тот же корень с переломом и без перелома *i* может входить в состав разных частей речи: *kata-* 'твердый', *kitasi/katasipo* 'твердая соль', *kitamē/kitamu-ru* 'проучить', 'наказать', *katam-* 'укреплять' ~ эвенк. *kaṡan* 'крепкий', 'твердый', *kaṡav-* 'закаляться' (о металле), монг. *qataγu*, маньчж. *хатань*, тюрк. *qatīγ* 'твердый', но удм. *кыда-* 'закаляться', кор. *куды-* 'твердый' и т. д. Коми *кын*, луорав. *qit/qet* 'мерзлый' перекидывают мост к значению *kita* 'север' ~ монгор. *kima* 'холодный', халха *хойт* 'северный' (<монг. *kūγitūn*), тагал. *hilagā* 'север'; ср. и индонез. *kidal*, ДЯЯ *pidari* 'левый' (народы, у которых дверь жилища была направлена в сторону восхода солнца, называли север «левым», например, древние тюркч и якуты [см. 56, 46]; тогда юг должен был называться «правым»; ср. *minami* 'юг' с *migi* 'правый' ~ якут. *uḡa* 'правый', 'юг'). Левая сторона считалась более почетной (богиня солнца родилась из левого глаза и т. п.) [см. J, 613].

Суффикс деепричастия одновременности *-nagara* можно сопоставить с глаголом *nagare/nagaru-ru* 'гечь' и с суффиксом эвенского деепричастия одновременности *-ни:ка:н/-ни:кэ:н* (как и в случае с *-ra* — суффиксом множественности. ДЯЯ из разных вариантов огласовки суффикса, встречающихся в языках с гармонией гласных, избирает огласовку на *-a-*).

На чисто фонетический характер перелома *i* указывают глаголы, в которых этот перелом происходит лишь в формах,

где во втором слогe появляется *-a-*: *nigē/nigu-ru* 'бежать', но *nōgaru-ru* 'спасаться бегством', 'мочь бежать' (~эск. *ny-guz'ak'a* 'отходит', 'отъезжает', тюрк. *jūgūr-* 'бежать', венг. *nōgat* 'подгонять', 'торопить'; ср. и слав. *ног-а*). Такой перелом (*i>o* под влиянием последующего *-a-*) можно назвать неполным, так как тут имеет место лишь частичное уподобление гласного.

Под влиянием последующего *-a-* звук *i* может переходить и в *u*: **jigam* > *igam* / *jugam-* 'искривляться', 'изгибаться' (~тур. *iğil-* 'быть согнутым', 'гнутьсЯ', эвенк. [x]икэн 'грудная клетка', индонез. *iga* 'ребро'); **jibari* > *ibari* / *jubari* / *jutari* 'моча' [~якут. *ibar-sibar* 'мелкими каплями', индонез. *tjebat-tjebur* 'плюх!', 'бултых!' (индонез. *tj-(ч)* и *dj-(дж)* соответствуют Я *j-*: *jani* 'смола' ~индонез. *tjan* 'черная смола': *jakara* 'семья' ~индонез. *tjakal* 'родоначальник', 'предки'; *ikari* 'якорь' ~индонез. *tjakar* 'лапа с когтями', *djangkar* 'якорь'); **jimē* > *imē* / *jumē* 'сон' [~тюрк. *jum-* / *jūm-* 'закрывать', 'зажмуривать', эвенк. *а:ми*, коми *ун[м-]* 'сон', индонез. *tjémé* 'слепой (с внешне неповрежденными глазами)'].

Учитывая, что переход *i, ī>u, a, o* в разных языках происходит одновременно, слова ДЯЯ с *i* или *ī* в первом слогe мы вправе сопоставлять и со словами тех языков, где перелом уже совершился: *sima* 'остров' ~кор. *сэм* [*<*ср.-кор. *syēt* (SM, 117)] 'остров', айну *sima* 'камень' (в диалектах *shuma*), эск. *сяма* 'там' (внизу, у воды), нен. *сембе(сь)* 'держаться на поверхности не проваливаясь', 'не тонет'.

Mina ~венг. *mind*, кор. *мода* 'все', 'всѣ'; более поздняя форма *minna* осмысляется как слово с эмфатически удлинненным *n*: хотя исторически *-n-* могло появиться в результате ассимиляции **-nd-* (*mīnna* < **mīnda*). Южное *mōne* (M, 877) 'все' ~монг. *мене* 'множество'.

Pit- 'мокнуть' (в чем-либо), 'заливаться', *pit-as-* 'погружать (в жидкость)', 'пропитывать', 'воспитывать'; *pit-ar-* 'расти' (о ребенке) ~протоурал. *pitā* 'держать', 'содержать', протодрав. *pit* 'молоко', *pit-* 'содержать', эск. *питак'ук* 'растет', 'цветет', ст.-слав. *питуи*, н.-е. **pi-*-, но тюрк. *bat-* 'погружаться', 'нырять', др.-инд. *pā:ti* 'пьет' (ср. халха *битүүлэг* 'новогоднее угощение'). Подобные слова нередки в ДЯЯ, что подтверждает мнение болгарского лингвиста проф. Ст. Младенова о том, что в японском языке имеется не менее ста древних корней, общих с индоевропейскими языками [см. 53].

Некоторые сопоставления представляют интерес и для истории материальной культуры. Так, лишь в эпоху бронзы и железа глагол *sabi/sabu-ru* мог получить значение 'покрываться патиной', 'ржаветь' (~ханты *саму*, эвенк. *сэшту*, коми *сiм*, монг. *jibi*, бур. *жэбэ* 'ржавчина'). Эск. *сЯвихта* 'кузнец', *сЯвик* 'нож', по-видимому, являются заимствованными культурными

словами. То, что индонез. *sabur* 'тусклый', 'неясный', эвенк. *сэвэр*, кор. *сансан* 'шершавый', монг. *сэбидар* 'игрневый', нен. *сямда* 'покрыться копотью' как будто не применяются в отношении металлов, свидетельствует о том, что корень этих слов употреблялся в этих языках и в каменном веке.

Приведенные сопоставления не означают, что ДЯ *a* первого слога регулярно соответствует бур. *э*, коми *і* и т. д. Наоборот: учет перелома *i* (полного и неполного) в первом слоге дает возможность объяснить отсутствие регулярного соответствия там, где его можно было ожидать. Это относится и к фонетически не обусловленному переходу *i/ī > a*. и и т. п.

Хотя переход **i > a* и не считается японскими лингвистами правилом, родство ряда сходных корней с *i* и с *a* в первом слоге давно замечено. Так, *sabu* 'ржаветь' сопоставляют с *mi-sibu* 'ряска на воде' [J, 339] (ср. НЯ *sibu-iro* 'рыжеватокоричневый цвет'). Если *sabu* произошло от *sibu*, то такое преобразование нельзя назвать фонетически обусловленным переломом *i*. Это вид корнеобразования. (Фонетически не обусловленный перелом известен и в монгольских языках.) В дописьменный период (при появлении земледелия) наряду с *kir-u* 'резать' появилось и *kar-u* 'косить' и т. п.

Во многих словах ДЯЯ переход **i > a* произошел уже давно, и слова с *a* в первом слоге не имеют вариантов с *i*. Однако сопоставления с языками, сохранившими древнее *i*, дают возможность восстановить праформу: *pagi* 'нога', 'голень' ~ кор. *pal* 'нога ниже щиколотки' (ср. тур. *bacak* 'нога', 'голень'), эзя *пильге* 'нога'. Праформа **pilga* претерпела перелом *i* еще в протокорейско-японском состоянии. Избавляясь от стечения согласных, ДЯЯ сохранял начальнoслоговое *-g-*, а древнекорейский с его тенденцией к превращению двусложного имени в односложное отбрасывал последний слог. *Nar-u* 'плодоносить' ~ кор. *натха* 'рожать', 'родиться', 'нести яйца', бур. *нарай-ха* 'рожать', *нарай* 'новорожденный', эвенк. *нираи-ла-* 'родить', *нирэй* 'новорожденный', якут. *нырэй* 'новорожденный теленок', эск. *на* 'мать'. *Sas-* (о естественном самопроизвольном действии) 'падать' (о лучах), 'расти' (о ветках, побегах) (ср. НЯ 'колоть', 'пронзать') ~ индонез. *sasar* 'нацеливаться', маньчж. *си:си-* 'совать', 'втыкать', 'насаживать', кор. *ссо-* 'падать' (о лучах), 'жалить', тюрк. *sīs/šīs* 'вертел' и *саšur* 'нанизывать, чередуя одно с другим' (ср. кор. *саль* 'жало', 'стрела').

Конечно, не всякое *a* в первом слоге заменило собой древнее *i*. В тех словах ДЯЯ и их иноязычных соответствиях, где имеется только *a*, нет оснований предполагать древнее **i*.

§ 9. Вопрос о слогофонеме

Время от времени в лингвистической литературе поднимается вопрос о слогофонемах в ДЯЯ. Как правило, сторонниками этой точки зрения оказываются лингвисты, не являющиеся специалистами по ЯЯ. Так, акад. Л. В. Щерба писал: «...можно себе представить язык, в котором все слоги открытые и состоят из одного какого-либо согласного и гласного *a*, и в таком языке фонемами будут *sa*, *ka*, *ta*, *ʒa* и т. д., *a* не будет отделяться сознанием. В известном отношении к подобному состоянию, по-видимому, приближался древнеяпонский язык, что и отразилось на японском алфавите» [61, 8].

Разумеется, если мы имеем дело с языком, в котором есть только один гласный (безразлично какой, раз гласные не различаются), и каждый согласный сопровождается этим гласным, мы должны будем признать наличие в нем слогофонем. Число их будет равняться числу согласных, иначе говоря, — числу слогов, состоящих из согласного плюс гласный. Однако в ДЯЯ было не только *a*, но и еще семь гласных. Все они дифференцировали значения. Разных слогов насчитывалось 88, а в раннем ДЯЯ еще больше — по крайней мере 110 — число для фонем слишком большое.

Вместе с тем — и это самое главное — в языке со слогофонемами морфологические границы должны проходить по границам слогов. Морфема может быть равна слогу, быть двусложной, трехсложной или даже четырехсложной, но она не может быть меньше слогофонемы, т. е. не может состоять только из согласного или гласного, не равного слогу. Очевидно, что слова в языке со слогофонемами были бы очень длинны, что крайне неэкономно. Но теоретически нельзя отрицать возможности существования языка со слогофонемами при любом количестве гласных. Ведь вовсе не обязательно считать, что каждый звук должен быть непременно особой фонемой. Фонемой может быть, например, дифтонг, если он не разделяется морфологической границей, стечение согласных, тождественных по месту образования (типа *pf*, *mp*, *mb*, *nt*, *nd*).

Казалось бы, что условию «морфема не меньше слога» удовлетворяют корни китайского языка и — еще в большей мере — китайские заимствования в японском, поскольку они фонетически упрощены. Однако для суждения о фонеме в таких языках, как китайский и вьетнамский, имеется еще один критерий, отсутствующий в японском, — рифма. Сам акад. Л. В. Щерба, отмечая, что в китайском рифмуется не целый слог, а лишь его последняя часть (так называемая финаль), говорил, что «наличность понятия рифм в китайском языке свидетельствует все же о каком-то двучленном делении китайских „словозвуков“» [62, 453]. Ясно, что рифмоваться может

как минимум фонема, а не ее часть. Во вьетнамском стихосложении слоги с трифтонгами могут рифмоваться со слогами с дифтонгами, т. е. в рифмовке не участвует не только начальный согласный, но и первый элемент трифтонга. Значит, слог не является фонемой и в этих языках.

Одним из аргументов в пользу теории слогофонемы в ДЯЯ считается тот несомненный факт, что носители языка, в котором нет закрытых слогов и стечений согласных, не в состоянии произносить согласный без гласного. Можно ли считать фонемой звук, который носитель языка не в состоянии произнести? [см. 60, 3]. На это можно ответить: если фонема не является отдельным словом, произносить ее изолированно нет необходимости. Носители современного русского языка не могут произнести звонких согласных *б, д, г* без гласного призвука, так как в исходе слова они уже оглушены. Это значит, что в данной слабой для них позиции они не отличаются от глухих. Но звонкие согласные не перестают быть самостоятельными фонемами потому, что отличаются от соответствующих глухих в сильной позиции — перед гласными и сонантами. Согласные в ДЯЯ существовали только в сильной позиции — перед гласными. В исходе слога они были в ПЯЯ (что видно из сопоставлений с другими языками), но затем выпали или стали относиться к последующему слогу (если при устранении стечения двух согласных между ними вставлялся «паразитический гласный»).

Одним из аргументов в пользу теории слогофонемы можно было бы считать слоговой характер агглютинативных суффиксов, префиксов и частиц. Однако при слиянии двух слов, второе из которых начинается с гласного, в ДЯЯ происходило устранение зияния — один из гласных, чаще первый, выпадал. Так, вместо *wa-ga imo* 'моя милая' в «Манъё:сю» часто встречаем *wagimo* (*wa* 'я', *-ga* — суффикс притяжательного падежа, *imo* 'милая' — имя существительное). Очевидно, что в *wa-g-imo* морфологические границы вычленяют согласный *-g-* как формант падежа принадлежности.

Кроме того, глаголы и прилагательные имеют в ДЯЯ в основном флективное спряжение, при котором морфологическая граница между корнем глагола и окончанием проходит между согласным и гласным: *tör-u* 'беру', 'берешь', 'берет' и т. д. — *tör-i* 'беря' — *tör-e* 'берил' и т. д. При таком спряжении конечный гласный имеет определенное грамматическое значение — является служебной морфемой, присоединяемой к корню. Корень глагола не может произноситься и употребляться отдельно, но это не аргумент в пользу теории слогофонемы: ведь и русский корень *бер-* так же не применяется отдельно, как и Дя *tör-*, хотя и состоит из звукофонем.

Если мы подвергнем морфологическому анализу неизменяе-

мые, казалось бы, имена и сравним их с соответствующими глаголами и другими именами, близкими по значению и звучанию, то увидим, что и в них нередко можно найти общую с другими словами часть с согласным исходом плюс словообразующий гласный: *am-i* 'сеть', *am-u* 'плести', *ama* 'рыбак' (этимологически 'плетельщик'). Независимо от того, будем ли мы членить *ama* на две морфемы или нет, с фонологической точки зрения *ama* отличается от *ami* одной гласной фонемой.

Что касается японского алфавита, сложившегося в IX—XII вв., то он является слоговым потому, что состоит из упрощенных начертаний тех иероглифов, которые в VIII в. применялись в роли слоговых букв. Таким образом, его слоговой характер объясняется экстралингвистическими, историческими причинами.

Е. Д. Поливанов писал: «В языке же, где есть *ku, ko, tu, to*, конечно, элементы слога могут выделяться и морфологизироваться, но раз *k* и *t* отдельно не представимы, на них можно смотреть приблизительно так же, как на кинему палатализованности в русском, морфологизованную и передающуюся по аналогии, но невозможную без прочих работ» [54, 42]. Но дифференциальный признак палатализованности — приближение языка к нёбу — является одним из движений органов речи, которые производятся одновременно при произнесении мягких согласных. А *k* и *t* представляют собой особые фонемы, предшествующие по времени произнесения гласному [подробнее см. 59, 28—32].

Теория Н. Я. Марра о диффузных звуках побудила некоторых лингвистов обратиться к ДЯЯ как к языку со слогофонемами, т. е. как к языку, стоящему якобы на более ранней стадии развития, чем языки со звукофонемами: «Во многих типах и группах языков, в том числе и языков культурных народов — языков, самым широким образом распространенных в современном мире, — делимость потока речи не доведена до такого дробного деления, как звукофонема. Полистадиальность здесь обычно сказывается в том, что, вследствие тех или иных условий, несколько звуков выделены уже как звукофонемы, другая же часть их существует в виде еще слогофонем, обычно типа открытого слога, т. е. согласный+гласный. Отношение в этих языках между числом звукофонем и слогофонем оказывается колеблющимся в очень широких пределах. Наиболее архаичными в этом случае будут те языки в которых немногие звукофонемы еще только начинают выделяться из слогофонем и почти еще не выделились (таков, например, японский язык)» [48, 38—39].

Но самостоятельность звукофонем в ДЯЯ подтверждается не только тем, что они могут быть морфемами, но и их ролью при различении родственных корней (см. § 11).

Проф. Е. М. Колпачки, большой знаток истории ДЯЯ, пи-

сала: «...в древнеяпонском мы должны предположить предшествующую стадию, характеризующуюся безразличием огласовки» [4, 84].

Однако сотни соответствий с другими языками, в том числе и по гласным, показывают, что «стадии безразличия огласовки» не было не только в ПЯЯ с его восемью гласными, но и в более древний период контактов с другими языками урал-алтайской семьи. Открытые слоги в ДЯЯ — явление не исконное, а вторичное, связанное со смешением языков, устранением стечений согласных под влиянием субстрата.

ПИСЬМО

§ 10. Иероглифика и силлабика

До проникновения в Японию китайских иероглифов (во второй четверти первого тысячелетия н. э.) своего письма в стране не было. Правда, впоследствии находили слоговые письмена, относящиеся якобы к «эре богов», т. е. к мифологическому периоду. Но современный анализ по восьми гласным показывает, что это сравнительно поздняя подделка, ориентирующаяся на слоговой алфавит — «Таблицу 50-ти звуков» (т. е. слогов), сложившийся в IX в., когда из восьми гласных осталось только пять. Но если бы эти письмена действительно относились к более древнему периоду, чем IX в., они непременно должны были бы отражать восьмигласную систему, т. е. насчитывать минимум 88 силлаб, а не 48.

Тексты первых крупных памятников ДЯЯ написаны китайскими иероглифическими знаками, часть которых обозначает корневые морфемы или слова, остальные — слоги. Например: 臣安万侶言 *Sin (jatuko?) Jasumarō mawosu (ipu?)* (К III, 42) 'Вассал (раб? = я) Ясумаро говорит'. Знаки 臣 'вассал' и 言 'говорить' не содержат сами по себе никаких указаний на то, как могли произноситься обозначаемые ими слова. Их чтение восстанавливается по аналогии с другими сходными предложениями, записанными по слогам. Но не все комментаторы читают их одинаково. Так, одни полагают, что автор, говоря о себе, должен был употребить глагол с вежливо-скромным оттенком значения *mawosu*, другие — нейтральный *ipu*. Знак 安 (ср. *jasu-ki* 'простой') обозначает первую морфему сложного слова — имени автора. Но нельзя сказать, что этот знак применен здесь в качестве слоговой буквы, так как значение иероглифа сохраняется, хотя в произношении сомнений нет. Лишь знаки 万 *ma* ('10 000') и 侶 *rō* ('товарищ') употреблены здесь как слоговые буквы, т. е. независимо от значения морфем, которые они обозначают в китайской письменности. *Marō* — мужское имя, встречающееся и самостоятельно. В «Маньё:-

сю:» оно пишется 麻呂. Такая система письма, при помощи которой каждый слог ДЯЯ записывался любым из целого ряда омонимичных знаков, называлась *мана* ('настоящие имена'), впоследствии — *манъё:гана* ('временные названия, [примененные в] «Манъё:сю:», в отличие от «постоянных», иероглифических).

Проанализируем с точки зрения соответствия между звучанием и написанием песню 854 из «Манъё:сю:», записанную только маной:

多麻之未能	<i>Tamasima-nō</i>	'В Тамасима,
許能可波加美爾	<i>Kōnō kapakami-ni</i>	В этой реки верховьях,
伊返波阿礼騰	<i>Ipe-pa aredō</i>	[Мой] дом хотя и есть,
吉美乎夜佐之美	<i>Kimi-wo jasasimi</i>	Вас постеснявшись,
阿良波佐受阿利吉	<i>Arapasazu ariki</i>	[Его я] не открыла'.

Форма танка (короткой песни), состоящей из пяти стихов, требовала применения пяти синтагм длиной в 5—7—5—7—7 слогов. Каждому слогу на письме соответствует отдельный знак. Но в третьем стихе находим шесть знаков, а в пятом — восемь. Думаю, что нарушения метра тут нет, так как при соседстве двух гласных один из них выпадал (см. § 7). Иначе говоря, можно думать, что третий и пятый стихи фактически произносились *ipeparedō* и *arapasazariki* (такое слитное произношение сложного сказуемого подтверждается тем, что в других стихотворениях *-zu + -a* пишется как один слог *-za-*). В третьем стихе при чтении его в пять слогов сливаются подлежащее и сказуемое, т. е. не возникает сложного слова, даже окказионального. Думаю, что «лишний» слог на письме поставлен исходя из морфологического принципа, что нередко встречается в «Манъё:сю:». Если бы увеличение числа слогов в стихе было возможным, то встречались бы стихи по шесть и восемь слогов без стечений гласных. В действительности же в большинстве случаев графического «удлинения» стиха конечный гласный одного слова сопровождается начальным гласным следующего: *tada-ni apu madeni* (M, 3584) 'до тех пор, пока [мы не] встретимся лично', *kojete zō a-ga kuru* (M, 3589) '[горы] перейдя, я прихожу', *imo-tō arisi* (M, 3591) 'с любимой был', *imō-tō aranaku ni* (M, 3593) 'даже любимой не было', *Muko-nō ura-nō* (M, 3595) 'бухты Муко' и т. п.

Однако нельзя сказать, что выпадение одного гласного на стыке слов во избежание стечения гласных было обязательным. Встречаются стихи, где такого выпадения нет (т. е. общее число слогов не превышает пяти или семи), что было возможно благодаря наличию паузы, например между подлежащим и сказуемым.

Иногда выпадение гласного отражается и на письме: *a-ga*

toranakuni (М, 3587) 'я и не думаю' (*toranaku* вместо *оторанаку*), но таких случаев явно меньше.

Правила письма маньё:ганой можно сформулировать так: а) при стечении гласных в одном слове происходит выпадение одного из них; два соседних слога превращаются в один: *Maturagata* (М, 868) 'волость Сосновой бухты' (вместо *Matu-ura-agata*); б) каждый слог слова (в том числе и последний) записывается отдельным знаком, независимо от того, с какого звука начинается следующее слово того же стиха. Видимо, это делалось для того, чтобы облегчить читателю членение стиха на слова, а не для более точного отражения звучания, т. е. именно по морфологическому, а не по фонетическому принципу.

Многие знаки маньё:ганы обозначают слоги, которые в той или иной мере соответствуют звучанию китайских морфем, записываемых этими знаками, причем конечный согласный китайского слога отбрасывался: 万 *man* читалось *ma*, 南 *nam* — *na*, 能 *noj* — *nö*, 甲 *kap* — *ka*, 末 *mat* — *ma*, 得 *tok* — *to*, а китайскому дифтонгу соответствовал монофтонг: 要 *jao* применяется для записи японского слога *je*, 毛 *mao* — для записи *mo*, 太 *tai* — для записи *ta* и т. п.

В IX—X вв. когда количество лексических заимствований из китайского возросло, такого рода знаки стали передавать звучание канго точнее. То, что в маньё:гане читалось *re* (礼), впоследствии передавало слог с дифтонгом — *rei*; ср. также: 米 (*mĕ*) — *bei*, 毛 (*mo*) — *mau*, 良 (*ra*) — *rau* или *r'au*, 要 (*je*) — *jeu*.

Но употребление таких знаков стало при этом принципиально иным: в маньё:гане при записи японских слов они играют роль слоговых букв, а, используясь для записи заимствованных слов, обозначают их морфемы как единство звучания и значения.

Когда точн. начинается история письменности в Японии, — сказать трудно [см. J, 23]. Введенная китайскими и корейскими иммигрантами иероглифика продолжала оставаться китайским письмом, пока ее знаки не стали употребляться в текстах как слоговые буквы. Следует отметить, что помимо указаний на произношение японских слов из таких текстов мы получаем неопровержимые данные о порядке морфем в словах и предложениях в ДЯЯ. Между тем в обычном тексте на камбуне знаки располагаются в порядке, характерном для китайского предложения.

В немногочисленных заимствованиях, зафиксированных в памятниках VIII в., конечные согласные не отбрасываются, а снабжаются добавочным гласным: 五六三…双六 (М, 3827) *go-ro-ku-samu... sugu-roku* (<**jo-lok-sam... suglok*) '5—6—3... дупель-шесть' (об игре в кости). Очевидно, что китайский диа-

лект, ныне называемый У, из которого производилось подобные заимствования, еще имел тогда начальное *ŋ*- (> ДЯ *g*-), конечные *-p*, *-t*, *-k*, *m*-, *n*-, *ŋ*-, а само название диалекта звучало **ŋo*>Я *go* (произношение слов, заимствованных из диалекта У, называется *gōon*).

Среди знаков маньё:ганы есть и такие, которые обозначают односложные корни ДЯЯ: 子, 兒 *ko* 'ребенок', 小 *ko*- 'маленький' (префикс), 粉 *ko* 'мука', 籠 *ko* 'корзина'. Когда эти знаки употреблялись в своем собственном значении, названном здесь, они оставались идеограммами, не превращаясь в буквы фонетического назначения. Если же ими писались слоги *ko* в словах совсем другой семантики, они становились функционально равными слоговым буквам. Ясумаро, записавший «Кодзики» со слов сказителя, для облегчения чтения делал примечания, указывая, какие знаки надо читать как слоги (в его формулировке 以音 *otō-wo mote* [*wijō*] 'пусть будут' звуками').

Нельзя сказать, что текст без знаков-букв был вовсе лишен указаний на грамматические форманты. Знак 之 (японизированное чтение *si*) обозначал формант родительного падежа *-nō*, 亦 — частицу *mo* 'и', 'также', 而 — формант деепричастия *-te*, 也 — связку *nari* или вообще заключительную форму глагола. Отражены в иероглифическом тексте и некоторые счетные слова. Так, отрывок 此二柱神亦, вне всякого сомнения, читается *kōnō putapasira-nō kamī-mo* (К, 26) 'и эти двое богов тоже'. Далее Ясумаро пишет просто 此二神 'эти два бога', опуская счетное слово *pasira*.

Некоторые китайские предлоги соответствуют японским формантам падежей. Так, 於 'в' обозначает *-ni* — суффикс дательно-местного падежа: 於是, очевидно, читается *kōkō-ni* 'и вот', 'тогда', 'тут'; 於生終 — *umi-nō pate-ni* (К, 73) букв. 'в рождений конце' (т. е. 'рожая в последний раз'). Знак 者 обозначает суффикс выделительного падежа *-pa*: 此者 *kō-pa* (К, 120) 'это', 'он'.

При сличении иероглифического текста памятников с их переводом на ДЯЯ, восстановленном современными филологами, бросается в глаза, что ряду слов перевода в оригинале ничего не соответствует. Так, в переводе чрезвычайно много разных показателей вежливости как в отношении лиц, к которым обращаются, так и в отношении лиц, о которых идет речь. Например: 其父 (К, 120) комментатор читает *sōnō mī-titi-ni* (К, 120) 'ее почтенному отцу'; 言 прочитано *mawositama-piki* (там же) 'промолвить изволила' и т. п. Думается, что в эпоху родового строя говорили проще. Авторы подобных реконструкций полагают, что Ясумаро, записавший «Кодзики», просто не передавал, сократил подавляющее большинство вежливых вспомогательных глаголов и аффиксов, потому что, во-первых, для них не нашлось китайских эквивалентов и, во-вторых, их за-

пись по слогам потребовала бы слишком много места и времени. Правильнее, однако, поступают новые комментаторы, читающие эти знаки соответственно *sōnō titi-ni* (К III, 139) 'ее отцу' и *ipiki* 'сказала'. Ведь для префикса вежливости *mi*-Ясумаро нашел эквивалент — знак 御 ('высочайший'): 御所 *mi-mōtō* (К III, 95) '[в] почтенное местожительство' (бога Сусаново). Значит, в тех местах текста, где этого знака нет, не было, видимо, и префикса *mi*-.

Знаками-буквами пишутся имена собственные, а также названия предметов, имеющих магическое значение: 此礼 (К III, 96) *pire* 'платок' (<'плавник'). Им надо взмахнуть три раза, чтобы избавиться от змей или ос. Знаками-буквами передаются сказуемые в заклинаниях: 内者富良富良外者須夫須夫. (К III, 96) *Uti-pa porapora, to-pa subusubu* 'Внутри [пусть будет] свободно-свободно, а снаружи — тесным-тесно'.

То, что для некоторых грамматических морфем ДЯЯ нашлись соответствующие знаки, не значит, что они применялись везде, где этого требовала грамматика ДЯЯ. Частота их употребления определялась грамматикой китайского языка (вэнь-яня).

По слогам в «Кодзики» записаны и песни, сочиненные тем или иным героем эпоса.

Таким образом, выходит, что слоговое письмо применялось там, где было важно донести до читателя не только смысл, но и звучание, где замена данного слова синонимом была бы нежелательной.

К древнейшим надписям, использующим манъёгану, относится зафиксированное примерно в VI в. название храма 意柴沙加宮 *Osisaka[-nō] mi ja* и др. В подобных записях собственных имен один знак независимо от своего значения передавал только один слог японского слова. Однако позже, в эпоху Нара, одним иероглифом стали писать японские слова (в том числе и многосложные), синонимичные тем китайским словам, которые записывались данным иероглифом. Китайское чтение иероглифа тут уже не принималось во внимание. Так, знак 子 мог обозначать или слог *si* (любого слова с этим слогом) или слово *ko* 'ребенок', синонимичное китайскому слову *цзы*, обозначаемому этим же знаком. Сложность такой системы письма усугублялась тем, что знак, например 金 *kane* 'металл', мог быть употреблен для обозначения любой морфемы, звучащей *kane*, независимо от ее значения: 金鶴 *kane-turu* (в *wasure-kane-turu* 'трудно было забыть' значение иероглифов 'металлический журавль' никак не учитывалось); 慍 *ikari* 'якорь' (значение иероглифа 'гнев'); 八間跡 *jama[a]to* 'страна Ямато' (значения знаков 'восьми пядей след'). Есть и случаи, когда два знака

обозначают односложное японское слово: 嗚呼 *a* (междометие), 海藻 *тэ* 'морские водоросли'. Два знака могли обозначать и одну двусложную морфему: 少熱 *nuru*- 'тепловатый'. Впрочем, в подобных случаях мы скорее всего имеем дело с идеограммами, так как по иероглифам можно судить о значении слова, даже не зная его японского звучания. Были и написания шуточного характера: 八十一 ('81') обозначало слоги *kuku* (независимо от значения слова, в которое они входили, поскольку *kuku* могло значить '9[×]9').

Однако чаще один слог записывался одним китайским знаком. Сначала для обозначения какого-либо слога употреблялось ограниченное количество знаков, затем — по мере усвоения все большего числа иероглифов — их число росло. Так, для передачи слога *ka* в посмертных документах императрицы Суйко (VII в.) употреблялось три знака, в «Нихонги» — около двадцати, в «Манъё:сю:» — свыше десяти, но к концу VIII в. широко употреблялись только три знака, наиболее легких для написания. Такой отбор и создал условия для появления в IX в. двух азбук — катакана и хирагана, которые возникли не непосредственно из иероглифов, а именно из знаков манъё:ганы [катакана — путем упрощения уставного написания (^カ *ka* из 加), хирагана — из скорописного начертания иероглифов (^カ *ka*)].

Но и после того как эти азбуки сложились (к ним можно причислить и хэнтайгану с ее более вычурными знаками, применяющуюся в больших надписях, на вывесках, в каллиграфии), манъё:гана, хотя и ограниченно, продолжала применяться в течение нескольких веков. Да и в современной письменности манъё:ганой по традиции пишутся многие фамилии, имена, топонимы и даже некоторые имена нарицательные: 久米, 久保 'Кумэ, Кубо', 能登 [п-ов] Ното', 伊勢 'Исэ', 風呂 *Furo* 'ванна', 無駄 *muda* 'зря', 怪我 *кега* 'рана' и т. п.

Филологи XVIII в. так называемой Национальной школы (*Kokugaku*) нарочито писали многие слова манъё:ганой.

Изучение манъё:ганы осложняется тем, что чтения иероглифов брались не из одного, а из нескольких китайских диалектов, иногда через посредство корейского. В «Кодзики» преобладает *goon* — произношение диалекта У (современный район Шанхая — Нанкина), в «Нихонги» — *kanon* (букв. 'ханьские звуки'), т. е. применяется произношение северного диалекта. В более древних текстах отражено китайское произношение эпохи Чжоу (знаки 吉 *ki*, 刀 *to*, 良 *ra*, 宜 *ga*, 移 *ja* и т. п.). В результате один и тот же знак мог применяться для обозначения разных слогов, например: 宜 — для *ga*, *gě* или *gī*. Если заимствование производилось из одного диалекта, но в разные эпохи, манъё:гана могла отражать фонетические изменения, происходившие в этом диалекте. Недаром она используется для восстановления звучания китайских слов того времени.

В маньё:гане были специальные знаки для передачи слогов с начальными звонкими. Правда, нередко такие слоги обозначались знаками для слогов с начальными глухими, но обратное встречалось редко.

В эпоху Хэйан были случаи применения маньё:ганы для указания на различия по ударению.

Таким образом, система письма в древней Японии была смешанной по своему характеру. Значительная часть написанного в то время (если не большая часть дошедшего до нас) представляет собой перевод на старописьменный китайский язык (вэньянь). Если учесть, что грамотные люди читали в то время и китайских классиков и буддийскую литературу на китайском языке, придется признать, что большая часть того, что писалось тогда в Японии, и львиная доля того, что читалось, было написано на вэньяне. Однако при чтении вслух все это, кроме ритуальных буддийских текстов, сразу переводилось на ДЯЯ. Поэтому написанное на камбуне, в том числе и китайская литература, не считалось в полной мере текстом на иностранном языке. Это было скорее всего одним из способов записи речи вообще — наиболее компактным и понятным для лиц разных национальностей, которые читали его вслух по своему, подобно китайцам, носителям разных диалектов.

Были в Японии и свои писатели, писавшие на камбуне даже стихи. Антология таких стихов 懷風藻 «Kwaifu:sau» появилась в свет почти одновременно с «Маньё:сю».

Еще ученый XVIII в. Исидзука Тацумаро обратил внимание на то, что не все омонимичные, казалось бы, знаки маньё:ганы применялись в текстах VIII в. для написания слогов, которые впоследствии стали звучать одинаково. Оказалось, что для 21-го слога есть две серии знаков. В каждом слове с одним из этих слогов применялся любой из имевшихся знаков, но только одной серии.

Работа Исидзука оставалась неопубликованной. На нее обратили внимание лишь после появления работ Хасимото Синкити, который вскрыл и причину указанного явления — разное произношение 21 пары слогов, зависящее от разных гласных ДЯЯ [см. 31]. После этого восьмигласие ДЯЯ было широко признано и использовано для этимологии и исторической грамматики.

ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 11. О родственных корнях

Корни ДЯЯ большей частью не являются изолированными, а входят в группы близких по звучанию и значению комплексов. Так, *isi* 'камень', *iso* 'каменистый берег', *isa-go* 'песок'

[где *-go* (= *ko*) 'мелкий предмет' < *ko* 'ребенок'] не случайно имеют две общие фонемы и сходную семантику.

Mi (срединная форма глагола *mi-ru* 'видеть') и *mě/ma* 'глаз' тоже близки.

Названия шести чисел образуют пары с разными гласными:

<i>pitö</i> 'один'	<i>mi</i> 'три'	<i>jö</i> 'четыре'
<i>puta</i> 'два'	<i>tu</i> 'шесть'	<i>ja</i> 'восемь'

Слово, обозначающее удвоенное число, образуется путем замены *i* на *u*, *ö* на *a*.

Общеизвестна пара *ali* 'старший брат' — *ale* 'старшая сестра'.

Использование разных гласных для различения двух близких слов присуще маньчжурскому языку: *ama* 'отец' — *eme* 'мать' (~ ДЯ *oto* 'мать'); *haha* 'мужчина' — *hehe* 'женщина' (~ Я *kaka* 'баба') и т. п. Использование приема перегласовки как средства словообразования в алтайских языках отличается регулярностью и распространяется также и на часть заимствованной лексики.

Но в ЯЯ такой регулярности нет. Один и тот же способ различения крайне редко повторяется дважды, и то только в том случае, если семантические различия в обеих парах слов совершенно аналогичны (как в числительных). Отсутствие регулярности, объясняемое индивидуальным, не повторяющимся более смысловым различием между корнями, не позволяет считать звук, один или два раза различающий корни, словообразующим формантом. Так, *mi* 'три' и *tu* 'шесть' мы не можем расчленить на корень **t-* и форманты *-i* и *-u*. Перед нами два родственных корня (*mi* и *tu*), т. е. нечленимые морфологически морфемы, близкие по звучанию и значению, но не восходящие к общему предку. Иначе говоря, у нас нет оснований предполагать, что в идентичных фонетических позициях из общего корня могли бы развиться два чем-то различающихся корня. Значит, в таких случаях мы имеем дело не с суффиксацией, а с корнеобразованием. Даже в *mě* и *mi* нельзя обнаружить внутреннюю флексию.

Морияма Такэси в статье «О соответствии *ö—u* как реликтовом явлении в древнюю эпоху. Опыт исследования дифференциации значений», отмечая, что в ряде случаев по-разному огласованные слова семантически близки, сопоставляет в этом плане и такие слова, как *mě* 'глаз', *mi-ru* 'видеть' и *mör-u* 'нянчить' (т. е. 'присматривать'); *ture* 'толпа', 'стая' и *mörö* 'все' [см. 36, 6—7]. Общим для последней пары является значение «группа одушевленных однородных предметов» [~ кор. *мури* 'толпа', 'стая', 'рой', кирг. *мурөл* 'обилие', нан. *ма:рон* 'косяк (рыбы)']. К последним в качестве РК я причисляю и *möri* 'роща' (как «группа неодушевленных однородных пред-

метов»). В хантыйском слове *моры*, имеющем значения 'толпа', 'стая', 'табун', 'рощица', общим является семантический компонент «скопление однородных предметов». Видимо, в прото-японском и протокорейском языках этот корень расщепился посредством перегласовки (кор. *морэ* 'песок'). Для ДЯЯ такой способ был неизбежен, так как конечнослоговые согласные в нем отпадали. Следовательно, нужны были иные средства для дифференциации корнеслов.

Перегласовка использовалась и для образования многих глагольных РК:

kazu 'число' : *kazor-ë* 'считать';
kok-u 'молотить', 'терebить' : *kak-u* 'скрести';
kik-u 'слушать' : *kag-u* 'обонять';
mor-u 'капать', 'накладывать' : *mar-u* 'испражняться';
mëgur-u 'обходить кругом' : *mag-ë/mag-u-ru* 'сгибать';
nap-u 'вить' : *nara* 'веревка' : *napë* 'росток', 'рассада';
tir-u 'осыпаться' (о листьях), 'падать' (о снеге) (~кор. *ттэп-эди*- 'опадать', 'осыпаться', эвенк. *торока*- 'пылить'),
tiri 'пыль (крупная)' (~индонез. *tjirit* 'навоз', 'грязь', 'мусор', коми *чир[й-]* 'крупной снег') : *tur-u* 'вешать', 'подвешивать', 'удить' (~индонез. *turun* 'спускаться', 'падать'),
turi 'удочка' (~монг. *tulu* 'столб'), *turugi* 'меч' [~маньчж. *туру* 'ремень, на который подвешивается меч', горно-алт. *ту-лунг* 'коса' (волосы), индонез. *tuli-tuli* 'шнур (для привязывания ножен криса к поясу)', эвенк. *тумэ-кэн* 'меч' : *tare/tar-u-ru* 'свешиваться', 'капать' [~кор. *tal-* 'вешать' <ср.-кор. *тол-* (SM, 97), тюрк. *tara-* 'расчесывать', 'рассеивать', *tari-* 'сеять'].
Общий семантический компонент у всех глаголов типа *tVr*-«падать (свешиваться) сверху вниз».

РК образовались путем замены не только гласных, но и согласных:

pit- 'мокнуть' (в чем-либо), 'заливаться' : *pidi* 'грязь' (~хак. *nide-* 'пачкать', 'грязнить', монгор. *pudaG* 'грязный');
kata- 'твердый' : *kadi* 'кузнец';
kapa 'кожа' : *kapi* 'ракушка' : *kabi* 'колос';
kaji 'весло' : *kadi* 'руль' (~нан. *кудэ* 'руль', таг. *gaod* 'гребля').

Однако встречаются и РК, различающиеся двумя звуками: *na* 'овощи', 'зелень' : *nama-* 'свежий', 'сырой', 'недозре- лый' : *napë* 'росток' (~монг. *na-bëi* 'листва').

Сопоставим такого рода материально близкие пары РК двух языков:

na 'овощи' — кор. *наль-* 'сырой'
nama- 'сырой' — кор. *намульт* 'овощи'

Можно было бы ожидать, что слова, имеющие больше одинаковых фонем, будут ближе и по значению. Но в данном

случае фонетически ближе слова, расположенные в горизонтальных рядах, а семантически — по диагонали. Думается все же, что в глубокой древности слова, более близкие фонетически, были ближе и по значению. Затем в одном из языков значения пары слов видоизменились — они обменялись одним из семантических компонентов. Это явление распространено довольно широко. Несовпадение значений затрудняет нахождение соответствий в других языках. Но поскольку такие два РК различаются между собой не особой морфемой, а фонемой (как минимум — одной), за которой не закреплено какое-либо собственное, пусть даже служебное, значение, эта фонема, участвуя в выражении лексического значения, обозначает и тот семантический дифференциальный признак, которым данный корень отличается от родственных.

Остальные дифференциальные признаки могут совпадать у нескольких РК. Так, в словах звукового типа *kVgV* прослеживается общее значение кривизны, сгибания:

kagi 'крюк', 'ключ': *kagam-u* 'гнуться', 'сгибаться' (~индонез. *kaki* 'нога', мар. *кагыр* 'кривой', чув. *какър* 'крюк', 'клюка', кирг. *кагыл-* 'вбиваться', 'вколачиваться');

kö-g-u 'грести' (нагибаясь) [~индонез. *kokol* 'сгибаться', 'наклоняться', *kokot* 'изогнутый', 'крюк', якут. *көгө* 'крюк' (деревянный), тур. *kök* 'корень'];

kugi 'гвоздь', 'костыль': *kuguse* 'горбун': *kukur-u* 'нырять' (~удм. *кук* 'нога', 'лапа', 'ножка', *коқырес* 'согнутый', чув. *кукър-какър* 'искривленный').

Если признать семантическую близость приведенных слов, то и внутренняя форма слов *kukü/kuku-* 'стебель' (~индонез. *kuku* 'ноготь', 'коготь', 'копыто') и *kukupi* 'лебедь' (~тюрк. *qu:u*) также окажется обладающей семантическим компонентом сгибаемости. И в этих близких корнях мы наблюдаем обмен семантическими дифференциальными признаками, различающими их: фонетически слово ДЯЯ может быть ближе к одному, а семантически — к другому слову. Так, *kökörö* 'сердце' ~тюрк. *köküz* 'грудь' (ног. *ковкирек*) и *köjül* 'сердце', 'желание', 'чувство'.

Разные группы РК не разобщены между собой, а связаны (частью фонем и одним-двумя компонентами значения). Так, значение слова *kubi* 'шея' может быть разложено на следующие семантические компоненты: 1) цилиндрический [полый] предмет, 2) нечто, сужающееся к середине, 3) нечто, могущее сгибаться (ср. тип *kVgV*): *te-kubi* 'запястье', *asi-kubi* 'лодыжка', *kubisu/kibisu* 'пятка', *kubir-u* 'сжимать, перехватывая посередине' (~тур. *kubur* 'длинный сосуд в форме цилиндра', 'длинный и тонкий, как труба', индонез. *kebuk* 'полая деревянная или бамбуковая трубка', коми *гум* 'полый стебель растения', 'все, похожее на полый цилиндр'). Ср. в осетинском:

«*k'u:bal* 'шея', 'голова', *k'æbu:t* 'затылок' (относится к группе слов звукового типа *kbl*, обозначающих круглое)» [43].

Слово *kubi* имеет РК — *kuda* 'трубка' [~кор. *культтук* '(дымовая) труба', маньчж. *гулдури* 'труба' (закрытый желоб), тюрк. *quduγ* 'колодец (цилиндрический)', коми *куд* 'лукошко'. удэ *kula* 'труба', индонез. *kuduk* 'затылок', яв. *gundan* 'горло']. Праформой *kuda* была **gulda* (в языке удэ сохраняется *-l-*, а в ДЯЯ — *-d-*).

И *kuda* имеет общий с *kubi* семантический компонент — «цилиндрический предмет». Но есть и новый оттенок — «направление вниз» (см. тюрк. *quduγ* 'колодец'), о чем свидетельствуют РК *kuda-r-u* 'опускаться вниз', *kudira* 'кит', *kudu* 'отбросы', 'отходы', *kudak-u* 'толочь', 'измельчать' [~тув. *кудурук* 'хвост', 'охвостье' (остатки от обработки зерна), удм. *кыд* 'отруби', 'шелуха', индонез. *kudung* 'об(от)резанный', 'искалеченный' (ср. слав. *куц-ый*, осет. *k'udur(on)* 'чурбан', *k'udi* 'хвост')].

На сродство корней ДЯЯ впервые обратил внимание проф. Андо: Масацугу, который считал близкими корни слов *tomo* 'вместе', *tomu* 'богатеть', *tomu(ru)* 'останавливать', *tamu(ru)* 'собирать', 'копить', *tumu* 'складывать'. Подобных групп он привел четыре, отметив при этом, что в ЯЯ их можно подобрать очень много [см. 29, 226]. Но Андо: вовсе не считал, будто каждая группа приведенных им слов имеет один общий корень [ср. 35, 440], состоящий из одних согласных. Для приведенных выше слов он дал формулу «*t*+гласный+*m*» [29, 226], т. е. включал гласный в корень. Это формула звукового типа (по терминологии В. И. Абаева), наделенного рядом общих семантических компонентов.

Правильность подобных сближений можно в ряде случаев доказать наличием в других языках корней, материально близких обоим японским РК. Если же двум РК противостоит одно слово, имеющее значение обоих японских РК, значит, можно предположить расщепление протояпонского корня на два РК или конвергенцию двух РК в один корень, имевшую место в прошлом в языке, с которым производится сравнение. Таким образом, вопрос о корнеобразовании в ПЯЯ и вопрос о лексических параллелях в других языках оказываются тесно связанными. Так, *u'mi* 'море' и *u'mi* 'гной' можно считать РК при учете эским. *има-* 'море', 'содержимое вместилища', 'гной'; *кар-* 'менять' > 'покупать' и *кари* 'ракушка' имеют общий семантический компонент «хватать» (~тюрк. *qap-* 'хватать', 'похищать', таг. *kapit* 'держание', 'схватывание', рус. *хан-ать*). Но и корень *кари* 'ракушка' ~ тат. *кабыр-чык* 'ракушка', таг. *kabibi* 'съедобный моллюск', индонез. *керак* 'моллюск', 'двустворчатая раковина'. Сравнивая эти РК, надо учитывать и этнографические моменты: использование раковинных денег на

многих островах Тихого океана и характер первобытной торговли, при которой «покупающий» сам брал то, что ему нужно.

Сравнение лексики ДЯЯ с корнями других языков, контакты носителей которых с предками японцев представляются исторически и географически вполне вероятными, позволяет сделать вывод, что лексика ДЯЯ имеет много общего с лексикой полисиллабических агглютинативных языков соседних народов Восточной Азии. Некоторая (меньшая) часть этих общих корней представлена и в индоевропейских языках, в том числе и в русском.

§ 12. Словообразование

В ДЯЯ обнаруживается уже довольно большое количество сложных и производных слов (о родственных корнях см. § 11). Имена имели очень мало аффиксов (об аффиксах см. § 16). В сложных именах с атрибутивной связью уточняющий компонент всегда предшествует уточняемому: *kaja-no* 'тростниковое поле', *kami-pe* 'верховье', 'верхняя часть', *suwe-pitō* 'гончар' (*suwe* 'керамика'), *se-naka* 'спина' (*se* 'спина', *naka* 'середина'). В качестве первого компонента сложного имени часто выступает адъективный корень: *niko-de* 'мягкие руки', *nipi-muro* 'новый дом', *taka-kī* 'укрепление на высоком месте', *sapinuri-nō* **орораси-нō** *upē-ju* (M, 1742) 'с **большого моста, окрашенного [в] красный [цвет]**' (см. также § 18).

Существует несколько фонетических примет сложных слов, отличающих их от словосочетаний, не связанных посредством формантов:

1) озвончение начального глухого уточняемого компонента (имеет место только при отсутствии другого звонкого в этом компоненте): *taka-dōnō* 'высокие палаты', *nani-gōtō* 'какое дело', *sasa-ba* 'листья (*pa*) низкорослого бамбука', *pi-ziri* 'правитель', 'мудрец' (букв. 'солнце знающий');

2) чередование *-ē* (в именном корнеслове) с *-a-* (в исходе первого компонента сложного слова): *mē* 'глаз', но *mado* 'окно' (*to* 'дверь'); *sakē* 'рисовая водка', но *sakaduki* 'чара'; *pune* 'лодка' (*e < *ē*), но *punako* 'корабельщик'; *upē* 'верх', но *upani* 'верхний груз' (добавочный выюк лошади); *kagē* 'тень', 'отраженный свет', но *kagajaku* 'сиять' (*jaku* 'гореть'); *kaze* 'ветер', но *kazamaturi* 'моление богу ветра'; *te* 'рука', но *taduna* 'поводья' (*tuna* 'веревка'); *ure* 'верхушка дерева', но *uraba* 'листья на верхушке'; *kōwe* 'голос' (формы на *kōwa* появляются лишь в начале эпохи Хэйан). Чередования *-be* с *-ba-*, *-se* с *-sa-*, *-je* с *-ja-*, *-de* с *-da-* обнаружить не удалось [см. 30, 37—42];

3) чередование *-ī* (в составе отдельного корнеслова) с *-ō* или *-u-* (в исходе первого компонента сложного слова): *kī* 'дере-

во', но *kökë* 'вид мха' (букв. 'дерева волосы'); *kamī* 'бог', но *katunusi* 'настоятель' (букв. 'богохозяин'), *kamumiso* 'божественное одеяние' (*mi-* — префикс, см. § 16); *tukī* 'луна', но *tukujo* 'лунная ночь'; *umisati* 'морская добыча', но *satubitō* 'охотник'; *kuri* (<**kurī*) 'каштан', но *kurusu* 'каштановая ро-ща';

4) в сложном слове уже не действуют правила сингармонизма. В отличие от неодносложного простого слова, где не могли употребляться *o* и *ō*, *e* и *ē*, *e* и *e*, *ē* и *ē*, в сложных словах такие «несовместимые» гласные встречались беспрепятственно даже в соседних слогах: *wotō-ko* 'мужчина', *nōbo-no* 'верхнее поле', *niko-jōka-ni* 'улыбаясь' и т. п. Это дает возможность отличить в ряде случаев простое слово от производного и сложного. Такие слова, как *kōkōrō*, *tōkōrō*, огласованы одинаково, как простые, что не подтверждает гипотезы о наличии в этих словах древнего непродуктивного суффикса *-rō*. Форма *mēd-e* 'любя' указывает на наличие морфологической границы между корнем с исходом на согласный и флексией *-e* (<**-ē*). Разная огласовка компонентов многих сложных слов свидетельствует о сравнительно позднем (лишь в ДЯЯ) их образовании;

5) если первый компонент сложного слова заканчивался, а второй начинался на гласный, один из этих двух гласных выпадал: *kanuti* (<*kane* 'металл' + *uti* 'битье') 'кузнец', *tōkipa* (М, 805) 'вечные скалы' > 'вечный' (<*tōkō* 'вечный' + *ipa* 'скалы'), *kunuti* (М, 797) 'внутри страны' (<*kuni* 'страна' + *uti* 'внутри'), *rajamadukapi* (К, 306) 'гонец' (<*raja-* 'быстрый' + *uta* 'лошадь' + *tukapi* 'посланец'), *karepi* (К, 335) 'подсушенный вареный рис' (<*kare* 'засыхая' + *ipi* 'вареный рис'), *takama* (К, 182) 'высокое небо' (<*taka* 'высокий' + *ama* 'небо'), *kōnure* (М, 827) 'вершина дерева' (<*kō-nō-ure*), *utagē* (J, 117) 'попойка' (<*uti-agē* 'рукоплескания [во время попойки]') и др. Таким путем образовались и некоторые служебные слова: *nari* (связка) <*-ni* (суффикс дательного падежа) + *ari* ('быть'));

6) компоненты сложного слова не могли быть разделены даже минимальной паузой. Это подтверждается на материале поэтических произведений, где неформленная часть сложного слова не может составлять отдельного стиха, слово не может начинаться в одном стихе и заканчиваться в следующем.

Иногда сложное слово характеризуется несколькими признаками одновременно. Казалось бы, одним из главных признаков сложного слова в отличие от словосочетания должно быть отсутствие у первого компонента падежного суффикса. Однако есть примеры лексикализовавшихся именных словосочетаний, содержащих суффикс родительного падежа *-nō*, а также устаревшие к VIII в. *-na* и *-tu* (см. §§ 25 и 26).

О слиянии оформленного определительного словосочетания

в одно слово можно судить по наличию в нем перечисленных выше фонетических признаков, имеющих место лишь при едином значении комплекса: *ma-tu-gě* 'ресницы' (букв. 'глаз волосы'), *kō-nō-kure* (М, 4053) 'полумрак в чаше' (букв. 'дереьев сумерки').

При стечении гласных мог выпадать либо первый, либо второй. Так, *waga ipe* 'мой дом' давал *wagape* (М, 816 и 837) либо *wagipe* (М, 841). Устранение зияния посредством выпадения одного из гласных возможно лишь при отсутствии ощутимой паузы между определением и определяемым (что вообще характерно для ЯЯ): *wagimo* 'моя милая' и т. д.

Иногда в сложном слове сохраняются древние фонетические признаки одного из корней, исчезнувшие у него при употреблении в качестве отдельного слова. Так, древнее *i* находим в *kitasi/katasipo* 'твердая соль', *jökösima/jökösama* 'кренящееся на бок', 'кривда', *sakasima/sakasama* 'наоборот', *akarasimakaze* 'шквал' (но *akarasama-ni* 'внезапно'), *kakusima-ni/kakusama-ni* 'таким образом', *kötösima/kötösama* 'иначе'.

Некоторые сложные слова были в то время уже устаревшими. Так, название кустарника семейства бобовых со вздутыми плодами красного цвета *aka-kagati* (К, 103) Ясумаро считал устаревшим и пояснял как *ima-nō popoduki* 'нынешний пузырник' (ср. *popo* 'щеки' и *aduki* 'красная фасоль').

В *Aduma* 'Восток' можно выделить лишь *ma* 'промежуток', 'место' (~протоурал. *ma* 'земля', эским. *ma* 'обширное пространство'). *Adu-* же на японской почве не этимологизируется (ср. эст. *idu* 'восток'). Если *adu-* < *idu* 'восходить' (ср. *Idu* — название полуострова на востоке Японии), то *aduma* означает 'место, [где] восходит'.

Сложное слово могло состоять из трех и большего числа корней: *mama-ani-wotō* (К, 123) 'неединоутробные старшие [и] младшие братья', *opo-gě-tu-pime* (К III, 84) 'великая богиня еды' (*kě* 'еда'), *ki-sari-moti* (К, 160) 'приносящий еду для покойников' (*ki* 'приходя', *sari* 'уходя', *moti* 'имеющий'), *manasi-katu-ma* (К, 193) 'прочный остов [лодки, плетенный из побегов бамбука] без прозоров' и др.

Не для всех свойств сложных слов найдены объяснения. Так, отрицательное прилагательное *nasi* 'нет', 'не имеется' в сложном слове выступает в заключительной форме (а не в определительной, как в словосочетаниях, и не в виде адъективного корня, как другие прилагательные): *mī-nasi-go* 'сирота' (букв. 'тела-без-ребенок'), *mī-nasi-gapa* (М, 2007) 'река без воды', *jamu tōki nasi-ni* (М, 915) 'без перерыва'. Эта особенность *nasi* сохраняется и в НЯЯ: *kane-nasi-ni* 'без денег'.

Иногда начальный глухой второго компонента не озвончается: *pota-kupi* 'тлеющая головешка', *tō-kama* 'острый серп' и др.

В ряде сложных слов первый компонент усекается на один — последний — слог: *tögari* 'соколиная охота' (*tö* < *töri* 'птица'), *abumi* 'стремена' (< *asi-pumi* букв. 'ного-топтанье'). Особенно часто усекается *-du* в *midu* 'вода': *mitubo* 'пузыри на воде', 'пена', *miduku* 'мокнуть в воде', *miwo* 'фарватер' (букв. 'воды хвост'), *idumi* 'источник' (букв. 'выходящая вода', глагол в заключительной форме, ср. выше *Aduma*).

Не во всех сложных словах происходит выпадение одного из гласных, оказавшихся рядом. В прозаических текстах, даже записанных силлабически, мы не можем установить, происходило ли устранение зияния или нет: *me-usi* 'корова' (*me* 'самка'), *mote-asobi-mönö* 'игрушка' (*asobi* 'игра'), *kazariuma* 'украшенная лошадь', *kapatö* 'шум реки', *opoumi-ni* (М, 1089 и 2741) 'в огромном море' (стих из пяти слогов — значит, оба находящиеся рядом гласных могли сохраняться).

Об образовании слов путем редупликации (полной или частичной) см. § 14.

В ДЯЯ встречаются сложные глаголы следующего состава:

1) субстантивный корень + простой глагол: *sirizöku* 'отступать' (*siri* 'зад'), *meapasu-ru* 'сватать' (девушку) (*apasu-ru* 'сводить'), *komu* 'рожать детей' (*um-u* 'рожать');

2) соединительная основа глагола + простой или производный глагол: *karisöku* 'выкосить', *miokuru* 'смотреть в даль', 'провождать глазами' и т. п.

Наконец, в ДЯЯ в фонетически единое целое иногда сливаются косвенное дополнение и глагол-сказуемое: **Asagirigö-mori karigane sö naku** (М, 3665) '[В] утреннем тумане прячась, гуси кричат'; **simagakurenuru** (М, 3692) 'укрылся [на] острове' [на наличие сложного слова указывает озвончение начального глухого *k-* второго (и третьего) компонента]. Есть и случаи слияния дополнения с определяющим его сказуемым определительного предложения: *wagimoko-ga tökiarapigörö-mö...* (М, 3666) 'одежду, выстиранную любимой...'; *kë-no ni-komöñö* (К, 193) 'существа с волосами мягкими'. Такие сложения не давали даже окказионального слова и имели не лексическое, а скорее синтаксическое происхождение; поэтому проф. Е. М. Колпакчи интерпретировала их как случаи «частичной инкорпорации» [см. 59, 39]. Правда, в ДЯЯ в отличие от языков, где инкорпорация является несравненно более частым приемом образования единиц, больших, чем слово, в подобных случаях мы не находим сокращения фонемного состава сливающихся слов (нет лишь формантов, указывающих на синтаксическую позицию каждого компонента данного новообразования, поскольку они перестают в таких случаях быть самостоятельными членами предложения). Немногочисленные примеры такого рода типологически не характерны для ЯЯ.

§ 13. Табу

Определенное влияние на обновление лексики ДЯЯ оказывало распространенное в той или иной степени у всех народов табу на слова, особенно связанные с охотой и рыболовством. Запрещение употреблять названия промысловых животных, птиц и рыб было связано с убеждением первобытных людей, что животные понимают человеческий язык и сами умеют говорить [см. 49]. Вместо запрещенных наименований употреблялись так называемые подставные слова (по-японски *imi-kōtōba*). Табу распространялось и на названия орудий лова, самих охотников и рыболовов.

Так, в «Кодзики» дичь называется *kē-nō aramōnō*, *kē-nō nikomōnō* (К, 193) 'существа с волосами грубыми, существа с волосами мягкими'. Отсюда и слово для животных вообще — *kēdamōnō/kēmōnō* букв. 'волосатое существо'. Рыба называлась *pata-nō pirōmōnō*, *pata-nō samōnō* (К, 193) 'существа с плавниками широкими, существа с плавниками узкими', хотя в быту фигурируют и слова *na* 'рыба', *iwo/iwo* 'рыба'. Думается, что название для птиц *tōri* значило букв. 'добыча' [от глагола *tōru* 'брать', который применялся, когда речь шла об охоте (~ тюрк. *torçī* 'птицелов')].

Орудия лова назывались просто *sati* 'удача': *umisati* 'морская удача', т. е. 'удочка', *jamasati* 'лесная удача', т. е. 'орудие охоты'.

Если сопоставить *turi-bari* (К, 193) 'удочный крючок' с корнем *ti*, который применялся, когда этот крючок проклинали (чтобы на него другой ничего не мог поймать), то обнаружим, что бранное слово *ti* (~ тюрк. *tik* 'шить', 'втыкать', индонез. *tikam* 'укол') было табуированным, а обычное *turi-bari* (~ и.-е. **bhar-* > рус. *бор*, *борода*) является подставным.

Сам охотник назван *jama-sati-piko* (К III, 134) букв. 'лесной удачи муж', а рыболов — *umi-sati-piko* (там же) 'морской удачи муж'. Не исключено, что и другое название рыболовов — *ama* (этимологически 'плетельщик') является по происхождению подставным.

Охота на птиц названа в «Кодзики» *tori-nō asobi* (К, 164) букв. 'птичье развлечение'.

Безусловно, подставным является название для волка и большой змеи *oro-kamī* (J, 156) букв. 'великий бог' или *ta-kamī* (там же) 'настоящий бог'. Такие слова заменяли запретные, которые не сохранились. Древнейшие запретные слова «отпугивают названное существо, иногда его оскорбляют и сердят» [49, 3], поэтому подобные слова заменялись.

Доказательством того, что приведенные слова являются подставными, а не обычными названиями промысловых животных, является и то, что они записаны в тексте «Кодзики» по

слогом, что неукоснительно делается во всех случаях, когда речь идет о каких-либо магических действиях. Вера в магическую силу слова была очень сильна в древней Японии. В мифах животные наделены даром речи.

Животных семейства кошачьих в древней Японии не было. С тиграми японцы были знакомы только по рисункам и по рассказам очевидцев, побывавших в Корее. Но шкуры тигров уже ввозились, и слово *tora* (М, 199 и 3833) было заимствовано: *Karakuni-nō tora tō ipu kami-wo...* (М, 3885) 'Бога, называемого тигром страны Кореи...' [ср. тюрк. *toḡra-* 'резать (рвать?) на куски']. О кошках *ne-ko* упоминаний мало. Возможно, *ne* (<*nia*?) — звукоподражательный корень.

Японский медведь — *kuma* — черный с белым пятном на шее (РК — *kura-* 'темный', *kumo* 'туча'). *Kuma* ~ кор. *kom*, эвенк. *хомоты*. Тем не менее *kuma* могло быть подставным словом. В сложных словах на первом месте *kuma-* означал 'огромный': *japirō kumawani* 'огромный крокодил в восемь сажений', *kumakasi* 'огромный дуб'.

Лисица в фольклоре Дальнего Востока занимает большое место. Название ее во многих языках табуируется. ДЯ *kitune/kutune*, возможно, <*ki-ku-* ('желтый') + *tu + une* (~ халха *үнэг*).

Подставным является слово *ne-zumi* 'мышь' (букв. '[в] корнях живущая'). «Две мыши» (белая и черная) символизируют день и ночь, бег времени (см. J, 559).

Наименование кур *nipa-tu-tōri* (К, 129) 'домашняя (дворовая) птица' также выглядит описательно. Звукоподражательное *kake* (М, 2800) 'петух' [ср. *kake-maku* (М, 813) 'то, что [я] скажу'] впоследствии было вытеснено словом *wo-dori* букв. 'самец-птица'. Не было ли и это результатом языкового табу, но уже не охотничьего, а домашнего, к которому относят запреты на названия и мыши, и даже волка?

Часто табуируются также названия ножа, меча. *Katana* 'нож' обычно возводят к *kata* 'сторона' + *na* (ср. *nag-u* 'косить'), т. е. противопоставляют обоюдоострому. Но эвенк., нег. *koto* 'нож', кхмер. *kat* 'резать', таг. *katay* 'бойня', 'убой' (скота), *katad* 'кусок', 'обрезок' говорят о том, что и первый корень связан со значением «резать», а возможно, и «твердый». *Turugi* 'меч' выглядит подставным, происходящим от *tur-u* 'висеть' («у якутских охотников на Вилюе нож [называется] *турус*» [49, 124]); *tati* 'меч' (букв. 'режущее') в «Кодзики» иногда заменяется на *mi-pakasi* 'носимое у пояса' (ср. НЯ *waki-zasi* 'кинжал', букв. '[на] боку воткнутое').

Значения слов, подвергающихся табу, нередко совпадают в разных языках, по крайней мере частично. Гораздо меньше совпадений в подставных словах. Но есть и они.

В якутском слова «седло» и «вьюк» заменяются подставным *хара* 'черное' [см. 49, 128]. Можно предположить, что и в

ДЯЯ *kura* 'седло' < *kura* 'темный', тем более что и запретное якутское слово *ынгыр* ~ ДЯ *ni* 'груз', 'вьюк', *nör-u* 'садиться (верхом, на лодку и т. п.)'.

Такие запреты относятся к возникшим позже охотничьих дорожным табу. Недаром само *mi-ti* 'дорога' включило в себя префикс вежливости *mi-* (в *ti-mata* 'дорог развилка' он отсутствует).

Е. М. Колпакчи обратила внимание на то, что многочисленные имена богов в «Кодзики» по сути не являются собственными именами, а говорят о том, что делают эти боги. В имя богини солнца само *pi* 'солнце' не входит: *Ama-terasu* букв. 'Небоосвещающая' (~индонез. *awang* 'небо', *terang* 'дневной свет', эвенк. *тыргал* 'светать'). Если же *ter-as-u* есть вежливая форма от *ter-u* 'освещать', то *Amaterasu* будет значить '[В]небе-сияющая'.

Само название запрета в ДЯЯ *imi* соответствует якутскому запретному слову *imipap* 'выминать шкуру' [см. 49, 130].

Табуироваться может и счет. И действительно, мы видим, что никак нельзя верить числам, называемым в мифах. Обычно называлось число, которое считалось счастливым. Так, магическое действие совершалось трижды [например, три раза (*mi-tabi*) взмахивали волшебным платком, чтобы избавиться от змей или ос]. Неоднократно у богов рождается по трое детей (миф об Аматэрасу, Сусаново, Тукуёми и др.). Охотник трижды просит брата-рыбака обменяться орудиями лова. Три года охотник живет в подводном царстве.

Еще чаще применялось число «восемь», которое в глубокой древности было, видимо, предельным, хотя в языке мифов есть уже и слова *tomo* 'сто' и *ti* 'тысяча'. Но точно считались лишь дети богов, их имена и поколения; в других случаях предпочитались числа «три» и «восемь». Так, небесные боги шлют посланца утихомирить земных, три года он не возвращается; тогда посылают второго, через восемь лет — третьего. *Jasimaguni* (К, 129) букв. 'страна восьми островов' в действительности значит 'островная страна' или 'страна множества островов'. При погребальном обряде происходили гульбища: *pi jaka jo jajo* (К, 160) 'дней — восемь дней, ночей — восемь ночей', что комментатор поясняет обычно как 'несколько дней и ночей'. В песне Сусаново говорится:

Jakumo tatu Восемь облаков встает,
Idumo japegaki Восемь рядов оград Идумо.

Но поскольку система счета уже создалась и без нее трудно было обойтись, слушателям мифа могло показаться, что восемь это не так уж много. В ряде случаев это число было увеличено: у земного бога Опокунинуси было 80 братьев (*jaso*), детей — *tomo jaso* '180'. Имя *Jatipokö-nö kamī* означает 'бог 8000

пик'. На небесный совет собирается *japo jōrodu-nō kamī* (К, 154) '8 000 000 богов', если считать, что *jōrodu* (~кор. *저르* 'большое число') означало '10 000', а не множество вообще.

Какое-то время, но также в глубокой древности, предельным числом было, по-видимому, *tomo* 'сто'. Некоторым подтверждением этого может служить и редуцированный характер этого слова, и то, что при счете сотен применяется не *tomo*, а *po* (см. выше), как и при счете десятков не *tōwo* 'десять', а *so*. Нередко *tomo* 'сто' применялось в значении множества вообще: *momotori-nō tukuwēsirō-nō mōnō* (К, 188 и 196) 'приданое на столиках, поднять которые [в состоянии лишь] 100 [человек]'; *tomo tarazu jaso kumade-ni* (К, 170) 'на дороге [с числом] поворотов 80, меньшим, чем 100' (= 'на длинной дороге к вечности').

Momo tarazu букв. 'не хватая [до] ста' превратилось в постоянный эпитет к *jaso* '80', а также (по одинаковому первому слогу) и к *jamada-nō miti* 'горной дороге'. *Momo tarazu* в «Манъё:сю» ставится и перед *i[so]* '50', а также перед другими словами, начинающимися на *i*: *ikada* 'плот', *ituki* 'священное дерево' [*Momo tarazu ituki-ga jeda-ni...* (М, 3223) 'На многочисленных ветвях священного дерева...'].

Всего в «Манъё:сю» насчитывается 29 сложных слов с *tomo* в значении 'много' в качестве первого компонента: *tomokusa-nō kōtō* (М, 1456) 'разнообразные (всевозможные) слова'; *tomo-ni ti-ni pitō-pa ipu-tōmō* (М, 3059) 'хотя люди говорят по-всякому (букв. на сто, на тысячу ладов)', *tomotitabi* (М, 774) '100 000 (или 100, 1000) раз' = 'много раз'.

В мифах сравнительно новых, где прощупывается историческая подоплека, появляется и новое предельное число *ti* 'тысяча'. Охотник делает рыбаку *ipōpari* (К, 193) '500 крючков' вместо утерянного одного, затем *tipari* 'тысячу крючков'; *tipirōnapa* (К, 170) 'веревка в 1000 сажений'; силач приносит *ipobikiisi* (К, 123) 'камень [, такой тяжелый, что его должны были бы] тащить 500 [человек]'. В «Манъё:сю» есть девять слов, начинающихся на *ti* в значении 'много': *tipune* (М, 1067) 'много судов' и др.

Довольно поздно в языках появляется абстрактное слово «число». В первой части «Кодзики» его еще нет: *A-tō imasi-tō tōmōgara-nō opoki-sukunaki-wo kurabētemu* (К, 114) 'Давай сравним, чьих сородичей больше: моих или твоих' (букв. 'Я-и ты-и сородичей много-мало сравним-ка'). Вместо абстрактного слова *kazu* 'число' употреблено сложное слово, состоящее из антонимичных прилагательных. Сам процесс счета в мифах не находит отражения. Это дает нам право предположить, что на ранних этапах развития ДЯЯ счет был запретным делом (ср. в русском *Цыплят по осени считают* — по суеверным

представлениям, подсчет только что вылупившихся цыплят до добра не доведет).

«Нечистым» (*kegare* 'скверна') считалось все связанное с пролитием крови (отсюда *kega* 'рана'), в том числе менструации, роды и смерть. Роженица строила себе клетушку, обмазанную глиной (*ubu-ja* 'родильный дом' ~ тюрк. *ubut* 'стыд', *ити* 'рожать' — РК), верх которой украшался перьями баклана (*и*), птицы, которая легко ловит рыбу и легко ее отрывает. Это должно было способствовать легким родам. Видимо, древние японцы чувствовали связь между словами *и* 'баклан' и *и* 'получать', 'мочь' (~ тюрк. *и* 'мочь'), *ит-и* 'рожать'.

Для покойника строили *то-ja* 'похоронный дом'. Подставными словами для *sinu-ru* 'умирать' было *usu-ru* 'исчезать', *kamuaagar-и* (К, 213) букв. 'боговозноситься' (применялось только в речи о вождах). Впоследствии такого рода подставные слова начинают считаться более вежливыми.

Эхо называлось *jama-biko* (М, 3680) букв. 'горный принц', а впоследствии *ko-dama* букв. 'дух дерева'.

При указании на число богов употреблялось счетное слово *pasira* букв. 'столб', что также связано с поклонением силам природы, в частности лесу. Однако, как отмечает Зеленин, первобытному человеку было чуждо представление о едином духе-хозяине всех гор, всех рек и т. п. [см. 49, 119]. Каждая гора, река, каждое озеро имеют своего духа-хозяина (см. рус. *Медной горы хозяйка*). Вот чем объясняется такое богатство японского пантеона. Земной бог *Орэкининоси-нэ камэ* ('Бог великий хозяин страны'), вынужденный уступить свою власть представителю «чебесных богов», удаляется в потусторонний мир, завещая поклоняться ему на определенной горе (ср. бур. *лус* 'хозяин вод, рек и озер', рус. *русалка*). *Nusi* 'хозяин' употреблялось и при вежливом обращении к людям: *A-ga nusi-nэ mi-tama tamapite...* (М, 882) 'Получив почтенную душу моего хозяина...' > 'Получив от Вас любезную помощь...'. Ср. СЯ *jama-no kami* прост. 'мегера', 'моя жена' (< 'горный бог').

Часто табуируются, как известно, и названия вождей и жрецов (как сопричастных к пролитию крови или обладающих таинственной силой). Такое слово, как *mi-kado* (сначала 'ворота дворца', потом 'дворец', 'государственное учреждение', 'государство' [см. М, 4245]), превращается в описательное название императора; *mi-ja* (М, 29 и 315) 'дворец' (букв. 'почтенное жилище') после VIII в. приобретает значение 'принц'. В «Кодзики» вождь называется еще *kimi*, что словари X в. объясняли как «название верховного», т. е. как РК к слову *kami* 'верх'. Уже в «Манъё:сю» *kimi* 'употребляется и в роли местоимения 2-го лица. *Kami* 'верх' — РК *kami* 'бог' (~ тюрк. *qam* 'шаман'). Возможно, что и *sama* — именной суффикс со значением вежливости в НЯЯ восходит к тунгусо-маньчжур-

скому *сама* 'шаман' (ср. постпозитивное употребление *nusi*, о котором пишут комментаторы «Манъё:сю:»). Главный жрец храма назывался *kamu-nusi*, что скорее значит 'шаман-хозяин', чем 'хозяин богов': ведь жрецы выше богов не ставились, хотя им тоже приписывалось небесное происхождение.

Обрядами, связанными с табу и очищением от скверны, ведал особый род *imi-be*. Очищение заключалось прежде всего в омовении в проточной воде. Глагол *parapu* 'очищаться' сохранился и в НЯЯ в значении 'вытирать', 'чистить' (~фин. *perata*). Думаю, что такого же происхождения и *parapu* 'прогнать (злые чары)' и *parapu* 'платить (очищаясь от долгов)'.

Другим глаголом, обозначающим очищение, было *susugu* 'смыть' (первоначально скверну, теперь — позор), поэтому *tatipasiri-isusugiki* (К, 232) я понимаю как 'вскочила, побежала и совершила омовение' (*i* — префикс). На то, что *isusugiki* означает ритуальное действие, а не торопливость, как полагают некоторые комментаторы, указывает то, что это слово написано манъё:ганой (если бы *isusugiki* было формой глагола *isogu* 'спешить', то одно *su* — лишнее; если бы оно было формой *isoiso-su* 'спешить', то *-gi* — лишнее). Да и сама ситуация подтверждает, что речь идет именно об очищении: *Opomönönusi-nö kamī* 'Великий бог-хозяин вещей', влюбившись в красавицу, превратился в *ni-nuri-ja* '[в] красное выкрашенную стрелу' и попал в нее... Их дочь была названа *Pötö-tatara-isusugi-pime* 'Девушка, [родившаяся после] очищения от проклятия (осквернения) лона' (*tataru* 'проклинать'). Но впоследствии она изменила себе имя, «ненавидя то, что называется лоном» [К, 232]. Здесь один из первых примеров того, что избегают употреблять слово по соображениям приличия.

Существовал ритуал очищения еды и питья, для чего служили специальные глиняные сосуды *ipari-be* (К, 280). Бой было принято начинать, посылая *iparija* (К, 280) 'очищенную стрелу' [глагол *iparu* > НЯ *iwai* 'праздновать' комментаторы «Кодзики» связывают с глаголом *im-u* 'быть запретным', 'табуироваться'. В ДЯЯ понятия «чистить» и «рвать» (тошнить) выражаются одним словом (*pak-u*)].

Древним японцам представлялись наваждением и эпидемии — *je-jami* (К, 270), называемые далее *kamī-nö kē* (К, 270) 'божественным наваждением', впоследствии *mononoke* 'чьим-то наваждением'. В тексте, где речь идет об эпидемии, народ называется *opomi-takara* (К, 269) 'великим почтенным сокровищем', что похоже на подставное слово. Это же слово применялось и для описательного наименования отдельных людей, принадлежащих правителю: *Kijoki opomitakara-ni taseba...* (К, 297) 'Если [Вы] сделаете [их] своими почтенными женами (букв. чистыми великими сокровищами)...'.

Наваждением считались и некоторые физические недостатки, например, немота: *magötö töpazu* (К, 300) 'настоящих вещей не спрашивал', т. е. 'был немым'; *Pazimete agitöpi-sitamapiki* (там же) 'Впервые залепетал' (*agitöpi* сравнивают с *agitö* 'подбородок').

Выше были приведены примеры подставных слов, образованных из исконных морфем. Но «запреты открывают широкий простор для сознательного заимствования слов из чужого языка» [49, 136]. Возможно, что к таким заимствованиям относятся, например, числительные — канго.

Некоторые подставные слова оказались незафиксированными в памятниках, но это не значит, что все они возникли позднее. Так, **kütî-napa* 'змея' (букв. 'гнилая веревка'), видимо, было древним словом; **kî-nezumî* 'белка' (букв. 'древесная мышь') применялось до появления в японском китаизма *risu*.

Ряд слов, кажущихся подставными, появляется сравнительно поздно под влиянием буддийских верований. Так, *naka-tukamî* (J, 515) 'барс' (букв. 'средний бог') назван так потому, что «бог с хвостом барса» занимал центральное место среди восьми богов (八將神). С этого божества название было перенесено на самого барса.

Usagiuta 'осел' (букв. 'заяц-лошадь') — не подставное слово, а название нового для древней Японии вида однокорытных, данное по форме ушей.

Tatibana 'мандарин' (букв. 'стоячие цветы') — наименование нового плодового дерева, о привозе которого в Японию упоминается в «Кодзики» (от *tati-bana* — названия дикого цитруса).

§ 14. Редупликация

Редупликация — полная и частичная — сыграла большую роль в японском словообразовании (чисто грамматическая роль ее в ДЯЯ невелика). В основном путем полной редупликации усиливается лексическое значение повторяющегося корня: *tömödömö* (К, 147) 'все вместе', *kötögötö-ni* (К, 144) 'всё', *kunuti kötögötö* (М, 796) 'все в провинции', *parobaro-ni otorojuru kamö* (М, 866) 'представляется очень далекой'.

Редуплицированное слово чаще всего является наречием: *ijjö masumasu* (М, 793) 'все более и более' (*masumasu* — редупликация глагола *masu* 'увеличивать[ся]'), *sinubisinubi* (К, 168) 'тайком' (редупликация срединной формы глагола *sinubi* 'таиться'), *paroparö-ni* (М, 800) 'послушно', 'без возражений' (повторяется корень наречия), *nakanakani* (М, 3033) 'очень', 'никак' (*naka* 'середина').

Удвоенный корень мог получать оформление прилагатель-

ного: *Aga mi-kōkōrō sugasugasi* (К, 107) 'Мое настроенное хорошее', *pinepinesi* (М, 3848) 'состарившийся', 'лежалый' (о зерне), *potōpotōsiku-ni* (М, 1403) 'еще немного', *mē ponō-ponōsi* (J, 659) 'глаза подслеповаты'.

Нередко редупликация получает глагольное оформление: *kamī-wo kamu-tudopetudopete* (К, 153) 'собрав богов божественным собранием', *kamu-jarapi jarapite* (К, 99) 'изгнали божественным изгнанием', *umiumite* (К, 74) 'родив', *itu-nō tiwakitiwakite* (К, 182) 'мощно прокладывая [себе] дорогу'. Такое повторение основы имеет скорее видовое, чем словообразовательное значение (изменения лексического значения и категориальной принадлежности основы не происходит). Ср.: *Sakari-ni sakeru umē-nō pana...* (М, 851) 'Цветы сливы, цветущие пышным цветом...', где редупликации нет, но имя *sak-ari* 'цветение' и *sak-u* 'цвести' образованы от одного корня.

Ряд названий парных частей тела представляет собой повторение односложного корня: *mimi* 'уши', *popo* 'щеки', *tomo* 'ляжки' (отсюда по внешнему сходству и *tomo* 'персик', ср. записанную несколько позже сказку о *Momo-taro*: — мальчике. «родившемся из персика»).

В терминах родства редупликация еще мало применялась. Зафиксированы только: *titi* 'отец', *papa* 'мать', *tama-* 'сводный', 'неродной' (*mamatiti* 'отчим', *tamapapa* 'мачеха'), *pigo* 'правнук'.

Редупликация одного слога в именах использовалась в основном для наименования многочисленных по своей сущности предметов: *sasa* 'низкорослый бамбук', *kuku* 'стебли', *sisi* 'звери' > 'мясо' (чаще оленя и вепря), *susu* 'копоть', 'сажа', *suzu* 'колокольчики' (звукоподражание?), *seze* 'стремнины' (удвоение *se* 'стремнина'), *tutu* 'трубка', 'вид птиц', *tōdō* 'морской лев'.

Nana '7' и *tomo* '100' — редупликации, выражающие множественность вообще (а не четность).

Mama 'обрывы', 'крутизна' (сохраняется в диалектах Гумма, Ниигата, Нагано).

Повторением одного слога образовывались и наречия, преимущественно звукоподражательные: *kaka naku* — о клетоте орла, *kogo* — о звуке при трении или разминании чего-либо, *tōdō* — о стуке в дверь, топоте копыт, *sisi* — о крике оленей, *tada* 'прямо', 'непосредственно', 'только', *jaja* 'чуть-чуть', *soso* 'понемножку' (двигаться).

Выше представлены почти все редупликации односложного корня. Их немного потому, что в ДЯЯ было мало различающихся между собой слогов.

Гораздо большую роль играет редупликация двух слогов: *sarasara* 'снова', 'повторно' (то же *sara-ni*), *tōkitōki* 'время от времени', 'иногда', *tōkidōki* 'в свое (определенное) время' [*Tōkidōki-nō pana-pa sakedōmō...* (М, 4323) 'Хотя цветы цве-

тут в свое время...'], *sibasiba* 'часто', *katugatu-mō* (М, 652) 'по крайней мере', 'хотя бы' (от глагола *katu* 'терпеть недостаток'), *onōonō/onōmōonōmō* 'каждый', *kusagusa* 'различный' (от *kusa* 'травы'), *kuraguratō* 'темно [в глазах]' (от *kura* 'темный'), *kōrōgōrō-pa* (М, 487) 'долгое время' (от *kōrō* 'время'), *kōmokōmo* 'взаимно', 'друг другу' [от *kōmo* 'и это' (J, 311)], *takatakani* (М, 4107) 'с нетерпением (ждать)' (от *taka* 'высок', т. е. ждать, поднимаясь на цыпочки [см. J, 410]) и др. (см. также §§ 16 и 21).

В целом, однако, удвоений двуслогов в ДЯЯ не так уж много. Некоторых ныне употребительных редупликаций тогда не было. Так, отсутствовало *pikapika* 'блистая', хотя глагол *pikar-u* 'блистать' есть. Имеющиеся редупликации являются повторением корней, употребляющихся и самостоятельно. А ономапоэтических наречий, образованных путем удвоения неупотребляющихся самостоятельно двуслогов, почти не было, хотя в НЯЯ их много. Немало таких наречий (или ономапоэтических слов) начинается со звонкого согласного, который в ДЯЯ почти не встречался в анлауте (зафиксировано лишь *bisibisi* — о шмыгании носом). Допустим, что они появились позже. Но *pikapika* не могло быть образовано позже VIII в., так как в IX в. корень глагола *pikar-u* звучал уже *Fika*. Значит, в случае более позднего образования мы имели бы *FikaFika*, в СЯЯ — *çikaçika*. Однако в ономапоэтиках переход *p->F->h*- не произошел. Можно предположить, что они сохранились в СЯЯ в прежнем виде (без озвончения начального глухого второго компонента и с начальным *p*-) с древних времен. Полное их отсутствие в текстах ДЯЯ можно объяснить или тем, что они еще не появились в то время, или тем, что они были достоинством каких-то диалектов, считались слишком вульгарными, натуралистическими и не могли поэтому найти доступ в лирическую поэзию. *Sawasawa-ni* 'с шумом' хотя и звукоподражательное слово, но корень его находим в глаголе *sawaku* (М, 924) 'шуметь' (о птицах), что соответствует СЯ *sawagu* и *zawa-mek-u* (*s->z*-). Таким образом, особой группы четырехсложных ономапоэтик с неупотребительным двусложным корнем, как в СЯЯ, мы в ДЯЯ не находим. Правда, прилагательное *tadutadusi* (М, 575) 'одинокий', 'рискованный' не имеет в текстах однокоренных соответствий, но это можно считать случайностью. Важно, что слова такого типа оформлены как прилагательные, наречия или глаголы и тем самым входят в систему частей речи, а не являются в ней каким-то чужеродным элементом.

Не меньшее значение имела для словообразования в ДЯЯ частичная редупликация (первого или последнего — второго — слога корня). К VIII в. этот процесс, видимо, завершился: от новых корней частично редулицированные ос-

новы не производились. Если в слове первый слог идентичен второму, не всегда легко решить, что перед нами — редупликация односложного корня плюс фэрмант или удвоение первого слога двусложного слова. При сравнении *töm-ar-u* и *tödöm-ar-u* 'останавливаться' находим в последнем удвоение первого слога. В *pipiku* 'быть жгучим на вкус' [*pazikami kuti pipiku* (J, 621) 'перец рот обжигает'] и *pipiraku* 'испытывать жгучую боль (резь)' редупликация принимает глагольное оформление.

Значение частичной редупликации глагола — указание на многократность или продолжительность действия: *tatak-u* 'стучать' (ср. рус. *тук-тук*), *susum-u* 'продвигаться вперед' (ср. *sum-u* 'жить' <'дышать'), *susur-u* 'хлебать' (PK *sup-u* 'сосать'), *susuk-u* 'обмывать' (*suk-u* 'лить себе в горло'), *sosok-u* 'лить на кого-либо', *tatar-u* 'проклинать' (ср. *katar-u* 'говорить').

Первый слог мог удваиваться и при именном словообразовании: *tatara* 'большие мехи', *tatami* 'циновка', 'ковер' [от *tatam-u* 'складывать' (не менее чем вдвое)], *susuki* 'камыш', *sasage* 'коровий горох', *sasagami* 'рябь' (*sasara* 'мелкий', *nami* 'волны'), *tutumi* 'плотина' (*tum-u* 'наваливать'). Таким образом, некоторые частично редуплицированные трехсложные слова восходят к двусложной основе.

При повторении первого слога начальный глухой, оказавшись в интервокальном положении, мог озвончаться: *më tuduraka-ni su* (J, 471) 'глаза испуганно округлены', *tudura* 'вьющиеся растения', *tudumi* 'барабан' (в виде узкой трубы, несколько суженной посередине, PK *tutu* 'трубка'), *pibiki* 'отзвук', *kigisu/kigisi* 'фазан' (*kigi* — звукоподражание крику фазана, *-su* — суффикс названий птиц; ср. *kizi* 'фазан'), *kögör-u* (<*kör-u*) 'замерзать'.

Процесс озвончения глухого второго слога в слове с частичной редупликацией имеет место и в последующие эпохи: ДЯ *tutuk->tuduk-* 'продолжаться', ДЯ *sasanami* > НЯ *saganami* 'рябь' и т. д. Озвончение начального глухого второго компонента характерно для сложных слов на всем протяжении истории ЯЯ. Тем самым редуплицированные слова приравниваются к сложным.

В словах, где редуплицируется второй (последний) слог, в результате чего слово получает трехсложную основу, также прослеживается связь с двусложными корнями: *sipor-pi* 'в слезах', 'мокро от слез' (от *sip* 'морское течение', 'соль'), *turara-ni* (M, 3627) 'рядышком', 'в одну линию' [от *tura* 'выстраивание в ряд', *tura/turu* 'тетива', ср. СЯ *turara* 'сосулька'], *tumama* 'название дерева' (ср. *tumë* 'ногти', *tum-u/tumam-u* 'срывать'); *Apimiru-pa pisasa-nimə...* (M, 665) 'Как бы долго [мы] не выделись...'; *pisa-si* 'долгий'; *kobuc pa-rara-ni* (M, 4360) 'лодочки разбросаны'.

Полагают, что по крайней мере часть таких слов является сокращением полной редупликации (ср. СЯ *barabara-ni*).

К частично редулицированным можно отнести и такие слова, как *panapada* (К, 232) 'очень', где повтор неполон.

§ 15. Семантика

Здесь речь идет о семантике только корней значимых слов и смысловых связях между ними (о семантике служебных морфем см. разделы, посвященные грамматике). Синонимика и ряд других проблем, относящихся обычно к семантике, по недостатку места не рассматриваются.

Известно, что значения слов не остаются неизменными. Они могут меняться в очень широких пределах. Считают, что одно и то же слово может при этом расщепиться на два омонима, например: *дача* 'давание' и *дача* 'загородный дом'.

Еще чаще этимологически единые слова приобретают в разных языках различные значения: рус. *рог* ~ укр. *rig* 'рог', 'угол' (внешний), рус. *позор* ~ чеш. *rozor* 'внимание', рус. *разбой* ~ рум. *razboiu* 'война', рус. *вата* ~ ДЯ *wata* 'шелковая вата' (<санскр.), рус. *пена* ~ лит. *piena* 'молоко' и т. п.

Если, сопоставляя между собой японские морфемы, мы будем ограничиваться лишь корнями с явно близкими значениями, мы рискуем упустить РК с разошедшимися значениями. Но для того чтобы наши сопоставления не были произвольными, нужно использовать параллели с другими языками.

При установлении смысловых (этимологических) связей между словами ДЯЯ различаются следующие случаи:

1) два слова ДЯЯ звучат одинаково, но имеют далекие значения;

2) два слова писались одинаково, но в СЯЯ различаются ударением; в таком случае полагаем, что и в ДЯЯ они различались, т. е. были разными словами;

3) два сходных слова принадлежат к разным частям речи (например, к именам и глаголам), т. е. отличаются между собой морфологически;

4) два корня имеют одну или две разные фонемы и семантически довольно далеки.

В первом случае надо отличать омонимы разного происхождения от прямого и переносного значений одной и той же лексемы.

Во втором случае необходимо установить, используется ли в ЯЯ ударение для дифференциации лексических значений.

В третьем и четвертом случаях нужно, установив смысловую связь сопоставляемых корней, определить, являются ли они РК или нет. Как это сделать? При семантическом подходе в отличие от чисто этимологического не обязательно прибегать

к материально близким параллелям из других языков. Поскольку в логике наименования много общечеловеческого, достаточно найти одно слово (а еще лучше несколько), имеющее оба значения, присущие фонетически близким словам ДЯЯ. Наличие такого слова в другом языке считается лучшим доказательством того, что две лексемы сравниваемого языка (в данном случае ДЯЯ) обладают не случайным, а закономерным сходством [см. 57, 104]. Близость двух корней ДЯЯ убедительно доказывается и наличием в другом языке соответствующих двух слов, образованных от одного корня путем аффиксации, почти не используемой при именном словообразовании в ДЯЯ. Наконец, доказательством смысловой связи между двумя словами ДЯЯ может служить наличие двух РК с теми же значениями в другом языке. При анализе смысла слова каждое его значение надо представлять себе как набор семантических компонентов. Тогда окажется, что большая часть этого набора совпадает. Приведем ряд примеров:

1. *Pipe* 'судно' : 'сосуд' — рус. *судно* : *судно* — др.-нем. *skif* 'лодка' : 'сосуд'. По форме оба предмета сходны. Оба они используются как вместилище, имеют общий дифференциальный признак «отношение к воде». Но лодка плавает по воде, а сосуд вмещает в себе воду. Вывод: это два значения одного слова, а не случайные омонимы.

2. *Mine* 'грудная клетка' : 'конек крыши' — рус. *грудь* : слав. *гряда* 'балка' — удм. *мурес* 'грудь' : 'брусок, которым закладывается отверстие улья-колоды'. В ДЯЯ *mine* (первоначально только 'грудная клетка') приобретает и значение 'продольный брус каркаса крыши' (отходящие от этого бруса стропила напоминают ребра).

3. *Kamé²* 'кувшин'⁵ : *kamé¹* 'черепашка' — рус. *череп-ок* : *череп* : *череп-аха* — тагал. *kala[ng]* 'панцирь черепахи' : *kalalang* 'глиняный кувшин' (индонез. *kambar* 'вид крупной черепашки'). Эти слова малайских языков близки к японским и материально.

4. *Kamé²* 'кувшин' : *kama⁰* 'котел' : *kama[do]⁰* 'очаг' — тагал. *kalalang* 'кувшин' : *kala¹* 'очаг' (из глины) : *kawa* 'котел'. В древней Японии котел составлял с очагом одно целое. После перехода к изготовлению металлической посуды название кувшина по функции могло перейти и на котел (с некоторым фонетическим изменением для дифференциации). Вместе с тем очевидна связь этих культурных слов с кор. *кама*, эвенк. *калан* 'котел', тюрк. *qamıç* 'ковш'. Близки к ним и эвенк. *камит* 'берестяной короб для мяса и рыбы', индонез. *kembal* 'мешочек' (по семантическому компоненту «вместилище»).

⁵ Надстрочные цифры указывают, каким по порядку является ударенный слог в данном слове в СЯЯ. Знак ⁰ обозначает, что слово имеет равный тип ударения, т. е. не имеет слогов высокого регистра.

5. *Kata*⁰ 'котел' : *kata*¹ 'серп' (~тюрк. *qat*- 'сваливать на землю', тур. *kata* 'клинок', тагал. *kampilan* 'длинная сабля'). Оба предмета металлические, имеют закругленную форму.

6. *Kura*⁰ 'темный' : *kura*² 'кладовая' — башк. *кара* 'черный' : *кура* 'хлев', тюрк. *qurat*- 'накоплять' — индонез. *gurat* 'темный' : *kurung* 'сарай', 'хлев' (ср. рус. *темный* : *темница* 'помещение без окон').

7. *Sum-i*¹ 'угол' (чаще внутренний) : *sumi*² 'уголь' (при *sum-и* 'жить') — рус. *угол* : *уголь* (близость по цвету: в углу темно и уголь темный). *Sumire* 'фиалка' < *sumi+ire* 'баночка для туши'.

8. *Taka*² 'высокий' : *takē*² 'гора' [~тюрк. *taγ* 'гора', кор. *тхэк* 'бугорок' (SM, 146), халха *таг* 'плато'] : *takē*⁰ 'бамбук' (~эск. *такылг'и* 'длинный', кор. *тэ* < *тай* 'бамбук', таг. *tan-gkay* 'ствол').

9. *Umi*¹ 'море' : *umi*² 'гной' — эск. *има-к* 'море' : 'гной' — маньчж. *омо* 'озеро', 'пруд' : бур. *үмхи* 'гниль'. Общие семантические компоненты: «жидкость», «непроточность», «непригодность для питья». Ср. эвенк. *уми:в-* 'собираться', 'скапливаться' : 'напоить', тюрк. *imär-* 'стекать'.

10. *Kuma*² 'медведь' (~кор. *ком*, эвенк. *хумэй* 'медведь', *кума* 'нерпа') : 'угол', 'изгиб (дороги)', 'место, где плохо видно' [см. J, 269]. Ср. пп. 7 и 79.

11. *Tabi* 'путешествие' (~таг. *тапак* 'шаг', тюрк. *taba* 'по направлению к' (последлог)) : 'раз' (~монг. *dab-qur* 'раз', 'слой', индонез. *tubitubi* 'неоднократно').

12. *Kara* 'стебель', 'ствол' : 'кровное родство', 'род' (только в сложных словах) : 'ручка (орудия)'. Ср. СЯ *kara* 'кора', 'раковина' : 'пустой'.

13. *Karasi* 'горький', 'пересоленный' : *karasi* 'горчица'.

14. *Pata*² 'ткацкий станок' : 'полотнище знамени', т. е. вертикальная полоса материи, изготавливаемая на ткацком станке (~кор. *падак* 'ткань', маньчж. *хата* 'тонкая лента', индонез. *patam* 'отделка одежды'). См. также п. 15.

15. *Pata* 'плавник (рыбы)' : *pata*¹ 'суходольное поле' — яв. *patil* 'ядовитые плавники' : индонез. *padang* 'равнина', 'поле' (~алт. **pata* 'поле', и.-е. **pet(H)* 'широкий', 'расстилаться', таг. *patag* 'ровный'). Общее в семантике — «плоская форма». См. также п. 14.

Выше мы сделали допущение, что слова, отличающиеся в СЯЯ ударением, различались и в ДЯЯ (разумеется, ударение в ДЯЯ не могло быть таким же, как и в СЯЯ). Но не исключена возможность того, что некоторые из них были в ДЯЯ полными омонимами, а дифференцировались позднее. Если окажется, что какая-то пара слов, не являющихся полными омонимами в СЯЯ из-за разного ударения, в ДЯЯ не различалась

фонетически, значит, наши предположения о родстве этих слов получают дополнительное подтверждение. Но уже сейчас ясно, что в СЯЯ для различения РК используется и ударение. Этот факт затрудняет поиски соответствий в других языках, так как очевидно, что при фиксированном месте ударения в них (например, в тюркских — на последнем слоге, в монгольских — на первом) слова, соответствующие японским, должны различаться фонемами корня или словообразовательными аффиксами. подобно тому как русским словам *мука́* : *му́ка* в польском языке с его постоянным ударением на предпоследнем слоге соответствуют *ta̧ka* : *tȩka*, различающиеся коренным гласным.

Можно предположить, что японская система ударений не восходит к ПЯЯ, а появилась при складывании диалектов ДЯЯ, чтобы компенсировать отпадение конечнослоговых согласных, которыми различались слова в ПЯЯ. В некоторых диалектах ударение так и не возникло, в других — слова различаются регистром только последнего слога, например, в говоре Миэ префектуры Нагасаки, обследованном Е. Д. Полиновым.

Выше было приведено несколько сопоставлений слов, морфологически близких, но принадлежащих к разным частям речи (см. пп. 8, 13). Разумеется, есть немало слов, чья принадлежность к глаголам обуславливает наличие у них особых словообразовательных морфем. Тем самым их сопоставление с именами усложняется.

16. *Ко* 'ребенок' (>*ko*- 'маленький', *ko* *мука́*) : *коpi* 'любовь' — рус. *малый* : *милый* [см. 57, 108].

Широко распространен в разных языках изосемантический ряд МОЛОТЬ : НАЗВАНИЕ ЗЛАКА или МУКА (тюрк. *tög-* 'толочь', 'молотить' : *tögi* 'пшено') [другие примеры см. 57, 104—105]. Аналогичные ряды в ДЯЯ см. пп. 17—19.

17. *Нук-и* 'выдергивать', 'удалять' : *ника* 'высевки'.

18. *Кок-и* 'мять', 'обрывать (листья)', 'молотить' : *ко* 'мука'.

19. *Мот-и* 'мять' : *тоти* 'неочищенный рис' (~ кор. *момиль* 'гречиха'); ср. *тамё* 'бобовые'.

20. *Puru-* 'ветхий' : *purup-* 'встряхивать', 'веять', 'просеивать' — рус. *ветхий* : *веять* — горно-алт. *эски* 'ветхий' : *эскин* 'веялка' — тюрк. *burun* 'прежде' : *bur-* 'пахнуть' — индонез. *purba* 'старинный' : *puruk* 'проваливаться (в яму)' (эст. *purui* 'крошка'). См. п. 42.

21. *Puru-* 'ветхий' (с которого «песок сыплется») : *pur-и* 'идти' (о дожде, снеге) [~ кор. *ппури-* 'поливать', 'лить' (о дожде), бур. *бурга-* 'падать' (о снеге), рус. *пурга*]. Р. Э. Миллер сопоставляет *puru-* с тюрк. *uzun* 'долгий', но *purui-* не относится к людям и семантического компонента «долгоживущий» не имеет [ср. 22, 172].

22. *Asa* 'утро' (антоним—*juṣi* 'вечер'): *asita* 'утро' (антоним—*juṣipe*): *asu* 'завтра'— рус. *утро*: *завтра*. Считают, что *asa* и *asu* имеют общий корень, но в действительности это РК, так как словообразовательных формантов нет [ср. J, 21]. Коми *асыв* 'утро': *аски* 'завтра' (*асвя* 'утренний')— индонез. *asar* 'время', 'момент': *ésok* 'завтра' (ср. таг. *aga* 'утро', ? др.-инд. *asita* 'темный').

23. *Pě* 'очаг': *pě* (счетное слово для домов): *pě* 'посуда' (обожженная в очаге). СЯ *hettsui* 'очаг' < *pě-tu-pi* 'очага огонь'. РК— *pī* 'огонь'.

24. *Takil?tagi* 'бурное течение': *tagit-u* 'струиться' (в СЯЯ *taki* 'водопад': *tagir-u* 'бурлить', 'кипеть')~ халха *даргил* 'бурное течение', и.-е. **tek*^u- 'течь': 'бежать', таг. *takas* 'беглец'.

25. *Taru* 'капать': *tarumi* 'водопад' (*mi* 'вода')— таг. *talon* 'водопад': *taluktók* 'вершина'. См. пп. 24, 27.

26. *Pira* 'ровное место': *para* 'поле', 'stepь'— индонез. *paras* 'ровный': *parak* 'сад', 'плантация'— кор. *сон-ппадак* 'ладонь': *пэл* 'равнина' [~ами (на Тайване) *пара*, нивх. *пыриф* 'равнина', но таг. *parang* 'лес', 'гористая местность', мокша *пора* 'роща', коми *парма* 'девственный лес', 'возвышенность']. Те-лò *pira* 'ладонь'.

27. *Tama* 'шар': 'капля': 'драгоценный камень': *tama-ni* 'редко': *tamar-u* 'жаловать', 'дарить'— якут. *тамма* 'капля', татар. *там-чы* 'капля' (тюрк. *tam-* 'капать'): таг. *tambók* 'выпуклость': *tamò* 'выигрывание': кор. *тыму-* 'редкий': эвенк., удэ *тама-* 'платить'.

28. *Ta* 'кто': *na* 'что' (~тюрк. *ne* 'что?', таг. *na* 'что', 'который').

29. *Tami* 'народ': *tami|tamu-ru* 'объезжать', 'кружить' (см. п. 27): *tam-ar-u* 'скапливаться' (о воде) (РК *tómò* 'вместе': *tuta* 'супруги')— тюрк. *tamir* 'кровеносный сосуд': 'канал'— татар. *тамыр* 'корень': 'род', 'племя'— якут. *тымыр* 'кровеносный сосуд': *тымырбар* 'кровные родственники'— таг. *damò* 'трава': *dami* 'большое количество'— халха *тамыр* 'кровеносный сосуд': бур. диал. *табин* 'род' (ср. и араб. *дамун* 'кровь', эск. *тамах'ак* 'всё'). Логика развития значений: от первоначального сравнения (по аналогии) разветвляющихся вен и артерий с корнями растений к более позднему и более абстрактному сравнению с разветвляющимся племнем.

30. *Ajabut-u* 'опасаться': *aǰarj-* (с X в.) 'опасный': *aǰa-ni* 'странно', 'очень'— тюрк. *aǰa-* 'беречь', 'жалеть': *aǰi* 'очень'— халха *аюул* 'опасность': эвенк. *аяву-н* 'любовь'. Логика развития значений: опасаться вообще (чего-то странного, необычного) > опасаться за кого-либо, что-либо (беречь) > опасаться за любимого > любить.

31. *Kusa* 'трава': *kusu* 'камфарное дерево': *kusuri* 'лекар-

ство' — фин. *kasvi* 'растение': *kuusi* 'ель' — монг. *kuši* 'карликовый кедр': индонез. *kusa*, *kuskus* — виды трав, чув. *курӑк* 'трава': 'растение'.

32. *Кара* 'кожа': *kabi* 'колос': *kabi* 'всходы', 'плесень' — тюрк. *qар* 'оболочка плодного пузыря', 'бурдюк': *qараq* 'плева': 'веко': 'покрышка' — индонез. *kapal* 'огрубевшая кожа', 'мозоль': *karang* 'плесень' (первобытные люди считали плесень какой-то коркой, которой могут обрастать предметы).

33. *Кара* 'кожа': *kapi* 'ракушка' — индонез. *kapal*: *kerah* 'двустворчатая раковина', 'моллюск' — татар. *кабык* 'кора', 'скорлупа', 'кожа', 'шукура': *кабырчык* 'ракушка' (в татарском языке глухие озвончаются между гласными).

34. *Кара* 'кожа', 'шукура', 'то, что покрывает предмет, обертывая его': *kara* 'кости', 'скорлупа', 'шелуха', 'сброшенная кожа (змеи)', 'раковина': индонез. *kapal* 'мозоль': *karah* 'кора': *kerang* 'двустворчатая раковина'.

35. *Kabi* 'плесень': *sabi* 'ржавчина' — индонез. *karang* 'плесень': *karat* 'ржавчина'. Между тем урало-алтайские языки имеют общее с ДЯЯ название ржавчины: эвенк. *сэмту*, коми *сiм*, ханты *саму*, халха *зэв*. Это говорит о том, что в эпоху перехода к железному веку данные языки не были полностью разобщены. Но в индонезийском языке, несмотря на наличие того же корня, ржавчина была названа иначе — по сходству с *karah* 'пятно', 'нарост', 'корка'.

В ДЯЯ широко представлены и случаи, когда одно слово или родственные слова обозначают прямо противоположные понятия: свет и тьму, тепло и холод, начало и конец, чистоту и грязь, хвалу и брань (своего рода единство противоположностей). Это явление свойственно многим, особенно древним, языкам [ср. рус. *исходный* 'начальный': *исход* (дела) 'конец'].

36. *Kagē/kaga-* 'тьма': 'отражение': 'отраженный свет (луны)', *kaga-mi* 'зеркало' (медное): *kaga jor-u* 'сиять', 'блистать'. Пример из «Мангё:сю:» (песня 2642):

Tötösibi-nö

Светильника

Kagē-ni kaga jori При свете (букв. в тени) сияющий.

37. *Jamī* 'тьма' (РК *jömi/jötmö* 'преисподняя'): *jak-u* 'гореть' — маньчж. *ямчжи* 'вечер', тюрк. *jam* 'сор', *jama* (<санскр.) 'бог-царь загробного мира', чув. *ям* 'курение дегтя' (изготовление на огне черного дегтя): эвенк. *яктан* 'старая гарь', тюрк. *jaq-tur* 'зажигать', маньчж. *яха* 'жар от угольев'. См. пп. 38 и 39.

38. *Jamī* 'тьма': *janī* 'смола' (~маньчж. *янга[нь]* 'факел из лучин смолистых деревьев', тюрк. *jan-* 'гореть', халха *яндан[г]* 'дымоходная труба') — тагал. *gabi* 'ночь', 'вечер': *gala* 'смола', 'деготь', индонез. *tjan* 'черная смола'.

39. *Jatī* 'тьма': *jama* 'гора', 'лес' [~эвенк. *ja:ŋ* 'сопка', 'безлесная гора', коряк. *янгъянгай* 'гора', тур. *yamaç* 'склон (горы)', коми *ямас* 'полоса земли, обнажившаяся при спаде паводка'].

40. *Aka-* 'красный': *akari* 'свет', 'покраснение', *akiraka* 'светлый', 'ясный': *aki* 'осень' (в Японии обычно осенью стоит хорошая погода) — тюрк. *aq* 'белый': *a:r* 'бурый', 'рыжий', 'красноватый'. Во многих языках понятия «красный» и «белый», «светлый» выражаются сходным образом.

41. *Aka-* 'красный': *aka* 'грязь (на теле)', *akuta* 'сор' (~бур. *ag* 'грязь', 'налет', 'осадок', таг. *agiw* 'грязь', 'копоть').

42. *Puk-u* 'дуть' (РК *pukipukusi* 'легкие'): *puki* 'вытирать', 'стирать' — др.-инд. *puç* 'дуть': *pû* 'чистить', 'очищать': *pûj* 'вонять' [ср. НЯ *pun-to* — наречие (о вони)]. Этот корень оно-матопозэтический, встречается во многих языках: айну 'ику' 'дуть' (ртом), ульч., нан. *пукси*°, НЯ *pubiki* (неполная редупликация) 'пурга', кор. *пульт* 'дуть'.

43. *Kizu* 'зарубка': *kazu* 'число', *kazop-ë* 'считать' (~тюрк. *qazıan-* 'приобретать', *qaz-naq* 'казна').

44. *Kaze/kaza-* 'ветер': *kazar-u* 'украшать' (~хак. *чаза* 'украшать'). Слов с *-z-* в корне в ДЯЯ очень мало.

Хотя небесные светила и нельзя рассматривать как прямые противоположности, но все же названия солнца и луны в ряде языков не случайно имеют большое сходство: монг. *нара* 'солнце': *сара* 'луна'.

45. *Pi* 'солнце': *posi* 'звезда' — ороц. *хоси-кта*, нан. *хо-се-кта* 'звезда': нан. *посин* 'искра'. См. п. 46.

46. *Pi* 'огонь': *potaru* 'светлячок' — рус. 'свет': 'светлячок'.

47. *Töki* 'время': 'час' (шестая часть дня или ночи независимо от их фактической длины, т. е. летом дневные часы обозначали более длинный отрезок времени, чем ночные) — укр. *час* 'время': рус. *час* '60 минут'; рус. *год*: укр. *година* '60 минут'. Раз в одном и том же языке (как и в близкородственных) значения слов, обозначающих время и его отрезки, могут сильно варьировать, соответствия в более дальних языках, естественно, могут несколько различаться по своей семантике: эвенк. *тыкин* 'теперь': фин. *tuokio* 'миг', 'мгновение': тюрк. *tïïin* 'время', 'момент': кор. *чжк* 'в случае когда': осет. *du:gl/dogae* 'время': коми *duk* 'момент': арм. *t'ok* 'длительность': тюрк. *çaq* 'пора', 'время', халха *цаг* 'время'. См. п. 48.

48. *Töki* 'время': *tökö* 'вечно': *tukü* 'луна': 'месяц' (по лунному календарю) — тюрк. *tuçil* 'источающий блеск': *tuçi* 'всегда' — тюрк. *tïïin* 'время': *tï:* 'всегда'. В слове *tukü* находим семантические компоненты: «сияющий» (РК *tuja* 'блеск'), «круглый» (халха *дугуй* 'круг'), «изменяющийся по фазам» (РК *tukü* 'истощаться', 'исчерпываться', 'иссыхать' ~ тюрк. *tükä-* то же).

49. *Ti* 'кровь' [~монг. *çi-sun* (<**ti-sun*) 'кровь']: 'молоко':

'грудь' (женская), НЯ *titi* 'молоко', 'грудь', индонез. *téték* 'грудь', рус. *тутьки*, индонез. *tétés* 'капля' (т. е. то, что течет).

50. Мѣ 'глаз': *mi-ru* 'видеть': *mi-mi* 'уши' (~нивх. *мы-дь* 'слушать'). В ряде языков слова со значениями 'око' и 'ухо' как органы чувств выражаются при помощи РК.

51. *Kik-u* 'спрашивать': 'слушать' (ср. коми, удм. *кыл* 'слышать', айну *kisar* 'ухо').

52. *Kup-u* 'есть': *kubi* 'шея': *kap-u* 'поить', 'кормить' (~кор. *куплу* 'хотеть есть', индонез. *kupil* 'отделять', 'отщипывать', фин. *kupu* 'зоб').

53. *Kirapi* 'нелюбовь', 'антипатия': кор. *кырпн-* 'любить', 'обожать' (эвенк. *кирпчу* 'противно', индонез. *kirik* 'пугаться' соответствуют по значению японскому слову). Такие параллели свидетельствуют о том, что у данных языков есть и общие слова абстрактного значения, которые, как известно, появляются сравнительно поздно из конкретных (ср. индонез. *kirap* 'колебаться', 'подниматься и опускаться').

54. *Kura-* 'темный': *kirakira-si* 'ослепительно красивый' — индонез. *guram* 'темный': *kilap* 'блеск', 'сверкание', 'мелькающий (мерцающий) свет' (чередование света и тьмы).

55. *Kira-* 'сверкающий': *kir-as-u* 'затуманиться', *kiri* 'туман' — тюрк. *qıraçı* 'иней': *qir* 'караковый'.

56. *Kör-u*, *kögör-u* 'замерзать', *kói/kóju-ru* 'мерзнуть': *kogare/kogaru-ru* 'подгорать', 'обугливаться', 'сгорать от любви' — НЯ *koge-ru* 'подгорать': *kogoe-ru* 'коченеть' — эвенк. *конгоро-* 'почернеть', тюрк. *qoçur* 'жарить': индонез. *kangen* 'страстно желать'.

57. *Корі/кору-ru* 'любить': *köpor-u* 'замерзать' (противоположные значения).

Одной из особенностей многих древних языков, отличающих их от современных, является недостаточное количество названий для разных цветов. В ДЯЯ для обозначения цветов употреблялись: прилагательные на *-ki*, особые морфемы (типа *ki-f kó/ku-* 'желтый'), применявшиеся в качестве первых компонентов сложных слов, а также сложные имена в родительном падеже, восходящие к названиям растений, из которых добывалась та или иная краска. Прилагательные могли употребляться и в составе сложных слов (в качестве первого компонента без форманта *-ki*).

58. *Ашо-* 'зеленый', 'синий', 'голубой' (единое нерасчлененное значение): *awí* 'индиго' (см. J, 61). О значении *ашо-* в составе словосочетания или сложного слова можно судить по определяемому или по второму компоненту сложного слова: *ашојата* 'зеленая гора' (покрытая лесом), *ашоунабара* 'синяя гладь моря', *ашогота/ашоита* 'вороная лошадь с синим отливом', *ашогито* 'голубое небо' (*awí* ~ тюрк. *avılqu* — дерево,

дающее красные плоды. Сок из плодов этого дерева используется и как краситель).

59. *Kurenawi* 'алый' (<*Kure* 'Южный Китай' + *nö* + *awi* 'индиго'): *kurenawi* 'ложный шафран' (многолетнее растение, из которого добывалась красная краска; в СЯЯ называется *benibana*).

60. *Midöri* 'зеленый': *minö* 'плетеная накидка от дождя (из камыша или осоки)'. Видимо, *midöri* < *midu* 'вода' + *irö* 'цвет' (если предположить метатезу гласных). *Midöriko* 'малыш' (до трех лет). Ср. рус. *молодо-зелено*.

61. *Murasaki* 'фиолетовый': 'воробейник аптечный' (из корней которого изготовлялась фиолетовая краска) < *mura-saki* 'кучно-цветущий'.

62. *Pa* 'лист': *pana* 'цветок': *paje* 'расти', *paj-as-u* 'выращивать': *pajasi* 'лес' — монг. *poj*, нивх. *nal* 'лес', индонез. *paja* 'заросшее болото' — нем. *Blatt* 'лист': *Blüte* 'цветок': рус. *плод*.

63. *Pana*² 'цветок' (~индонез. *bunga*, мокша *панчф* 'цветок'): *panat-u*² 'испускать' (о лучах, запахе): *pana*⁰ 'нос' (~уйг. *panaq* 'плосконосый', монг. *hunar* 'запах'). Семантические компоненты: «испускающий запах» (цветок), «воспринимающий запах» (нос), «кончик предмета».

64. *Pa*⁰ 'лист' (~венг. *fa*, монг. *баг* 'дерево', индонез. *pangan* 'лес'): *pa*⁰ 'перо': *pane*⁰ 'крылья'. Общие семантические компоненты: «плоский», «то, чем обрастают». См. пп. 62, 63, 65.

65. *Pa*¹ 'зуб': 'лезвие': 'гребень (горы)' [семантический компонент «плоский» (как и у *pa* 'лист') сохраняется, но добавляется еще «острый», «режущий»] — индонез. *parar* 'ровный', 'плоский': *paragan* 'лезвие ножа': тамил. *pal*, эрзя *пей*, удм. *пинь* 'зуб'.

66. *Panat-u* 'испускать': *panas-u*² 'говорить': *panare*³ 'отделяться', 'отдаляться', 'отходить': *pane*² 'отбрасывать'.

67. *Pasi/pazi* 'конец', 'край': 'начало' (*pazimë* 'начинать', *pazim-ar-u* 'начинаться') — хак. *нас*, тюрк. *baş* 'голова': 'начало'.

68. *Tipisa-* 'маленький': эвенк. *чипуса* 'пташка' — венг. *icipici* 'малюсенький', 'крохотный': рус. *чибис* 'небольшой кулик'.

69. *Jak-u* 'жечь': *kaga-jak-u* 'сиять': *juki* 'снег' — тюрк. *jaq-* 'гореть': коми *югыд* 'свет', 'блеск', эвенк. *дюке* 'речной лед' (ПК коми *юж* 'плотный снег').

70. *Siro-* 'белый': *simo*² 'иней': *simo*² 'низ', 'низовье реки': *simi* 'проникать', 'просачиваться' (вниз). Наиболее конкретное значение 'иней' состоит из большего числа семантических компонентов («белый», «падающий вниз», «влажный», «холодный»), чем адъективный корень, который имеет самое абстрактное значение (один компонент — «белый»). См. пп. 71, 72.

71. *Kuro-* 'черный': *kumo*¹ 'туча' (ср. 70): *kami*¹ 'верх', 'верховье (реки)'. *Kumo* содержит следующие семантические компоненты: «черный» (~ кор. *ком-* 'черный', тюрк. *kötür* 'уголь'), «находящийся вверху», «пасмурный» (~ коми *кымөр* 'туча', *кунөр* 'облако', индонез. *kabit* 'туман', 'пасмурный', *kabis* 'туманный', 'облачный').

72. *Kumo* 'облако', 'туча': *kumori* 'облачность', 'потускнение': *kémuri* 'дым' (~ индонез. *kebul* 'густой дым'). *Kumo* не только соотносимо с индонезийским словом и РК *kumori*, но имеет связь с ДЯ *kě* 'воздух' и халха *бурхир*- 'дымиться', 'клубиться' [ср. и рус. *клубы* (дыма)].

73. *Simě-* 'отсыреть': 'окрашивать': *somě* (неполный перелом *i*) 'окрашивать' [~ тюрк. *simlä-* 'растирать (краску)', хак. *сом* 'рисунок'].

74. *Nure* 'увлажняться', 'намокать', *nur-as-u* 'мочить', 'окапывать водой': *nur-u* 'красить', 'намазывать' — эвенк. *нурэ* 'грязь', коми *нюр* 'болото', халх. *норо-х* 'мокнуть': маньчж. *ниру-* 'рисовать', 'писать красками', нан. *ниру-*, сунда *nulis* 'писать'.

75. *Kumo* 'туча': *kumo* 'паук' (~ эвенк. *куми-кэн* 'насекомое', кор. *кэми* 'паук', эским. *кумак* 'вошь', индонез. *кава-кава* 'паук'). Общие семантические компоненты: «черный», «имеющий округлую форму», «находящийся вверху». Ср. и тюрк. *kümi-čä* 'комар', тур. *kunda* 'вид ядовитых пауков'.

76. *Siro-* 'белый': *sir-u* 'знать', 'понимать' (< 'уяснить себе'), *sir-as-u* 'известить', 'дать знать' (~ кор. *сылгы* 'ум', эвенк. *са:-* 'знать', *са:пу:* 'знающий'): *sirusi* 'знак', *sirus-u* 'записывать' (изосемантический ряд — ЗНАТЬ: ЗНАК).

Таким образом, слово в ДЯЯ обладает значением, состоящим из значительно меньшего числа семантических компонентов, чем имеется признаков у предмета, который он обозначает. По набору семантических компонентов РК несколько отличаются друг от друга. Корни, которые не обладают общими семантическими компонентами, не являются родственными. Те же корни, которые относятся к одному звуковому типу, обладают и общим — минимально одним — семантическим компонентом.

Совокупность корней всех звуковых типов составляла систему корней ДЯЯ. Дописьменные заимствования включались в эту систему: они относились к ближайшему по звучанию и значению звуковому типу. Так, *tora* 'тигр' по семантическому компоненту «хватающий» сближалось с *tor-u* 'брат', 'хватать', по компоненту «сильный» — с *tikara* 'сила' (~ тюрк. *tığa-* 'становиться сильным', ср. и *tırçhaq* 'ногти'). *Uma* 'лошадь' по семантическому компоненту «средство передвижения» не отличалось от *umi* 'море'; *umě* 'слива' воспринималось как РК по отношению к *ума-* 'вкусный'.

ЧАСТИ РЕЧИ

§ 16. Существительные

С точки зрения словообразовательной имена, встречающиеся в текстах, можно подразделить на:

а) собственно существительные — названия;

б) отглагольные имена, совпадающие морфологически с соединительной формой глаголов (в СЯЯ часть их отличается от глаголов ударением) и обозначающие действие или его результат;

в) отадъективные имена — наименования качеств (с суффиксом *-sa*).

Простые имена лишены словообразовательных суффиксов: *kisa* 'слон', *adi* 'вкус', 'вид утки', 'ставрида', *kuga* 'суша', *tōkōrō* 'место', *kisaku* 'государыня', *momiti* 'пожелтевшие листья' (от *momitu* 'желтеть').

Имена могли агглютинировать уменьшительные, увеличительные префиксы и префиксы почтительности:

1) уменьшительный префикс *ko-* (<*ko* 'ребенок'): *komatu* (М, 593) 'сосенка', *kosima* (М, 1202) 'островок', *kobusuma* (М, 3454) 'ширмочка' (озвончение *-p*), *pimo-kogatana* (К, 186 и 291) 'ножик [на] шнурке';

2) уменьшительный префикс *wo-* (<*wo* 'хвост?'): *wobune* (К, 193) 'лодочка', *wogato* (М, 3527) 'уточка', *wosato* (М, 3574) 'деревушка', *wokadi* (М, 1780) 'маленький руль', *wokai* (М, 3299) 'маленькое весло';

3) увеличительный префикс *oro-* (от адъективного корня *oro-* 'большой'): *oromuroja-ni* (К III, 158) 'в большую горницу', *orojuki* (М, 4285) 'глубокий снег', *orouti* (М, 1089) 'большое море' и т. п. *Oro-* употреблялся и переносно: *oromō* (J, 163) 'великая вещь' > 'еда', 'вареный рис'; *opokimi* 'великий государь (государыня)'; *orojakē* 'большое строение' > 'дворец' > 'присутственное место'; *opota* 'бабка' (ср. *wota* 'бабушка'); *opodi* 'дед' (ср. *wodi* 'дедушка');

4) префикс почтительности *mi-* (не смешивать с *mī* 'тело'): *mikami* 'божество', *mikōtō* (букв. 'почтенное дело') — ставилось после имен богов и обожествленных вождей древности (независимо от пола), *miko* 'сын бога', 'царевич', *Tōjōmiki tatematurase* (К, 139) 'Откушайте благодатного вина!' (жена вождя мужу); *tōpo-no mikado* (М, 794) 'далекое учреждение' (на острове Тукуси), букв. 'почтенные ворота'; *misō-nōpu-nō umē* (М, 864) 'сливы в саду хозяина [пиршества]'; *kimi-ga mirune-nō* (М, 3656) 'твоего корабля' (женщина в обращении к мужчине);

5) сложный префикс почтительности *opomi-*: *opomikōtō* (М, 894) 'августейший приказ'; *Opomiapē-woba kōtōgōtō-ni miikusa-dōmō-ni tamapiki* (К, 223) 'Предоставил

всем своим воинам прекрасное угощение'; *Sōnō opomiuta...* (К, 228) 'Его августейшая песня...'; *opomiatumōnō* (К II, 223) 'горячее' (суп). Считают, что именно из префикса *opomi-* в последующую эпоху (IX—XII вв.) образовался вежливо-ласкательный префикс *woN-/wo-*. В ДЯЯ его еще не было [см. J, 163].

В ДЯЯ имелись и непродуктивные префиксы, исходное значение которых трудно восстановить:

1) префикс *sa-* — входил в состав как имен, так и глаголов и прилагательных (чаще в стихах): *sajotōkō* (J, 342) 'ночное ложе', *sajotaka-ni* (M, 618) 'в полночь', *sakiri* 'туман', *sane-kōzi* 'выкорчевывание корней', *sanukata* (M, 1742) 'полевое вьющееся растение', *sagōrōmō* 'одеяние', *sanesi sameteba* (J, 317) 'если выспаться', *sadōposi* 'далеко', *saninuri-nō* (M, 1742) 'выкрашенное в красное'. Такой префикс почти полностью утратил значение в отличие от *sa-* 'майский': *satukī* 'пятый месяц', *sapapē-nasu* 'подобно майским мухам' (надоедливо). В отдельных случаях префикс *sa-* может предшествовать не первому, а второму компоненту сложного слова: *pajasaamē* (J, 291) 'ливень'. В других сложных словах того же типа одно из двух *a*, оказавшихся рядом, выпало: *kosamē* 'дождик' (<*ko + sa + amē*), *pisamē* 'холодный дождь', *parusamē* 'весенний дождь', *murasamē* 'короткий ливень' [о *sa-* см. 2, 220 и сл.];

2) префикс *ta-* «присоединялся ко многим именам, наречиям, глаголам, прилагательным» [J, 408]: *tawarapa* (M, 129) 'подросток', *tanaga-nō* 'долгий (век)', *tawasurete* (M, 392), 'забыв', *juta-ni tajuta-ni* 'колыхаясь', *tajasusi* 'легкий'.

В ДЯЯ были и полуаффиксы, сохранявшие лексическое значение имен, от которых они произошли:

1) *wo-/wo* 'самец', 'мужчина': *wousi-nō ko* 'бычок'. *Wo* употреблялось и как самостоятельное слово: *Kimi-wo kite wo-pa nasi* (К, 139) 'Кроме тебя, мужчины у меня нет'. В *wo-dōri* 'петух' морфема *wo*, не теряя своего значения, применяется в позиции префикса. Есть случаи и суффиксального его употребления: *jamowō* 'вдовец', *masurawō* 'бравый прекрасный мужчина', *isawō* 'хрбрый достойный муж';

2) *me-/me* 'самка', 'женщина': *metōri* 'курица', *meusi* 'корова', *mekō* 'жена и дети', *jamome* 'вдова' [ср. префикс *me-* (в значении 'самка') в кхмерском языке и суффикс *мень* с тем же значением — в коми].

Суффикс *-sa* превращает адъективный корень в имя на протяжении всей истории ЯЯ: *kōjōru-nō nagasa* (M, 985) 'длина этой ночи'. Но в ДЯЯ *-sa*, присоединяясь к некоторым (немногим) именам, образовывал слово, указывающее на направление: *tatasa-nimo...* *jōkōsa-mō* (M, 4132) 'и прямо вверх... и вбок'. От нескольких глаголов движения при помощи *-sa* образовывалось отглагольное имя: *kaperusa* (M, 3614) 'возвращение', *jukusa kusa* (M, 281) 'отправление [и] приход'.

Суффикса *-mi*, который в последующие эпохи выполняет ту же функцию, что и *-sa*, в ДЯЯ еще не было; *-mi*, присоединяясь к корню прилагательного, создавал особую грамматическую форму (см. § 18).

О сложных именах см. § 12.

Поскольку имя без особых суффиксов могло обозначать как один предмет, так и неопределенное множество их, можно считать, что категорий единственного числа и множественного числа в ДЯЯ не было.

Однако отдельные суффиксы, агглютинируясь к именам, могут (хотя и редко) указывать на множественность лиц и предметов:

1) *-ra*: *Imo-ra-wo miramu pitö...* (M, 863) 'Тот, кто, наверное, видит девушек...'; *Wotöme-ra-ра tököjö-nö kuni-nö amawotöme-kato* (M, 865) 'Девушки, наверно, ангелы (букв. страны вечности рыбачки)' (в именном сказуемом суффикс множественности *-ra* не повторен); *Papuri-ra-ga ipapu jasirö-nö mcmi-tiba-mo...* (M, 2309) 'Даже листья кленов у храма, где служат священнослужители...';

2) *-dömö*: *mi-ikusa-dömö-ni* (K, 223) 'всем воинам'; *amawotöme-dömö* (M, 3697) 'девушки-рыбачки'; *Kötögötö-ni iwodömö-wo opiatumöte...* (K, 186) 'Создав всех рыб...'; *Araturu kuni-tu kamödömö-nö sapa naru* (K, 153) 'Там много буйных земных богов'; *Mörömörö-nö iwodömö mīna «tukapēmatura-mu»* (K, 186) 'Все рыбы [ответили]: «будем служить»' (употреблен суффикс множественности *-dömö*, хотя на множественность дважды указано лексически). *-Dömö < tömö* 'вместе', 'друг';

3) *-tati*: *mörömörö-nö kamitati-ni* (K, 157) 'всем богам'; *Inisipe-nö nana-nö sakasiki pitö-tati-mö...* (M, 340) 'Семь мудрых мужей древности...' (суффикс употреблен, невзирая на наличие числительного). Выражаемая суффиксом *-tati* «степень вежливости выше, чем у *-dömö*» [J, 424].

Эти суффиксы сохраняются на протяжении всей истории ЯЯ. Однако частотность их употребления невелика (за исключением местоимений личных, см. § 20).

§ 17. Числительные

Числительные количественные представляют собой систему, в которой одинарное число противопоставляется удвоенному:

pitö '1' — *pifa* '2';

mi '3' — *mi* '6' (ср. мари *кум* '3' — *куд* '6');

jö '4' — *ja* '8' (ср. монг. *dö* '4').

В памятниках ДЯЯ *ja* чаще всего означало 'несколько'. Числа *itu* '5' и *nana* '7' не имеют удвоенных соответствий

(*nana* ~ эвенк. диал. *надна*). Число 7, как и 8, считалось счастливым.

Tōwō '10' соотносят с глаголом *tawa-mu/tōwō-mi* 'загибать (пальцы при счете)', ср. халха *тав* '5' (от *тавгай* 'лапа').

Нечетное числительное *kōkōlō* '9' встречалось редко. Ср. *kōkōda* 'много' (где *kōkō* — редупликация *kō* 'это', ср. *sōkōba* 'много').

Числительные от 11 до 19 образовывались путем присоединения к *tōwō* '10' морфемы [*a*]*mari* 'лишек' (в смысле 'плюс') и соответствующего числительного от 1 до 9: *tōwōmarijōpasira-nō kamī* (К, 71) '14 богов'; *tōwōmarinana-jō-nō kamī* (К, 142) '17 поколений богов' (*pasira* 'столб' — счетное слово для богов).

Особых порядковых числительных в ДЯЯ не было (суффикс *-me*, при помощи которого порядковые числительные образовывались позже, словарями ДЯЯ не фиксируется). Значение 'первый' выражалось посредством корня *patu-* (РК *pitō* '1') в сложном слове на первом месте: *patupō* 'первые колосья', *patujuki* 'первый снег'. Но первая и вторая жены назывались разными лексемами: *konami* (К, 223) и *upanari*.

Как и в СЯЯ, при абстрактном счете числительные от 1 до 9 снабжаются суффиксом *-tu*: *Katute pitōtu-mo etamapazu* (К, 193) 'Но так ни одной [рыбы] и не поймал'; *Sipomitutama sipopurutama apasete putatu-wō sazukē te* (К III, 143) 'Отдал (подарил) [ему] два талисмана: соленаполяющий и солиссушающий' (ниспосылающие проливные дожди и засуху); *Mi pitōtu-ni ja-kasira ja-wō ari* (К, III, 87) букв. 'На теле одном восемь голов, восемь хвостов есть'.

При счете людей вместо *-tu* применяется *-ri*: *putari* 'двое' (ср. слав. *вѣторъ* 'второй'), *Putari* [*i*]*kēdō*... (М, 106) 'Хотя идем вдвоем...', *pitōri* 'один' (о человеке). Но 'три человека' — *mitari*. При счете большего числа людей суффикс *-ri* не встречался.

При счете десятков к корню числительного, обозначающего единицы, присоединялся особый корень *so* (не смешивать с *sō* 'тот'): *jōso* '40', *jaso* '80'. В СЯЯ от сложных слов такого типа остались: *misoka* '30 дней', '30-е число' и *o:misoka* 'последний день года' (букв. 'большое 30-е число').

Moto 'сто' (в диалектах Рю:кю: *tumu*) применялось при счете от 100 до 199. Но при счете сотен этот корень заменялся на *-po*. После десятков и сотен в ДЯЯ встречался суффикс *-ti* (ср. *-tu* после единиц): *Misoti amari putatu-nō katati jasokusa tō sōdareru pitō-nō pumisi atotōkōrō* (J, 32) 'Место, где побывало множество людей (букв. со следами, натоптанными людьми 32 видов и 80 сортов)'; *Kanasuki-mo ipoti mōgamō* (J, 453) 'Ах, если б мне 500 железных мотыг!'.

Ti '1000' ~ монг. *tū-mec* (ср. слав. *ты-сяча*); чаще встре-

налось в текстах в значении 'множество': *Momo-ni ti-ni pitōpa ipu-tōmō tukīgusa-nō uturōpu kōkōrō ware motamē jamō* (M, 3059) 'Хотя люди говорят по-всякому (букв. на сто, на тысячу [ладов]), разве мои чувства поблекнут, как трава цуки?' (т. е. что бы ни говорили, я тебе не изменю). Нередко *ti* входит в состав сложных слов: *Takatipo-nō mija-ni ipotimari jasotōse masimasiki* (K, 206) 'Прожил во дворце на [горе] «Тысяча высоких пиков» 580 лет'; *tigī* 'выступающие концы стропил'; *tikura-okito* 'предметы, которые жертвовал грешник во время очищения'; *titaru* 'изобильный' (то же *motodaru*); *tipajapitō* букв. 'тысячебыстрые люди' (постоянный эпитет к местности Уди; первоначально относился к членам рода — *udi*); *tipe* 'множество слоев' (облаков, волн); *tijō* 'много лет' (букв. 'тысяча поколений').

Количество счетных слов и суффиксов, которых так много в НЯЯ, в ДЯЯ было небольшим. Как видно из приведенных выше примеров, нередко числительные даже при счете вполне конкретных предметов никаким счетным словом или суффиксом не сопровождалась. Можно отметить только суффикс *-ka* (при счете дней).

Нередко корень числительного сливался с именем, образуя одно сложное окказиональное слово: *jamata[-nō] worōti* (K, 103) 'восьмиглавый змей', *momotōri-nō kōwe* (M, 834) 'голоса множества (букв. ста) птиц', *Pitōjo pitōpi-mo jasukeku-monasi* (M, 2936) '[Ни] ночью, ни днем не нахожу себе покоя', *pitōrigo* (M, 1007) 'единственный ребенок', *japirōtōrō* (K, 191) 'дом в восемь сажений', *tidōri* 'множество птиц'. При этом некоторые неодносложные числительные могли утрачивать последний слог: *ipo-tu tōri* (M, 4011) '500 птиц' (*ipō* '500' вместо *itu-pō*); *tōtukaturugi* (K III, 87) 'меч [толщиной] в 10 рукояток' (*tō* вместо *tōwo*).

Jōrōdu 'огромное множество' (~ кор. *ᄃᄂᄆ* 'большое число', *ᄃᄂᄆ* 'несколько', 'много'): *Jōrōdutabi kaperimi-suredō...* (M, 131) 'Хотя много раз возвращался и смотрел...'; *jōrōdujō-madeni* (M, 1114) 'до скончания века', 'вечно'. *Jōrōdu* писалось иероглифом 万 '10 000'. Исходя из этого, *japōjōrōdu-nō kamī* (K, 154) должно было значить 8 000 000 (800 × 10 000) божеств, но в действительности это значило 'сонмы'.

Когда числительное, являясь самостоятельным членом предложения, предшествует имени, оно оформляется формантом родительного падежа *-nō*, подобно другим именным и наречным определениям: *jōtu-nō pune* (M, 4264 и 4265) 'четыре судна'; *Inisipe-nō nara-nō sakasiki pitōtati-mō...* (M, 340) 'Даже семь мудрых мужей древности...' (имеются в виду семь китайских мудрецов). Числительное может стать определением, слившись с классификатором: *Nanakusa-nō takara...* (M, 904) 'Драгоценности семи сортов...'.

§ 18. Прилагательные

В ДЯЯ нет относительных прилагательных типа русских *детский, деревянный, лесной, горный*. Сходные значения выражаются при помощи первого субстантивного компонента сложного слова, например: *jatakapatidu* (М, 3017) 'горной реки воды', или формантами притяжательного или родительного падежа существительного: *wotōmera-ga wemapi-nō nipori* (М, 4114) 'девичьих улыбок прелесть'; *kī-nō ne* (М, 1753) 'древесные корни'; *kinu-nō [o]bi-wo* (М, 3791) 'шелковый пояс'. Но эти определения не являются прилагательными в ДЯЯ.

Адъективные корни (*keijo:gen*), почти не употребляющиеся самостоятельно, нередко применялись в ДЯЯ в качестве первых компонентов сложных слов. Как отметила Е. М. Колпакчи, о большей древности таких сложений по сравнению с оформленными прилагательными говорит то, что некоторые адъективные корни так и не получили формантов качественных прилагательных: *-ki* (в определительной позиции), *-si* (в заключительной) и *-ku* (в срединной). Таковы *nipi-* 'новый', *kari-* 'временный', *kara-* 'пустой', *niki-* 'мягкий': *amē-nō nipisu* (К, 170) букв. 'небесное новое плетение' > 'отверстие для дыма в новой кухне' > 'новая кухня'; *ijapasi-ni* (К, 114) 'на самом конце (ряда)'; *pata-nō samōnō* (К, 173) букв. 'существа с плавниками узкими' [ср. *sebakeredō* (М, 1023) 'хотя и узкий'].

Некоторые прилагательные, которые могут принимать оформление в ДЯЯ, нередко остаются неоформленными, выступая в качестве первого компонента сложного слова: *sirogane* (М, 804) букв. 'белометалл' = 'серебро', *kurogane* букв. 'чернометалл' = 'железо', *samumidu* (М, 3875) 'холодная вода', *sirotapre-nō* (М, 804) — применялся в качестве постоянного эпитета к снегу, облакам, одеждам (*tapē* 'белые волокна коры бумажной шелковицы, из которых делали пряжу' ~ полин. *tapa* 'материя, изготавливаемая из луба').

Похоже на то, что адъективный корень не получал оформления прилагательного и не становился самостоятельным словом в том случае, когда он обозначал постоянное, неотъемлемое качество предмета, выраженного вторым компонентом сложного слова. Видимо, поэтому и в СЯЯ сохранилось много таких сложных слов — топонимов, фамилий и т. п.: *O:shima* букв. 'Большой остров', *Kogawa* букв. 'Маленькая река', *Ojama* (< *Wo + jama*) букв. 'Маленькая гора'.

В ЯЯ нет и таких прилагательных, как *правый, верхний, южный* и т. п. Видимо, потому, что эти слова обозначают относительные понятия, а прилагательные в ЯЯ выражают объективно существующие качества вещей.

Прилагательные в ЯЯ не изменяются по степеням сравне-

ния, хотя имеются обороты, передающие соответствующие значения описательно (см. § 29).

Парадигма спряжения качественных прилагательных (типа *-ku* и типа *-siku*) состоит из форм, обозначающих синтаксическую позицию, характер связи со следующим предложением или модальность:

определятельная форма: *siroki* 'белый', *atarasiki* 'новый';

заключительная форма: *sirosi* 'бел', *atarasi* 'нов';

срединная форма: *siroku* 'бело', *atarasiku* 'ново';

причинное деепричастие: *siromi* 'так как бел', *atarasimi* 'так как нов';

уступительное деепричастие: *sirokedö/sirokeredö* 'хотя и бел', *atarasikedö/atarasikeredö* 'хотя и нов';

условно-временнó-причинное деепричастие: *sirokeba/sirokereba* 'если (когда, так как) бел', *atarasikeba/atarasikereba* 'если (когда, так как) нов';

вероятное наклонение: *siroketu* 'вероятно, будет белым', *atarasiketu* 'вероятно, будет новым'.

Глаголы в форме долженствовательного наклонения (суффикс *-bësi*, см. § 47), наклонения видимости (суффикс *-rasi*, см. § 50) и дубитативного наклонения (суффикс *-masizi*, см. § 48) принимают окончания перечисленных форм прилагательных (последние два — только окончание определятельной формы *-ki*).

Прилагательные принимали некоторые формы спряжения не непосредственно, а предварительно слившись с глаголом бытия *ari*. Как и перед всяким глаголом, в позиции перед *ari* прилагательное принимает срединную форму на *-ku*, но, поскольку два гласных в ДЯЯ не могли стоять рядом в одном слове, первый из них (в данном случае *-u*) выпадал: *mukade opokari* (К, 232) 'стоножек много оказалось'; *Söre kapo jökarikereba...*; *Karasikarikeri* (М, 793) 'Становится еще печальней'; *Ama-nö para onödukara kuraku, Asipara-nö naka-tu-kuni-mö mäna kurakaramu* (К, 99) 'Небесная равнина, естественно, темна, вся страна среди тростниковых равнин тоже, наверно, темна'; *Söiö otömiko putapasira-pa ito minikukarisi-ni jörite...* (К, 308) 'Так как их младшие сестры были обе очень противными на вид...'

Примечание. Может возникнуть предположение, что современная форма типа *shirokatta* 'был белым' происходит из формы ДЯЯ *sirokari-tari*. Но в действительности такой формы не существовало, а форма типа *shirokatta* появилась в НЯЯ по аналогии с глагольными формами предшествующего времени. Таким образом, путем присоединения вспомогательного глагола *ari* к прилагательному можно было образовать не все, а лишь некоторые формы (в частности, от адъективных слов не образуются формы пожелательного наклонения).

Заключительная форма прилагательных употреблялась в позиции сказуемого главного предложения: *Ito ajasi* (К, 196) 'Очень странно' (в отличие от славянских языков в подобной позиции в ЯЯ употребляются именно прилагательные, а не наречия).

К заключительной форме могла присоединяться частица *-mo*: ...*mireba kanasi-mo* (М, 4149) 'Когда видишь... печально'; ...*miraku-si jōsi-mo* (М, 4167) 'Приятно любоваться...'

Однако если в предложение вводилась восклицательная частица (*sō/zō*) или вопросительная (*ka, ja*), заключительное сказуемое принимало определительную форму: *Wo tō irōsetōpa idure-ka pasiki* (К, 291) 'Кто тебе милее: муж или старший брат (=я)?'; *Irōse-zō pasiki* (К, 291) 'Старший брат милее'.

При наличии двух частиц, одна из которых требует определительной формы, а другая заключительной, применялась заключительная форма: *Kujasi kamo* (М, 796) 'Ах, как жаль!'

В позиции определения и перед союзами применялась определительная форма на *-ki*: *ka-guroki kami-ni* (М, 804) 'на черные волосы'; *siroki tadamuki* (К, 132) 'белые руки'; *Ajasiki imē-wo mitari* (К, 291) '[Я] видел странный сон'; *Wo naki ni ikani-site-kamō parameru* (К, 273) 'Как же ты забеременела, если [у тебя] нет мужа?'; *Sōnō kapo sugata jō-ni tagupi naki ga...* (К, 273) 'Тот, кто [по красоте] своего лица [и] фигуры не имел [себе] равных в мире...'

Но перед союзом *tō*, следующим за прямой речью (нередко перед глаголом речи или мысли), применялась заключительная форма: ...*pitō mīna kōtō nasi tō ipisi tōki-jori...* (М, 1311) '...с тех пор как [мне] сказали, что люди [живут] все без тревог...'

В некоторых случаях отсутствие форманта *-ki* пытаются объяснить необходимостью соблюдения стихотворного размера (пять или семь слогов в стихе): *kusi-mi-tama* (М, 813) 'странный дух'; *naganagasi joru* (М, 2802) 'долгая-долгая ночь'.

В *umasi miti* (К, 193) 'хорошая дорога' в позиции определения, казалось бы, должна была употребляться определительная форма (*umaki*), а не заключительная (*umasi*).

§ 19. Глаголы

Глаголы в ЯЯ не изменяются по лицам, числам и грамматическим родам, не обладают инфинитивом и притяжательными аффиксами. Они имеют флективное строение.

Так, корень глаголов 1-го спряжения самостоятельно не употребляется, имеет в исходе согласный, к которому присоединяется та или иная флексия (*-u* — окончание конечной формы, *-i* — окончание срединной формы, *-e* — окончание повели-

тельного склонения и др.). Например: *-u* в *aruk-u* 'хожу', 'ходишь', 'ходит' противопоставляется *-i* в *aruk-i* 'ходя' (как окончание конечной формы — срединной) и *-e* в *aruk-e* 'ходил' (как окончание, выражающее констатацию, — окончанию, выражающему императивность). Таким образом, окончания глаголов обладают многозначностью — одним из признаков флексий. Они не подвержены сингармонизму.

Глаголов 2-го спряжения очень мало, потому что они имеют односложный корень на *-i*. Он (корень) служит и срединной формой, а также присоединяет к себе суффиксы отрицательного, вероятного, повелительного и других склонений и видов: *mi-r-u* 'вижу', 'видящий', *mi* 'видя', *mi-zu* 'не вижу', 'не видя', *mi-mi* 'вероятно, [у]вижу', *mi-jö* 'смотри!' и др.

Глаголы 1-го и 2-го спряжений имеют конечную форму на *-u*, которая (как и у всех глаголов в СЯЯ) выступает и в определительной и в заключительной позиции.

В отличие от них глаголы 3-го и 4-го спряжений имели особую определительную форму на *-r-u*: *kor-u* (заключительная форма) 'люблю' — *kor-u-r-u* 'любящий'. Срединная форма у глаголов 3-го спряжения оканчивалась на *-i*: *kopi* 'любя', 'любовь', у глаголов 4-го спряжения — на *-e*: *tök-u* 'развязывается' — *tök-u-r-u* 'развязывающийся' — *tökë* 'развязываясь'.

Немногочисленные неправильные глаголы типа *ar-i* 'быть', 'иметься' (в НЯЯ герешедшие в 1-е спряжение) имели заключительную форму, совпадающую со срединной (*ar-i* 'находиться', 'находясь'), и определительную форму (*ar-u* 'имеющийся', 'находящийся'). В остальном они были сходны с глаголами 1-го спряжения. Сливаясь с суффиксом дательно-местного падежа *-ni*, когда он входил в состав именной части сказуемого, *ari* теряло значение местонахождения и превращалось в связку *-nari*: *Ti jörödu-nö ikusa-nari tömö...* (М, 972) 'Если даже врагов будет тьма-тьмушшая...' (букв. 'Если даже является многотысячным войском...'); *Umë-nö pana ima sakari-nari* (М, 850) 'Сейчас цветы сливы в полном цвету'. В предложении связка *-nari* могла выступать в любой форме. Однако она обычно отсутствовала перед *tö ipu* 'так говорят', *tö otoru* 'так думают'. Если за *-ni* следовала какая-либо частица, слияния *-ni* с последующим *ari* не происходило, и конечное *-i* в *-ni*, естественно, не выпадало. Как показывает подсчет слогов в стихах, иногда выпадения *-i* не происходило и при отсутствии частицы [см. § 27, п. «г»].

Прочих неправильных глаголов было всего четыре: *sin-u* 'умирать', *in-u* 'уходить', *su* 'делать', *ku* 'приходить'. *Sin-u* и *in-u* имели определительные формы — *sin-u-r-u* 'умирающий' и *in-ur-u* 'уходящий'. В остальном они спрягались по 1-му спряжению: *sin-i* 'умирая', *sin-a-zu* 'не умирая', 'не умираю' и т. д. *Su* и *ku* также имели определительные формы: *su-r-u*

'делающий' и *ku-r-u* 'приходящий', но при образовании большинства других форм меняли коренной гласный: *si* 'делаю', *ki* 'приходя' (~монг. *kür-* 'доходить', тюрк. *kil-/kel-* 'приходить'); *se-zu* 'не делаю', 'не делаю', *kö-zu* 'не приходя', 'не прихожу'.

Условно-временно-причинное деепричастие от всех глаголов состоит из основы [такой же, как и у определительной (или конечной) формы], флексии *-ë-* и суффикса *-ba*: *aruk-ë-ba*, *mi-r-e-ba*, *su-r-e-ba*.

Около двух десятков глаголов 1-го спряжения имеют корень с исходом на *-ir-*. Поскольку *-i-* было показателем принадлежности к 3-му спряжению и непременно чередовалось с *-u-*, среди глаголов 1-го спряжения не было ни одного такого, который имел бы неизменяемый корень с исходом на *-ir-*. Вот почему тюрк. *кыр* 'резать' соответствует в ДЯ глаголу 1-го спряжения *kir-u* (а не *kir-u*), а кор. *ыгыри-* — ДЯ *nigir-u* 'сжимать' и др. *Kubir-u* 'душить' считают производным от *kubi* 'шея' (<**kubir?*).

Были глаголы 1-го спряжения и с корнем, имеющим исход на *-er-*: *ter-u* 'светить' (о солнце), *pér-u* 'скромничать', *per-u* 'крепко держать', 'закалять'.

Если от одного корня образуются глаголы разных спряжений, один из них обычно является переходным, другой — непереходным:

tat-u (1-е спряжение) 'стоять' — *tat-u-r-u* (4-е спряжение) 'ставить';

jak-u-r-u (4-е спряжение) 'пылать' — *jak-u* (1-е спряжение) 'зажигать'.

Принадлежность к тому или иному спряжению еще не предопределяет переходности или непереходности, морфологически четко различаемых в ДЯЯ.

В большинстве случаев непереходные глаголы (подобно страдательному залогу) имеют суффикс *-ar-/ör-/ur-* (гласный суффикса зависит от гласного корня, т. е. он подвержен сингармонизму, что свидетельствует о древности этого форманта). Соответствующие им переходные либо являются глаголами 1-го или 4-го спряжения, либо обладают суффиксом *-as-/ös-/us-*, который совпадает с формантом побудительного залога:

tum-or-u 'быть наложенным' — *tum-u* 'накладывать', 'рвать';
töm-ar-u 'останавливаться' — *töm-u-r-u* (4-е спр.) 'останавливать';

wat-ar-u 'переправляться' — *wat-as-u* 'переправлять';

nök-ör-u 'оставаться' — *nök-ös-u* 'оставлять';

ot-u-r-u (3-е спр.) 'падать' — *ot-ös-u* 'ронять';

tuk-u-r-u (3-е спр.) 'исчерпываться' — *tuk-us-u* 'исчерпать';

nör-u 'садиться' (*ni* 'груз') — *nö-s-u-r-u* (4-е спр.) 'сажать', 'грузить'.

Переходному глаголу с суффиксом *-as-/ös-/us-* может соот-

ветствовать непереходный (с суффиксом *-ar-/ur-* или без него) любого спряжения:

nag-ar-u-r-u 'течь' — *nag-as-u* 'пускать по течению';

tub-ur-u-r-u 'быть раздавленным' (*tubu* 'зерно') — *tub-us-u* 'раздавить';

ter-u 'сиять' — *ter-as-u* 'освещать' (о солнце);

ar-u-r-u (4-е спр.) 'быть бурным' — *ar-as-u* 'разрушать';

pu-r-u (3-е спр.) 'сохнуть' — *po-s-u* 'сушить';

sug-u-r-u (3-е спр.) 'проходить' — *sug-us-u* 'проводить'.

При помощи суффикса *-as-* образовывалась также вежливая форма (в основном от глаголов 1-го спряжения): *Na tumasu ko* (M, 1) 'Девушка, рвущая зелень!'; *Amě-nō ukipasi-ni tatasite...* (K, 153) 'Став на зыбком небесном мосту...'; *Sōndō ja-wo tōrasite...* (K, 157) 'Взяв эту стрелу...'; *Kujebiko-wo mesite tōwasu tōki-ni...* (K, 144) 'Когда [он] вызвал Куебико и спросил [его]...'

Непереходный глагол, выражающий ощущения (*verba sentiendi*), может совпадать с пассивной формой, переходный глагол от того же корня может принадлежать к 1-му или 2-му спряжению, вежливая форма от переходного глагола образуется посредством суффикса *-as-/ōs-*:

mi-ju-r-u (4-е спряжение) 'виднеться' — *mi-r-u* 'видеть' — *me-s-u* 'изволить видеть' [форма *mesu* по аналогии с *nasu* 'изволить спать' (<*ne+as+u*) образовалась из *mi+as+u* (под влиянием палатализованного *m*, гласный *-a-* сделался более передним — перешел в *e*)];

kikō-ju-r-u (4-е спряжение) 'слышаться' — *kik-u* 'слышать' — *kik-ōs-u* 'изволить слышать';

otōp-o-ju-r-u 'думаться' — *otōp-u* 'думать' — *otōp-os-u* 'изволить думать'.

Но в следующих трех глаголах, образованных от одного корня, находим несколько иное соотношение значений: *ki-r-u* 'надевать на себя' (~тюрк. *kij-*) — *ki-s-u-r-u* 'надевать (на другого)' — *ke-s-u* (вежливо) 'одеваться' (ср. *kē* 'шерсть', 'волос').

Были и другие глаголообразующие суффиксы, например: *-nar-*: *aki* 'торговля' — *aki-nar-u* 'торговать'; *ata* 'враг' — *ata-nar-u* 'противиться', 'враждовать'; *iza* 'ну-ка' — *iza-nar-u* 'приглашать', 'заманивать'; *ni* 'груз', 'ноша' — *ni-nar-u* 'нести'; *otō* 'звук' — *otō-nar-u* 'звучать'; *tōtō* 'друг' — *tōtō-nar-u* 'сопровождать'; *ura* 'гадание' — *ura-nar-u* 'гадать'; *use/jusu* 'исчезать' — *usi-nar-u* 'терять'.

По аналогии с этими глаголами мы можем выделить суффикс *-nar-* и в следующих глаголах: *aga-nar-u* 'возмещать', 'искупать', *aza-nar-u* 'вить (веревку)', *oki-nar-u* 'добавлять' (>*oginau*), *okō-nar-u* 'совершать', *mazi-nar-u* 'совершать магическое действие', *tugu-nar-u* 'возмещать'.

Однако в ДЯЯ этот суффикс был уже непродуктивным.

Таким образом, глаголы в ДЯЯ могли иметь следующий морфологический состав:

корень с исходом на согласный+флексия (минимально [C]VC-*u*); глаголы 1-го спряжения;

корень с исходом на согласный+*-u/-ĩ* или *-u/-ě*[+*-r-u* в определительной форме]; глаголы 3-го и 4-го спряжений;

корень с исходом на согласный+*-ar-/-õr-/-ur-* (показатель непереходности)+*-u*;

корень с исходом на согласный+*-as-/-õs-/-us-* (показатель переходности)+*-u*.

Несколько глаголов (2-е спряжение) имело односложный корень с исходом на *-i*.

Многие глаголы 1-го спряжения образованы от именных или адъективных корней при помощи глаголообразующего согласного, к которому присоединяется та или иная флексия, состоящая из гласного:

pa 'лезвие'—*pag-u* 'сдирать (шкуру)';

ka 'запах'—*kag-u* 'нюхать';

to 'точильный камень'—*tog-u* 'точить' (ср. *tõgě/tõgu* 'совершать', *tõga* 'проступок');

na 'зелень'—*nag-u* 'косить', 'рубить' (горизонтально).

По подсчетам Миякэ Такэо [см. 70, 93], 24% срединных форм от 2000 непродуцируемых однокоренных глаголов в ЯЯ (включая и ДЯЯ) выступают и в роли отглагольных имен (с изменением места ударения, если оно высокого регистра). Такие имена можно рассматривать как производные флективные по происхождению формы. Так, в СЯЯ *nagi*² 'штиль', судя по ударению, является отглагольным именем от *nag-u*¹ 'косить' (море во время штиля ровное, как выкошенное поле). Глагол СЯЯ *nag-u*¹ 'стихать' восходит к глаголу 3-го спряжения в ДЯЯ *nagi/nagu-ru*. Но слово сò значением 'штиль' 30 раз записано в памятниках в виде *nagi*, а не *nagi*. Следовательно, это значение является переносным, а форма восходит к глаголу 1-го спряжения. Корень *nag-* входит и в состав глагола 4-го спряжения *nag-ar-u* 'течь', 'плыть по течению' (с семантическим компонентом «двигаться почти горизонтально»).

В ЯЯ всего около 10 глагольных корней с исходом на *-t-*: *mõt-u* 'иметь' (ср. *mõtõ* 'основание', 'ствол' > 'под', 'прежде'), *mat-u*¹ 'ждать' (ср. *mati*² 'участок земли').

Примечание. Если в СЯЯ от одного глагола образуется два имени— имя действия и название предмета, в первом ударение падает на второй слог, а во втором — на первый: *tat-u*¹ 'стоять', 'отправляться'—*tati*² 'отправление', *tati*¹ 'здание'; *tat-u*¹ 'резать' (вертикально)—*tati*² 'кройка', *tati*¹ 'меч'.

Несколько многосложных глаголов имели по два варианта: с корнем на *-t-* и с корнем на *-r-*: *ajamat-u/ajamar-u* 'ошибаться', *kópot-u* 'разрушать' (*kópore/kóporu-ru* 'разрушаться'), *panat-u* 'испускать', 'говорить' (при более позднем *Fanas-u*; непереходный глагол — *panare/panaru-ru* 'отдаляться').

Глаголов с конечным слогом *-tu* так мало, что можно усомниться в наличии продуктивного глаголообразующего суффикса *-t-* даже в VIII в. В большинстве случаев *-t-* относится к корню: *kat-u* 'побеждать' (~ тюрк. *qatlan-* 'быть мужественным'), *pit-u* 'мокнуть', 'заливаться'.

Одним из наиболее распространенных глаголообразующих формантов является *-r-*: *kötö* 'речь', 'слова' — *katar-u* 'разговаривать' (~ индонез. *kata* 'говорить'); *te* 'рука' — *tor-u* 'брат'; *asi* 'нога' — *asar-u* 'разыскивать'; *aka-* 'красный', 'светлый' — *akar-u* 'светлеть', 'краснеть'.

Но в глаголах 1-го спряжения с односложной основой на *-r-* этот согласный обычно относится к корню.

Чередования гласных у глаголов 3-го и 4-го спряжений с односложным корнем захватывают и коренной гласный: *u* 'мочь', 'получать' (~ тюрк. *u-* 'мочь') — *e* 'получая' (<**ě*); *pu* 'высыхать' — *pī* 'высыхая' и т. п. Происходит известное и в других языках «наложение» одной морфемы на однозвучную другую: *u* служит одновременно и коренным гласным, и гласным флексии (как в русском *знаменосец* вместо *знаменоносец*). При этом, если корень глагола, как подтверждают сравнения с другими языками, в ПЯЯ оканчивался на согласный (ср. ДЯ *pī* 'огонь' и кор. *pīl*), он может вновь появиться, но лишь в двусложных формах: *pur-u* 'высыхающий', но *pī* 'высыхая'. Таким образом, отпадение *-r-* в срединной форме глаголов 3-го и 4-го спряжений еще не может служить доказательством его суффиксальной природы. Так, *ki/ku-ru* 'приходить' ~ тюрк. *kil-*. «Неправильность» этого глагола в ДЯЯ заключается и в том, что его срединная форма звучала не *kī*, а *kī* (что является точным соответствием тюркскому *i*). Видимо, до отпадения конечнослоговых она звучала **kīr*.

Два глагола с одним и тем же корнем — непереходный и переходный — зачастую различаются суффиксами *-ar-* и *-as-*. По аналогии с такими глаголами образуются соответствующие пары путем замены коренного *-r-* на *-s-*: *kar-u* 'брать в долг' (~ тюрк. *qar-ta* 'грабеж', эвенк. *гарки* 'задолженность') — *kas-u* 'давать в долг' (~ эвенк. *гаса:* 'задолженность', индонез. *kasi[h]* 'давать', мар. *кусын* 'долг', 'задолженность'), *kapar-u* 'возвращаться' (~ индонез. *kembali* 'возвращаться', горно-алт. *кайра* 'назад', 'обратно') — *kares-u* 'возвращать', *par-u* 'становиться' (~ кор. *на-* 'возникать', 'становиться') — *pas-u* 'делать', 'превращать' (ср. индонез. *nasi* 'рис, сваренный для еды'), *pér-u* 'скромничать' (умалая себя) — *pés-u*

‘уменьшать’, ‘сокращать’ (позднее было заменено суффиксальным глаголом *Fer-as-u*).

Иначе говоря, при «столкновении» формантов спряжения с коренными фонемами побеждают, как правило, первые.

Хотя для словоизменения глаголов в ДЯЯ характерна именно суффиксация, было три префикса, к VIII в. утративших всякое значение, которые можно рассматривать как реликтовое явление для языка VIII в. Это *sa-* [*Ajuko sabasiru* (М, 859) ‘Форелька спуют’], *ta-* [*Umě-nō pana tawori-kazasite...* (М, 835) ‘Наломав веток сливы и украсившись ими...’; *Sōlō jo-nō umě-wo tawasurete...* (М, 392) ‘Позабыв сливы той ночи...’] и *i-* [*...i-tōrasite...* (М, 813) ‘...взяв с собой...’; *Waga pi-nō miko-nō imasiseba...* (М, 173) ‘Если бы был жив наш принц, подобный солнцу...’]. Ср. с префиксами имен (§ 16).

Таким образом, и с точки зрения словообразовательной глаголы в ДЯЯ имеют флективное строение. Это не значит, что среди словоизменительных формантов ДЯЯ (как и СЯЯ) вовсе нет агглютинативных. Но они составляют меньшинство (см. раздел «Спряжение»).

§ 20. Местоимения

Личные местоимения были (сравнительно с эпохой XVI—XVIII вв.) немногочисленными. В отличие от тунгусо-маньчжурских и индоевропейских местоимений они не имеют супплетивных форм. Множественность выражается при помощи того или иного суффикса (а не другого корня), хотя иногда и без него местоимение обозначало нескольких лиц. Местоимения 1-го лица множественного числа не подразделяются на инклюзивные («мы с вами») и эксклюзивные («мы без вас»).

В отличие от алтайских языков в ДЯЯ местоимения не превращаются в глагольные форманты. На лицо, производящее действие, указывает подлежащее.

Личное местоимение, как правило, не может относиться к неодушевленному предмету. В таком случае применяются указательные местоимения.

Многие местоимения отличаются от имен суффиксом *-re* (например: *a-re/wa-re* ‘я’), не сохранявшимся, однако, в родительном и притяжательном падежах. В ДЯЯ он нередко отсутствовал и в других косвенных падежах.

1-е лицо. В роли местоимения 1-го лица выступал корень *a/wa* (сохраняющийся ныне в виде *wa-*): *A-wə matu tō kimi-ga nurekemu* (М, 108) ‘Когда [ты] ждал меня, ты, наверно, промок’; *Imo-ga tamotō-wə ware-kōsō makamē* (М, 857) ‘Рукав милой я превращу в подушку’; *A-ga kə tōbasitu* (М, 904) ‘Мое дитя умерло (букв. улетело)’; *Waga sakari itaku kudatinu* (М, 847) ‘Мое здоровье очень пошатнулось’. Особых

притяжательных местоимений нет, в качестве определения применяется личное местоимение в притяжательном падеже, например: *a-ga/wa-ga* 'мой'. При этом *aga* всегда употреблялось перед *nusi* 'хозяин', *kimi* 'господин', *sumekami* 'местные боги', *pasimöñö* 'любимый', *ko* 'ребенок', *mī* 'тело', *mune* 'грудь', *oto* 'лицо', *korī* 'любовь', *uma* 'конь', *tamē* 'для', 'ради'; *wa-ga* применялось перед *seko* 'милый', *opokimi* 'великий государь', *imo* 'любимая', *papa* 'мать', *na* 'имя', *inöti* 'жизнь', *jö* 'мир', *ipe* 'дом', *jado* 'жилище', *kado* 'ворота', *sato* 'деревня', *pune* 'лодка', *juwe* 'причина' и др. [см. J. 1].

Впоследствии *a-ga* вышло из употребления, а *are* приобрело значение указательного местоимения 'вон то' (3-го плана).

Kare waredömö opikudasinaba... (K, 117) 'И вот, когда мы будем гнать [кабана] вниз...' (*kare* было союзом).

В восточном диалекте встречалась форма *warö*: *Warö tabi-pa tabi tö omēpodö...* (M, 4343) 'Хотя [она] примирилась (букв. думает) с тем, что я все путешествую и путешествую...'.

В роли местоимения 1-го лица применялось и уничижительное имя *wakē* (его связывают с *waka-* 'молодой', 'незрелый'): *A-ga kimi-pa wakē-woba sine tö omopē-kamo...* (M, 552) 'Так как моя госпожа желает, чтоб я умер...' (только в речи мужчины к женщине).

2-е лицо было представлено несколькими местоимениями.

1. *Na[re]* применялось по отношению к низшим и родным: *Na-kösö-pa wo-ni imaseba... na-wo [o]kīte wo-pa nasi* (K, 139) 'Именно ты [мой] муж... кроме тебя, мужа [у меня] нет'; *Na-ga mikötö-pa tare-ni masu zö* (K, 321) 'Кто вы?' (букв. 'Твое величество кем изволит быть?'); *Nare-mo are-mo jöti-wozö moteru* (M, 3440) 'И ты, и я имеем одинаковый возраст'; *Nare-wozö jöme-ni posi tö* (J, 539) 'Хочу в жены тебя'. Изредка личные местоимения могли принимать определения (даже определительные словосочетания): *...utipasi watasu na-ga ku tö [o]möpēba...* (M, 528) букв. '...так как [я] думал, что идешь ты, переходящая [через] мост...'. В обращениях *na* могло относиться и к животным и растениям: *Ipa jado-ni tateru matunö kī. Na-wo mireba mukasi-nö pitö-wo apimiru götösi* (M, 309) 'Сосновое дерево, стоящее у каменного дома! Когда вижу тебя,— все равно, что встречаюсь с человеком из далекого прошлого' (персонификация как поэтический прием). *Na* без показателей падежей и частиц не встречалось, но *nare* применялось и без них: *Oja-nasi-ni nare nariketē ja* (J, 168) 'Без матери разве ты родился бы?'.

2. *Namuti/namudijoponamuti* — вежливое 'Вы'. Встречалось редко. В последующие века перешло в *nandzi* 'ты', утратив оттенок вежливости. Множественное число передавалось посредством *namutati* (<*namuti+tati*): *Juwe-ni namutati-ni meisu* (J, 534) 'Поэтому приказываю вам'.

3. *Imasi* — распространенная форма: *Imasi-pa tare zō* (К, 210) 'Ты кто?'; *Imasi-ga kodōmō... putari-pa...* (К, 170) 'Твои сыновья... оба...'; *Imasi-pa ama-tu kamī-nō miko-ni tukapē-maturamu ja* (К, 186) 'Будете ли вы (рыбы) служить сыну небесного бога?' (множественность формально не выражена); *...tōpo-nō mikado-ni imasi-ra-si kaķu makarinaba...* (М, 973) '...если вы тут же отправитесь в далекое учреждение...'; *Imasitati mīna-pa a-ga tikaki mepi-nari* (Мп, 17; J, 424) 'Вы все мои близкие племянницы' (*imasi* < *imasu* 'изволить быть').

4. *Mimasi* (< *mi* + *imasi*) — более почтительная форма (чем *imasi*): *...sumeramikōtō-nō mimasi-ni tamapisi amē-nō sita-nō waga* (Мп, 5; J, 715) '...дела поднебесной, которые правитель передал вам'; *A-pa mimasitati-nō kōtō-pa kikazi* (К, 115) 'Я ваши слова слушать не буду'.

5. *Masi* — вежливое слово, применялось при обращении с оттенком симпатии к сверстникам и младшим (< *masu* 'быть').

6. *Kimi* (от имени *kimi* 'правитель', 'господин') — очень вежливое слово, обычно применявшееся при обращении женщины к мужчине (изредка — при обращении мужчины к мужчине): *Urupasiki kimi-ga tanare-nō bipa-nisi aru-bēsi* (М, 811) 'Я должна была бы быть лютней, которую ты, любимый, привык держать в руках'; *Uramesiku kimi-pa mo aru ka* (М, 4496) 'Разве Вы [меня] ревнуете?'.

7. *Ore* — наиболее грубое в то время местоимение: *Ore-wo tōre tō nōritamapite tukapaseri* (К, 321) '[Правитель] послал [меня], сказав, чтобы [я] тебя убил' (букв. 'сказав: тебя возьми').

8. *Nabitō* (*na* + *pitō* 'человек') — уже в то время считалось устаревшим. Изредка применялось в бранной речи.

9. *I* — применялось редко, только в бранной речи. По этимологии связывается с указательным местоимением *si*.

3-е лицо. Специальных слов (типа индоевропейских) по существу не было. Правда, изредка применялось *si* в основном с формантом притяжательного падежа *-ga*, что свидетельствует о его местоименном характере (*wa* и *na* в отличие от имен также применялись в притяжательном, а не в родительном падеже): *...aju-nō si-ga pata...* (М, 4191) букв. '...форели — ее плавники...'; *Suminara si-ga nakēba...* (J, 346) букв. 'Бечевка, смоченная тушью (для проведения прямой линии при плотницких работах), если ее нет...'

Возвратные местоимения были довольно употребительны.

1. *Oiō[re]*: *Umisati-mō oiō-ga satisati. Ima-pa oiōmō-oiōmo sati kapēsamu* (К, 193) 'И морские орудия лова (букв. морские счастья) тоже [должны быть] свои. А теперь давай обменяемся орудиями лова: каждому свое'; *Pupe-gōtō-ni oiō-ga kasira-wo tarete* (К, 103) 'В каждый сосуд [восьмиглавый змей] опустил по голове (букв. свою голову)'; *Oiō-ga naka-ni*

masete... (К, 321) 'Усадив между собой...'; *Onöre kudarazu-tömö...* (К, 215) 'Если даже я сам не спущусь...'

Onöre применялось и как бранное слово (местоимение 2-го лица), сохранявшееся и в НЯЯ: *Onöre-jwə nōrajete wəreba...* (М, 3098) 'Если [я] из-за тебя живу покрытая позором...'

2. *Onödukara* [*<onö + -tu* (суффикс родительного падежа) + *+kara* 'тело'] 'само собой' (наречное местоимение): *Araburu kamī-nō onödukara mīna kiritapusažete* (К, 215) 'Буйствующие боги все само собой были зарублены и повержены на землю' (магической силой меча); *Sumeru podori onödukara paraminu* (К, 273) '[Я] жила [с ним], поэтому само собой забеременела'. Как наречие *onödukara* нередко принимало суффикс *-ni* [см. J, 153].

3. *Midukara* (*<mī + -tu + kara*) 'само собой': *Onöre tö mīdukara sönō putawōtōme-ni tapakēte...* (К, 318) 'А сам стал жить с этими двумя женщинами...'

Указательные местоимения по значению сопоставимы с местоимениями 1-го, 2-го и 3-го лица. Морфологически (по факультативному применению суффикса *-re*) они похожи на личные. Лишь по употреблению родительного падежа (*-nō*) вместо притяжательного (*-ga*) они отличаются от личных. При наличии *-nō* суффикс *-re* обычно не употребляется.

1. *Kō[re]* 'это' (о том, что принадлежит говорящему, или находится ближе к нему, в сфере его интересов; о только что упомянутом): *Potötögisu kō-jō nakiwatare* (М, 4054) 'Кукушка! Улетай отсюда петь [в другое место]!' (*kō = kōkō*); *Kōtō-nō katarigōtō-mō kō-wəba* (К — цит. по: J, 314) 'О деле сказано вот что'; *Pabataki-mō kōre-pa pusapazu* (К — цит. по: J, 314) 'Даже хлопанье крыльями тут ни при чем (букв. этого не касается)'; *Kōre-nō paru mösi...* (М, 4420) 'Эгими иголками...'

Kōnō — определительная форма *kōre*. Употреблялась в общем так же, как и теперь в СЯЯ.

2. *Sō[re]* 'то' (о том, что принадлежит собеседнику, ближе к нему или находится в сфере его интересов; об упомянутом выше; иногда употреблялось и в отношении удаленных предметов [см. J, 398]). Чаше других встречалась определительная форма *sōwō*, реже — форма винительного падежа *sō-wə* и форма *sōre*; есть и примеры на *sō-ga*:... *tubaki sō-ga pa-nō pirō-gari imasi, sōwō para-nō teri imasu...* (J, 398) '...камелия, ее листья широки, ее цветы блестят...'; *Amē-mo pirachi ka sō-wə jōsi-ni semu* (М, 2635) 'Не идет ли дождь? Он был бы мне предлогом'. В отличие от *kō* местоимения с корнем *sō* чаще указывали не на место, а на то, что было упомянуто ранее: *Umē-nō para sōre-tōmō mijezu jiki-nō purereba* (М, 1426) 'Цветы сливы, как таковые, и не видны, так как идет снег'; *Parusamē-nō sōre-mō siru-gōtō...* (М, 1933) 'Весенний дождь и это словно знает...'

3. *Ka[re]* 'то' (о том, что отделено от собеседников) применялось несравненно реже, чем *are* в последующие эпохи. Многие считают, что в ДЯЯ в основном употреблялись лишь *köre* и *söre*. Но изредка встречались и местоимения с корнем *ka*: *Ka jukëba...* (М, 804) 'Когда пойдет туда...' (в противоположность *Kaku jukëba...* 'Когда пойдет сюда...'); *Akatökinö ka-pa tare töki-ni...* (М, 4384) 'Когда в предрассветный час [думаешь], кто он...'; *kanö korö-tö* (М, 3565) 'с той девушкой'; *Nami-nö muta ka jöri kaku jöru tamato-nasu...* (М, 131) 'Подобно водорослям, которые прибывает то тут, то там по воле волн...'; *Ta sö kare tö ware-wo na topi-sö* (М, 2240) 'Кто он, меня не спрашивай'; *A-ga topu kimi-ga mipune-kamö kare* (М, 4045) 'Вон то, наверно, лодка, принадлежащая тебе, которого я люблю'.

Местоимения места: *kökö* 'здесь' и *sökö* 'там'.

На направление указывали: *köti*, *könata* 'сюда' (слово типа **söti*, **sönata* не обнаружены), *ka*, *kanata* 'туда'.

Вопросительные местоимения. *Tare* 'кто', *nani* 'что', *iduku* 'где', *iduti*, *idupe* 'куда', *itu* 'когда', *idure* 'какой из двух', *ika* 'как': *Tare-pa iku-ka-ni* (К, 199) 'Кто и во сколько дней?'; *Itu-nö ta-nika...* (М, 804) 'Не успеешь оглянуться...' (букв. 'в когдашнее время...'); *Nani-si-kamo* (М, 3581) 'Почему же?'; *Nani-tökamö* (К, 161) 'Зачем же?', 'Как же?'; *Nazö kököba i-nö nerajenu mo* (М, 3684) 'Почему же тут [мне] не спится?'; *Iduku-jori...* (М, 802) 'Откуда бы...?'; *Iduku-ju-ka...* (М, 804) 'Откуда ни [возьмись]...'; *Wo tö iröse töpa idure ka pasiki* (К, 291) 'Кто [больше] любим — муж или старший брат?'; *Ikade-kamo* (К, 147) 'Как же?'; *Ika-nika a-ga semu* (М, 793) 'Как же я поступлю?'

§ 21. Наречия

Наречия обладают сравнительно большим числом словообразовательных формантов.

1. Отадъективные наречия оканчиваются на *-ku*, как и срединные формы прилагательных, но отличаются от последних тем, что выступают в предложении в качестве обстоятельства (а не срединного сказуемого или формы прилагательного перед связкой или полусвязкой): *Kaku si-kösö... tanosiku nōtamē* (М, 833) 'Делая именно так... будем пить весело'; *Oki-tu siposawi takaku tatikinu* (М, 3710) 'Морские бурные волны, высоко вздымаясь, набегают [на берег]'. Наречие может сопровождаться частицей: *Karaku-mo kökö-ni wakare-suru kamo* (М, 3695) 'Как горько [тебе] здесь расставаться [с нами]!'

2. Многие отыменные наречия агглютинируют формант *-ni*, совпадающий с суффиксом дательного-местного падежа

Тем же формантом снабжаются и местоимения, играющие в предложении роль обстоятельств места, времени или образа действия (см. § 20): *sude-ni* 'уже', *simi-ni* 'густо' (о цветах), *nōdō-ni* 'тихо', 'спокойно', *anagati-ni* 'насильно', *sara-ni* 'снова', *saja-ni* 'шелестя', *kari-ni* 'временно'.

Присоединение *-ni* к некоторым наречиям было факультативным; иногда *-ni* вносил особый оттенок значения.

Нередко формант *-ni* присоединялся не непосредственно к корню, а к словообразовательному суффиксу *-ka*, *-raka* или *-jaka*: *nipaka-ni* 'внезапно', *waduka-ni* 'немного', 'насилу', *siduka-ni* 'спокойно', *japaraka-ni* 'нежно' (ср. прилагательное *japa-* 'нежный'), *sumijaka-ni* 'очень быстро', *komajaka-ni* 'тщательно', *tapiraka-ni* 'гладко', 'спокойно' (*tapira* 'ровное место'), *nikojaka-ni* 'мягко' (ср. *niko-* 'мягкий').

3. Есть и немало неформальных наречий (без специальных словообразовательных формантов): *mata* 'опять' (ср. *mata* 'развилка'), *imada* 'еще', *ima* 'теперь', *madu* 'прежде всего', *naro* 'еще более', *kōkōda* 'очень', *ina* 'нет', *motōna* 'как попало', 'необдуманно', *ija* 'очень', *arakazimē* 'заранее', *amata* 'много' (*amar-u* 'быть в избытке'), *amata kopisi-mo* (М, 1184) '[мне] очень тоскливо', *Kōkōda tikaki wo...* (М, 1180) 'Хотя и очень близко...', *taka* 'прекрасно' (*taka-* 'высокий') и др. Большая часть их сохранилась и в СЯЯ.

Почти все они могли принимать частицу *mo* 'и', 'также', 'даже' или выделительное *-pa*: *Mata-mo takamu* (М, 384) 'Снова посею'.

Некоторые наречия всегда сопровождались этой частицей: *motōmo* 'самый' (>НЯ *mottomo*), *motōmo ima-kōsō* (М, 2781) 'именно теперь'.

В роли обстоятельства в предложении могли выступать и некоторые имена, обозначающие время или место: *asa* 'утро', 'утром', *jupi* 'вечер', 'вечером', *saki* 'прежде' [*Kōtō tōreba nagēki saki tatu* (М, 1129) 'Когда беру [в руки] лютню, [я] прежде всего чувствую печаль'] и др.

4. Наречия от деепричастий. Уже с древнейших времен в разряд наречий переходят и некоторые деепричастия на *-te*: *subēte* 'все', 'все до единого' (от глагола *subē/subu-ru* 'сводить воедино'), *apēte* 'смело', *sipite* 'насильно' (от *sipi/sipu-ru* 'заставлять'), *pazimēte* 'впервые', 'изначально', *kanete* 'заранее'.

Можно предположить, что по аналогии с такими наречными словами *-te*, переосмысленное как один из показателей наречия, стало присоединяться к наречиям и прилагательным, оканчивающимся на *-ku* [*Masakikute...* (М, 1183) 'Если [все] будет благополучно...'], а также к таким, как *jagate* 'вблизи' (>НЯ 'вскоре').

5. Наречия из отрицательных форм. Изредка в

роли обстоятельств выступали и срединные отрицательные формы на *-zu*: *kanarazu* 'непременно', *jatazu* 'беспрерывно'. Часть их выпадает из парадигмы глаголов и становится наречиями.

О многочисленных редуцированных наречиях см. § 14.

СКЛОНЕНИЕ

§ 22. Определение склонения

Склонением в ЯЯ называется оформление слова-темы, именного (наречного) определения, подлежащего, дополнений, предикативного члена и (некоторых) обстоятельств агглютинативными суффиксами — показателями того или иного члена предложения, роль которого может играть как слово, так и словосочетание или членное придаточное предложение. Падежный суффикс представляет собой, как правило, слог типа CV, лишь изредка возводимый к значимому слову ДЯЯ. Можно предположить, что немногочисленные двусложные форманты (*jori*, *made*) возникли позже односложных.

Все именные части речи склоняются одинаково. Лишь наречия имеют дефектное склонение или не принимают падежных суффиксов вовсе.

Наличие склонения не означает, что все именные члены любого предложения оформляются. Многие подлежащие и прямые дополнения остаются неформленными. Из однородных членов падежный суффикс присоединяется только к последнему.

Роль склонения в истории ЯЯ с веками возросла. Падежей стало больше. Количество неформленных членов предложения в потоке речи сокращается.

Хотя все падежные форманты ДЯЯ (кроме *-na* и *-tu*, а также вариантов исходно-сравнительного падежа) сохранились и ныне, роль и употребительность их несколько изменились.

§ 23. Родительный падеж (суффикс *-nō*)

Это самый распространенный падеж в ДЯЯ. В стихах «Мангё:сю:» он применен 5185 раз [см. М IV, 333]. Это один из немногих приименных падежей, оформляющих определение (глаголы ЯЯ родительным падежом не управляют). К одному и тому же слову не могут относиться два определения на *-nō*, но именное определение может в свою очередь определяться другим именем с *-nō*: *Muko-nō [u]ra-nō iriye-nō sudōri* (М, 3578) 'птицы [, живущие на] отмели в дельте реки [, впадающей в] бухту Муко'. Принадлежность, выражаемая посредством *-nō*, понимается очень широко: *Muko-nō* — приложение

(название бухты); *ura-nō* 'бухты' указывает на место, куда впадает данная река; *iri-je-nō* 'дельты' — также указывает на место (в сложном слове *su-dōri* 'отмели птицы' атрибутивность выражена позицией первого компонента).

Обычно определение с суффиксом *-nō* обозначает более крупный предмет, а определяемое — мелкую часть его: *kōrōmō-nō pimo-wo* (М, 3585) 'одежды завязки'; *Umibe-nō jado-ni...* (М, 3580) 'В жилище на берегу моря...' (определение выражает более обширное пространство).

-Nō может оформлять и подлежащее придаточного определительного предложения, которое в отличие от подлежащего главного обычно не остается неоформленным: *Akikaze-nō pukatu sōnō tukī...* (М, 3586) 'В том месяце, [когда] подует осенний ветер...'; *Momotōri-nō kōwe-nō koposiki paru kitarurasi* (М, 834) 'Кажется, что пришла весна, когда слышатся (букв. приятны) голоса множества птиц'; *Sōnō wotōme-nō kapaja-ni ireru tōki-ni...* (К, 232) 'Когда эта девушка вошла в уборную...'

Суффикс *-nō* принимали и подлежащие придаточных предложений других видов: *...puru juki tō pitō-nō miru made...* (М, 839) '...так, что людям кажется, что [это] идет снег'; *Paru-nō kitaraba...* (М, 815) 'Когда придет весна...'; *Sōnō kamī-nō nōritamapaku* (К, 147) 'Этот бог сказал...'

Наконец, посредством *-nō* иногда оформлялось и подлежащее главного предложения: *Kuni-tu kamidōmō-nō sapa-naru* (К, 153) 'Земных богов много'; *Amē-jori juki-nō nagarekuru kamō* (М, 822) 'С неба словно сыплется снег'; *Nasō kōkōba i-nō narajenu-mo* (М, 3684) 'Почему же тут [мне] не спится (букв. сон не спится)?'

В ряде случаев применение *-nō* было факультативным. В частности, в топонимии (приложение — название конкретной горы могло сливаться в одно слово с корнем *jama* 'гора'). Ср. *Ikoma-jama kojete sō...* (М, 3589) 'Гору Икома перейдя...' и *Ikoma-nō jama-wo kojete sō...* (М, 3590) — то же значение. Разумеется, в выборе того или иного варианта играл роль размер стиха — количество нужных слогов (пять или семь).

Формант *-nō* мог отсутствовать и после подлежащего членного предложения (хотя обычно оно строится как определительное): *Ama-wotōmedōmō simagakuru mi-ju* (М, 3597) 'Рыбачки [за] остров прячутся — видно'. Ср. перевод на СЯЯ: *Ama-no musumedomo-sae shimakage-ni kakurete iru-noga mi-eru* (М I, 64), в который введено дополнительно пять агглютинативных формантов, в том числе три падежных. Этот пример подтверждает меньшую роль падежей в ДЯЯ по сравнению с СЯЯ.

-Nō обладало также значением уподобления: *pi-nō mikado* (М, 894) 'микадо, подобный солнцу'; *Mukasi-jori ipikeru kō-*

tö-nö... (М, 3695) 'Как говорят истари...'; *Jaku sipo-nö karaki kopī-woto are-pa suru kato* (М, 3652) 'Я испытываю любовь, такую же горькую, как соль, которую [добывают,] сжигая [водоросли]'.

В XIV томе «Манъё:сю», где помещены песни на восточном диалекте, в том же значении применялось *-nōsu*: *Nami-ni ari-nōsu aperi kimi katō* (М, 3413) 'О ты, с которым [я] встретила, как встречаются с волнами!'. В западных песнях находим *-nasu*: *Naku ko-nasu sitapi-kimasite...* (М, 794) 'Скорбя, как плачущий ребенок...'; *Kagami-nasu midu-nō omō...* (М I, 10) 'Поверхность воды, как зеркало...'; *Kinu-ni tuku-nasu mē-ni tuku wa-ga se...* (М, 19) 'Как будто [что-то] пристало к одежде, так стоит перед глазами мой милый...'. Считают, что этимологически *-nasu/-nōsu* близко к *ni-ru* 'быть похожим' [см. J, 523].

Посредством *-nō* имена могли соединяться с послелогоми: *saki-nō gōtō* (К, 122) 'как и раньше'; *Juku midu-nō minawa-nō gōtōsi jō-nō pitō ware-pa* (М, 1269) 'Подобны пене на бегущей воде — люди [этого] мира [и] я'; *Tukī-nō uti-nō katura-nō gōtōki imo-wō ika-ni semu* (М, 632) 'Как быть [мне] с милой, которая подобна лавру на луне?'. Между глаголом и послелогом *-nō*, по-видимому, не употреблялось: *Juku midu-nō kaperaču gōtōku...* (М, 3625) 'Как не возвращается бегущая вода...'; *Amē miru gōtōku...* (М, 239) 'Как смотрят на небо...'

На подобие указывал еще сложный суффикс *-zimōnō* (ср. *mōtō* 'вещь'), присоединявшийся непосредственно к имени: *Sisi-zimōnō i-papipusitutu...* (М, 199) 'Как вепрь ползая по земле...'; *Tōri-zimōnō asadati imasite...* (М, 210) 'Подобно птицам отправляясь рано утром...'; *Juki-zimōtō jukikajōritutu...* (М, 261) 'Как снег буду приходить сюда...'

Суффикс *-nō* не применялся после личных местоимений и имен, обозначающих лиц (ср. *-ga*, § 24). После топонимов-приложений и перед послелогоми *-nō* чередовалось с *-ga*.

§ 24. Притяжательный падеж (суффикс *-ga*)

В стихах «Манъё:сю» *-ga* встретилось 997 раз. *-Ga* присоединялось к тем же членам предложения, что и *-nō*, оформляя две группы слов: а) слова, обозначающие предметы, имеющие собственное имя, и б) нарицательные имена, обозначающие людей, животных и растения. Личные местоимения обладают обоими признаками, поэтому они агглютинировали только *-ga*. Горы, река, острова, некоторые виды оружия (мечи) и т. п. имели собственные имена, но не являлись одушевленными предметами; *umē* 'слива' (дерево) — живой организм, но не имеет собственного имени. Слова, имеющие только один из этих признаков, агглютинировали то *-nō*, то *-ga*.

Суффикс *-ga* (как и *-nō*) нередко оформлял каждое из нескольких имен, последовательно определяющих одно другое: *Wagimoko-ga* (<*wa-ga imoko-ga katami-ni timu wo...* (М, 3596) 'Хотя хотел бы посмотреть в память [о] моей любимой...'

Реликт притяжательного *-ga* сохраняется и в СЯЯ в таких выражениях, как *wa-ga kuni* 'наша страна', в старых топонимах: *Seki-ga-hara* букв. 'Заставы поле'. В ДЯЯ суффикс *-ga* (как и *-nō*) мог оформлять приложение-топоним: *Natukusa-nō Nosima-ga saki-ni...* (М, 3606) 'На мысу Носима, [где растет] летняя трава...' [*natukusa-nō* — постоянный эпитет (макура-котаба), в данном случае к *no* 'поле'].

После наименований неодушевленных предметов *-ga* встречалось редко: *tati-ga wo-mo* (К, 128) 'даже завязки меча'; *puraja-ga sita-ni* (К, 139) 'под мягким [предметом]'

Чаще *-ga* следует за наименованием одушевленного предмета: *Tadu-ga kōwe su-mo* (М, 3595) 'Раздается голос журавля'; *Ituse-nō mikōtō, mi-te-ni Tōmibiko-ga itajagusi-wo opasiki* (К, 213) 'Бог Итусэ был ранен в руку стрелой (букв. получил в руку стрелу) Томибико'; *Umē-ga pana saku* (М, 837) 'Распускаются цветы сливы' [ср. *umē-nō pana* (М, 838) 'цветы сливы']'. Ямада Ёсио полагал, что *-ga* равносильно в таких случаях логическому ударению на определении, а *-nō* — на определяемом.

-Ga может оформлять и подлежащее определительного предложения. Приведем в качестве примера стихотворение из «Манъё:сю:» (М, 3580) и его буквальный перевод:

<i>Kimi-ga juku</i>	Твое идешь
<i>Umibe-nō jādō-ni</i>	Взморья жилище в
<i>Kīri tataba</i>	Туман поднимется если,
<i>A-ga tatinagēku</i>	Мое поднимаясь вздыхающее
<i>Iki tō sirimase</i>	Дыхание — так считай.

Литературный перевод: 'Если у жилища на взморье, куда ты идешь, поднимется туман, знай, что [это мое] дыхание, — я вздыхаю [по тебе]'; *Imasi-ga naku juwe-pa nani zō* (К, 103) 'Какова причина того, что ты плачешь?'; *Idumo-takeru-ga pakeru tati...* (К, 326) 'Меч, который надел Идумо-такеру...'

Суффикс *-ga* оформлял глагольное словосочетание, которое предшествовало имени, образованному адъективным корнем с суффиксом *-sa*: *Kōgu punabitō-wo miru-ga tōmōsisa* (М, 3658) 'О зависть, [возникающая, когда] видишь гребущего лодочника!'; *Papa-wo panarete juku-ga kanasisa* (М, 4338) '[Какая] печаль уезжать, покидая мать!'; *Imasara-ni apubēki jōsi-nō naki-ga sabusisa* (М, 3734) 'Какая тоска: нет возможности встретиться снова!'. В этих случаях речь идет о людях, *-ga* оформляет определительное предложение.

Суффикс *-ga* нередко оформлял имя или глагольное словосочетание, когда они предшествовали послелогу (*tamē*, *gōtō* и др.): *otopu ko-ga tamē* (М, 845) 'ради любимой'; *Wagimoko-ni misemu-ga tamē-ni...* (М, 4222) 'Для того, чтобы показать моей милой...'; *Kinōpu-simo mikemu-ga gōtō-mō omōpōjuru kamō* (М, 1807) 'Кажется, будто видел [ее] еще вчера'; *Musasabi-nō tōri matu-ga gōtō...* (М, 1367) 'Подобно тому, как летяга подкарауливает (букв. ждет) птичек...'

Наконец, *-ga* могло следовать после соединительной формы глагола, предшествовавшей прилагательному *posi* 'хочу': *Paru-nō pi-pa jama-si mi-ga posi* (М, 324) 'В весенний день хочется смотреть на горы'.

В позиции после прилагательных-топонимов и перед послелогами *-ga* свободно чередовалось с *-nō* (см. § 23).

В дальнейшем функции *-nō* и *-ga* были разграничены. *-Ga* стало суффиксом именительного падежа.

§ 25. *-tu* — устаревший формант определения

Суффикс *-tu* употреблялся в устоявшихся атрибутивных именных словосочетаниях, превращающихся в сложное слово (о чем свидетельствует в отдельных случаях озвончение начального глухого определяемого): *nipa-tu-tōri* 'домашняя птица' (куры); *sa-no-tu-tōri* 'полевые птицы' (фазаны); *oki-tu-tōri* 'морские птицы'; *umi-tu-di* (М, 1781) 'морские пути'; *Asiparanō naka-tu-kuni* (К, 174) 'Страна среди тростниковых равнин' (образное название Японии); *ama-tu-kamī* (К, 157) 'небесные боги'; *kuni-tu-kamī* (К, 153) 'земные боги'; *ama-tu-tumi kunitu-tumi* («Nō:ito», цит. по: J, 458) 'преступления [против] неба, преступления [против] государства'; *sora-tu-piko* (К, 199) 'сын воздуха' (*sora* — пространство между *ama* 'небом' и *tuti* 'землей'); *wata-tu-mi-nō kamī* (К, 193) 'морской бог'; *Siri-tu-to-jo i-juki-tagapi, mape-tu-to-jo i-juki-tagapi...* (К, 276) 'Из задних ворот пойдешь, — ошибешься, из передних ворот пойдешь, — ошибешься'.

Создается впечатление, что *-tu* — нечто вроде форманта относительного прилагательного. Такое предположение подкрепляется фактами агглютинации *-tu* к корню качественного прилагательного: *Tika-tu apumi-nō kuni* (К, 300) 'Страна ближнего пресного моря'; *tōpō-tu-bitō* (М, 857) 'дальний человек' (постоянный элитет к *matu* 'ждать').

Суффикс *-tu* нередко присоединялся к словам со значением «верх», «чиз» (от которых во многих языках образуются относительные прилагательные): *upa-tu kuni-ni* (К, 199) 'в верхнюю страну' (на сушу со стороны моря); *sōkō-tu ipane-ni* (К, 170) 'на каменном фундаменте' (*sōkō-tu* 'донный'); *mōtō-tu kuni* (К, 204, 303) 'прежнее место жительства', 'родина'; *kōkō-*

jori oku-tu kata-ni (К, 218) 'отсюда в глубь страны' (букв. 'отсюда в сторону глубинки'). Такие примеры позволяют предположить, что в ПЯЯ были относительные прилагательные. Ср. еще *ma-tu-gë* 'ресницы' (букв. 'глаз волосы').

Таким образом, определение, оформленное посредством *-tu*, в первую очередь указывает на место, где находится предмет, выраженный определяемым, а отсюда — и на его свойства: *ja-tu-ko* (К, 213) букв. 'домашний человек' > 'раб' (также уничтожительно о враге); *mi-ja-tu-ko* (К, 305) букв. 'дворцовый человек' > 'губернатор'.

В отличие от *-nõ* и *-ga* суффикс *-tu* не употреблялся после приложения и подлежащего придаточного предложения. На *-tu* после глагольного корня встретился только один пример (в J не отмеченный): *tamë-tu-mõnõ* (К, 101) 'пища, которую во время вкушения первин давали вассалам' (ср. *tabë* 'есть').

Считают, что по значению и звучанию ближе всего к *-tu* стоит *-da* в *kë-da-mõnõ* 'звери' (букв. 'волосатые существа') и *ku-da-mõnõ* 'фрукты' (предполагают, что *-ku* — вариант *kĩ* 'дерево'; но, возможно, *kuda-* < *kudar-u* 'опускаться').

§ 26. *-Na* — устаревший формант определения

Суффикс *-na* фонетически близок и к *-da*, и к *-nõ*, а по значению — к *-ga*. Судя по некоторым примерам, можно было бы предположить, что *a* в *-na* возникает из *õ* под влиянием предшествующего *a*: *manako* 'зрачок' (букв. 'глаза ребенок' или '[в] глазу ребенок'), *taramata* (К, 144) 'между пальцев' (*ta* 'рука'), *manakapi* (М, 802) 'между глаз', 'перед глазами'. Но есть примеры сложных слов, в которых корень перед *-na* гласного *a* не содержит: *minato* (М, 4006) 'пристань' (букв. 'водные ворота'); *minawa* (М, 1269) 'водяная пена' (но если *minawa* < *mi-* 'вода' + *-nõ* + *awa* 'пена', *na* в этом слове появилось в результате выпадения гласного *õ*); *nunatõ* (К — цит. по: J, 554) 'звон драгоценностей' (< *nu* + *-na-* + *otõ* 'звук'); *katunabi* (М, 3227) 'местопребывание богов'.

Деформация или необычный вид корня является правилом для всех первых компонентов сложных слов с *-na*. Ни один из корней, предшествующих *-na* в приведенных примерах, в таком виде самостоятельно не употребляется: *ma-*, *ta-*, *mi-*, *ni-*, *katu-* встречаются только в сложных словах в качестве первого компонента. Значит, и сочетания с *-na* в ДЯЯ были уже сложными словами.

Такие слова, как *jagi/janagi* 'ива', существующие как без *-na*, так и с ним, содержат корень (*ja*), самостоятельно не употребляющийся.

-Na (как и *-tu*) никогда не следует в конце стиха (синтагмы), т. е. не может быть отделен паузой от второго ком-

понента. А именные определения на *-nō* и *-ga* беспрепятственно могут выступать отдельной синтагмой. Это также говорит о том, что *-na* и *-tu* уже в ДЯЯ связывали компоненты сложного слова. В свободных словосочетаниях они не употреблялись.

§ 27. Дательно-местный падеж (суффикс *-ni*)

Суффикс *-ni* по частоте употребления стоит на втором месте после *-nō* — в стихах «Манъё:сю» он встретился 2731 раз. Это объясняется широким значением *-ni* — главного показателя обстоятельств и косвенных дополнений в ДЯЯ. Падежа с формантом *-de*, обозначающего место действия в НЯЯ, еще не было. Имя с формантом *-ni* могло обозначать и местонахождение, и место действия, и направление движения к какому-либо месту или адресату действия, так как специальный падеж направления с суффиксом *-re* только появлялся (см. § 28). Этимологически *-ni* можно сопоставить с *nira* 'гладь (моря)', *na* 'земля' (~эск. *-ni* — суффикс местного падежа, нен. *niit* 'верх'; ср. рус. *низ*). В соответствии с правилом групповой суффиксации *-ni* не может повторяться в одном предложении после однородных членов — дополнений или обстоятельств.

Хотя значение *-ni* в сущности было единым (указание на место-время), *-ni* выступало в качестве показателя нескольких членов предложения:

а) *-ni* в составе обстоятельств места и времени: *Sōkō-ni toja-wo tukurite* (К, 160) 'Там воздвигли погребальный домик'; *Tupi-ni umi-ni usinapiteki* (К, 193) 'И в конце концов потерял [крючок] в море' (наличие двух слов с *-ni* в последнем примере говорит о том, что обстоятельство времени *tupi-ni* и обстоятельство места *umi-ni* не считались однородными членами. Однако здесь, несомненно, одно, а не разные *-ni*); *Ama-nō tōmosibī oki-ni nadusapu* (М, 3623) 'Огоньки рыбаков мерцают в океане'; *Apasima-wo jōsō-ni-ja kopītu* (М, 3631) 'Буду любоваться островом Апа издали'; *Imē-ni-si mijuru* (М, 3647) '[Она] является [мне] во сне'. Когда за *-ni*, указывающим на место, следовало *aru* 'находящийся', они могли сливаться в результате синкопа (*-ni + aru = naru*). Значение 'находящийся в' у *-naru* при этом сохранялось: *Wotu-nō saki-naru pitōtu matu...* (М, 537) 'Одна сосна, растущая на мысе Воту...'; *Tukusi-naru niropu ko-juwe-ni...* (М, 3427) 'Иза цветущей девушки, проживающей на Тукуси...';

б) *-ni* в составе дополнения, указывающего на конечный пункт движения: *Ipe-ni wite irete...* (К, 122) 'Введя [его] в дом...'; *Umi-ni idetaru Sikama-kapa...* (М, 3605) 'Река Сикама, впадающая (букв. выходящая) в море...'; *Nara-nō mi-*

jako-ni ta-nabikeru ama-nö siragumo... (М, 3602) 'Белые облака в небе, плывущие в столице Нара...';

в) *-ni* в составе косвенных дополнений к некоторым глаголам-сказуемым: *...kötö kī-ni purete...* (К, 123) '...кото (род лютни.— Н. С.), задев за дерево...'; *na-ni opu Naruto* (М, 3638) 'знаменитое Наруто' (*na-ni* 'имени', *opu* 'нести на себе'); *Kopī-ni sinubēsi* (М, 3578) 'Наверно, умру от любви'; *Kīri-ni tatubēku nagēki-simasamu* (М, 3581) 'Почему же [ты] так вздыхаешь, что [твое дыхание] должно превратиться в туман?'; *Jujusiki kimi-ni kopīwataru kamo* (М, 3603) 'Люблю тебя торжественного';

г) *-ni* при именной части сказуемого (дательный предикативный): *Orobuche-ni imo nōru mōjō-ni aramaseba...* (М, 3579) 'Если бы моя милая была человеком, который ездит на большом корабле...'; *Pitōri ariuru mōjō-ni are ja* (М, 3601) 'Разве [я] такой человек, который может жить в одиночестве?'; *Kī-nipa aritōmō...* (М, 811) 'Хотя [я] являюсь [безгласным] деревом...' (слова лютни);

д) *-ni* в составе косвенного дополнения, обозначающего деятеля, при глаголе-сказуемом в страдательном залоге: *Ka jukēba pitō-ni itōpaje, kaku jukēba pitō-ni nikumaje* (М, 804) букв. '[Старик] туда пойдет,— людьми нелюбим, сюда пойдет,— людьми ненавидим';

е) *-ni* в составе косвенного дополнения, обозначающего адресата действия (сравнительно редкий случай): *...wo sōnō pikodi-ni sadukētamaru* (К, 123) 'Отдает... своему муженьку'; *Amawakabiko-ni tugēte ipaku...* (К, 157) '[Она] сказала Амавакабико следующее...'

§ 28. Зарождение направительного падежа (суффикс *-pe*)

Из именного корня *-pe* 'место', уже тогда встречающегося только в составе сложных слов [*sitape-nō tukapī* (М, 905) 'посланец нижнего мира' (т. е. с того света)], в эпоху создания памятников образуется, видимо, новый направительный падеж. Разные значения *-pe* (место > направление) находят аналогию в оттенках значения *-ni* (см. § 27). Первоначально *-pe* обозначало только место (будучи корнем сложного слова): *Jamatō-pe-ni* (К, 233) 'в Ямато'; *Oki-pe-ni-pa kobune turaraku* (К, 232) 'В океан устремилась лодочка' (здесь на направление указывает *-ni*). Затем надобность в *-ni* после *-pe* отпадает и *-pe* переосмысливается в формант направительного падежа: *Wagimō kuni-pe kudarasu* (К, 232) 'Моя милая уезжает на родину'; *Siragi-pe imasu...* (М, 3587) '[Ты,] едущий в Силла...'

Но такое *-pe* употреблялось еще редко.

§ 29. Исходно-сравнительный падеж (суффикс *-jo/-jori/-ju/-juri*)

Фонетические варианты этого суффикса не различались по значению. В дальнейшем закрепилась форма *jori* (не смешивать с формой глагола *jōri* 'приближаясь').

Дополнение с *-jo/-jori/-ju/-juri* обозначало исходный пункт (место или время), от (из) которого начинается движение: *iduku-ju-ka* (К, 202) 'откуда-то'; *Jaja to-jori idete* (К, 99) 'Немного высунулась из двери'; *Uti-jori nōritamaperu-pa...* (К, 99) 'Изнутри промолвила...'; *Amē-jori kudari tukite...* (К, 157) '[Фазан,] спустившись с неба...'; *Ipakī-jori naridesi pitō ka* (М, 800) 'Может быть, [он] человек, происшедший из [бесчувственного] камня [и] дерева?'; *sōre-jori nōti* (К, 202) 'с тех пор', 'впредь' (букв. 'от того после'); *Are pajaku-jori parameru wo* (К, 204) 'Я уже давно (букв. с раннего [времени]) забеременела'.

Конструкция *...-jori simo ...-made* 'от... и до...' регулярно встречается в «Кодзики» в генеалогических списках (*simo* 'вниз').

-Jori не дифференцирует значений 'от (ближайшего конца)', 'из (середины)' и 'от (противоположного) конца': *Jama-nō tawaja-jori mipune-wo pikikosite...* (К, 306) 'Перетащив лодку волоком через горный перевал...'; *Pasi sōnō kapa-jori nagarekudariki* (К, 103) 'Палочки [для еды] приплыли по реке'; *Kigisi-nō mune-jori tōporite...* (К, 157) '[Стрела,] пройдя сквозь грудь фазана...'; *Sōnō ja-nō ana-jori tukikapesikudasitamapēba...* (К, 157) 'Когда через отверстие [, пробитое] этой стрелой, метнули [ее] обратно вниз...'; *Kōkōrō-jumotoranu arida-ni...* (М, 794) 'Пока и в мыслях (букв. из сердца) еще не появлялось...' (в переводе на СЯЯ применяется не *-karamo*, а *-nimo*); *...pune-jori opikureba...* (К, 306) '...когда [она] догоняла [его] на лодке...'; *Kati-jori jarapitamapiki* (К, 232—233) 'Преследовала [их] пешком'; *Sōnō tatamu siri-jori idemasubēsi* (К, 218) 'Следуйте за ней'.

Таким образом, значение *-jori* шире, чем у русских предлогов «от», «из», «через», «сквозь».

Суффикс *-jo/-jori/-ju/-juri* имеет также сравнительное значение: *Tune-ju ke-ni naku* (М, 3328) 'Звучит не так, как всегда'.

Нередко в качестве дополнения в исходно-сравнительном падеже выступает целое предложение, относящееся к любому отрезку времени: *Kusuri ramu-jora mi jako miba...* (М, 848) 'Если бы вместо того, чтобы глотать лекарства, я взглянул на столицу...'; *Inōti-ni mukari kopīmu-jura kimi-ga mi-pune-nō kadikara-ni moga* (М, 1455) 'Чем тосковать [всю] жизнь [в разлуке], лучше бы [я] была рукояткой весла твоего ко-

рабля!'; *Paru mimasi-jupa natugusa-nö sigëku-pa aredö ke-ru-nö tanosisa* (М, 1753) 'Чем мечтать о весне (букв. хотеть видеть весну), сегодня [было бы] приятнее, если бы летние травы были густы'; *Jösö-ni misi-jopa ima-kösö masare* (М, 3417) 'По сравнению [с тем, что я] видел издали, сейчас гораздо лучше'.

Считается, что все варианты этого суффикса имеют общее происхождение. Они связываются с именем *juri* 'после' (ср. также *jwæ* 'причина'). Употребительность суффикса сравнительно невелика.

§ 30. Предельный падеж (суффикс *-made*)

Предельный падеж обозначает, до какого предела в пространстве или во времени продолжается то или иное явление (ср. § 29): *Mijako-made okurimawosite töbika-peru mörö* (М, 876) 'До столицы проведив, прилетел бы обратно'; *Opomijano uti-made...* (М, 238) 'До середины большого дворца...'; *Idure-nö pi-made are kopi-woramu* (М, 3742) 'Я буду любить вечно (букв. до любого дня)'; *Wotötösi-nö sakitu tösi-jori kötösi-made kopuredö...* (М, 783) 'Хотя [я] люблю уже три года (букв. с года, предшествующего позапрошлому, и до нынешнего)...'.

Нередко *-made* сопровождается суффиксом *-ni*, что мало изменяет значение *-made*: *Ware-pa ka jopamu jörödujō-madeni* (М, 1134) 'Я буду ходить [туда] до скончания века'.

Часто *-madeni* следует после предикатива в определительной форме (предложение перед *-made* строится как определительное): *Puru juki tö pitö-nö miru made umë-nö pana tiru* (М, 839) 'Цветы сливы опадают так, что людям кажется, что это идущий снег'; *Ima-jori mitöse tö ipu madepa...* (К III) 'Отныне на три года...'; *Ikujö puru made...* (М, 3637) 'В течение многих веков [и до сих пор]...'; *Mitöse-ni naru made* (К, 153) 'Прошло целых три года'.

Наряду со значением предела *-made* приобрело и значение 'даже' ('вплоть до того, что' > 'даже'): *Kinu pakama kutusitagutu-made orinupi...* (К II, 225) 'Соткала и пошила кимоно, шаровары, даже носки...'; *Ajasiku-mo nagëkiwataru ka pitö-nö topu made* (М, 4075) 'То ли [я] так долго вздыхаю, что люди даже спрашивают [меня, в чем дело]'.

Этимологически *-made* можно соотнести с *ma* 'промежуток' (место или время). В памятниках *made* часто записывается 右左〔手〕 'правая [и] левая [руки]', хотя в значении имени *made* не встречается [см. J, 684]. Видимо, суффикс *-made* понимался древними японскими писателями как состоящий из двух морфем: *ma*- 'настоящий' и *te* 'руки'.

§ 31. Винительный падеж (суффикс *-wo*)

-Wo имеет общее происхождение с тунгусо-маньчжурским суффиксом винительного падежа *-wa/-wə/-wo*. Не учитывающие этого японисты сомневались в том, что в ДЯЯ был винительный падеж. Они считали, что *-wo* произошло от эмфатической частицы.

Действительно, эмфатическая частица *wo* существовала, но в отличие от суффикса винительного падежа употреблялась в конце предложения, нередко после глаголов, обозначая утверждение или восклицание: *Imo matu are wo...* (М, 3002) 'Я-то, ждущий милую...'; *Kimi-ga manimani a-ra jōrinisi wo* (М, 3377) 'Я ведь слушалась (букв. опиралась на) тебя'. Эмфатический характер *wo* сохраняет и в составе концовки *mōnōwo*: *Umē-nō rana-nimo naramasi mōnōwo* (М, 864) 'Хотел бы стать цветами сливы, но увыл'.

Но такое непадежное *wo* встречалось не так уж часто. Оно не входило в состав прямого дополнения, управляемого переходным глаголом-сказуемым.

Эмфатический характер *wo* имело и после суффиксов других падежей в предложениях, в которых выражается повеление или пожелание: *Joru-nō imē-ni wo tugite mi-je-kōsō* (М, 3108) 'Во сне, ночью, являйся [мне!]' ; эмфатическое *wo* могло следовать и за срединной формой спрягаемого слова: *Potōtōgisu kōkō-ni tikaku wo kinakite jō* (М, 4438) 'Кукушка! Сюда, поближе, прилети и пой!'.

Эмфатическая частица *wo* изредка встречалась и после подлежащего: *Murasaki-nō nipoperu imo wo nikuku araba...* (М, 21) 'Если бы милая, цветущая, как мурасаки, была бы противной...'.

Чаще частица *wo* ставилась после подлежащего при срединном сказуемом-прилагательном в форме причинного деепричастия с окончанием *-mi*: *Tukujōmi-nō pikari wo kijomi...* (М, 3599) 'Так как свет луны ярок...'; *Miru pitō wo nami...* (М, 3628) 'Так как нет никого, кто посмотрел бы на них...'; *Akijoru wo nagami-nika aramu* (М, 3684) 'Наверное, оттого что осенние ночи длинны'. Правда, частица *wo* при форме на *-mi* могла и отсутствовать: *Siranami takami...* (М, 3596) 'Так как волны высоки...'.

По частоте употребления *-wo* (во всех значениях) стоит на третьем месте среди падежных суффиксов — в стихах «Маньё:~сю:» оно встретилось 1973 раза. Частицы встречаются значительно реже (так, самая употребительная частица *mo* 'и', 'также', 'даже', 'хотя' зарегистрирована лишь 1451 раз).

Но большей частью *-wo* употребляется в текстах в качестве суффикса винительного падежа: *Kamo-zimōnō ukine-wo*

surewa... (М, 3649) 'Когда спал, качаясь (букв. когда делал качкосо́н), подобно утке...' (*zimōrō* 'подобно'— редкий суффикс); *Kari-wo tukapi-ni etesi-gamo* (М, 3676) 'Я хотел бы получить гуся в качестве посыльного'; *Aki-nō no-wo nipopasu pagi-pa sakeredōmō...* (М, 3677) 'Хотя хаги, украшающие осеннее поле, цветут...'; *Imo-wo otopi...* (М, 3678) 'Тоскуя о любимой...', но *Tuma [o]mopi kanete...* (там же) 'Истомившись [по] жене...' (суффикс *-wo* отсутствует).

На протяжении всей истории ЯЯ существует конструкция типа *Sōnō pana-wo ajasi tō otōpīte...* (К II, 226) 'Посчитав эти цветы удивительными...', где *pana-wo* оформлено как прямое дополнение к глаголу *otopi* 'считать', а не как подлежащее к сказуемому-прилагательному.

В ДЯЯ отсутствовал творительный падеж. Значение орудности выражалось конструкцией «прямое дополнение (с суффиксом *-wo*) + *mō[ti]te* 'имея', 'держа': *Umisati-wo mōtite na turasu ni...* (К, 193) 'Когда [он] удочкой (букв. морским счастьем) ловил рыбу...'; *Kōkō-wo mōte...* (К, 164) 'Таким образом...' (идиом).

Был в ДЯЯ и слабоуправляемый винительный с суффиксом *-wo*: *Ikanika pitōri nagaki jo-wo nemu* (М, 462) 'Как же буду спать одну долгую ночь?'; *Wa-ga kopīwataru kōnō tukīgōrō-wo* (М, 588) 'Я провожу в тоске весь этот месяц'; *Nagaki parupi-wo otopikurusamu* (М, 1934) 'Проведу в тоске долгий весенний день'; *Ware-pa zō makaru tōpoki Tosadi-wo* (М, 1022) 'Я направляюсь по длинной дороге [в] Тоса'; *Watatumi-nō kasikoki miti-wo jasukeku mo naku najami kite...* (М, 3694) 'Прибыл по опасной морской дороге, чувствуя себя совсем не спокойно, страдая'.

Прямым дополнением к переходному глаголу может выступать целое предложение: *Akikaze-nō pikamu-wo mataba...* (М, 4219) 'Если ждать, когда подует осенний ветер...'; *Tōrōki watari-wo mijabiwo-nō asobu-wo mitu tō...* (М, 1016) 'Посмотреть бы, как играют знатные люди на далеком переезде...'

Сливаясь с выделительным *-pa* (см. § 32), *-wo* превращалось в сложный суффикс выделенного прямого дополнения *-woba*: *Aritutu-mō kimi-woba matamu* (М, 87) 'Пока буду жив, тебя буду ждать'; *Pirume-nō mikōtō ama-woba sirasimesu tō...* (М, 167) 'Небом управляет богиня солнца...'

Таким образом, к VIII в. употребление винительного падежа стало нормой. Отсутствие *-wo* в ряде прямых дополнений (чаще, чем в НЯЯ) объясняется тем, что употребление некоторых падежных показателей в ДЯЯ было факультативным (см. § 34).

Прямые дополнения без суффикса *-wo* можно считать, по мнению Е. М. Коллакчи [см. 4], оформленными нулевым суффиксом так называемого абсолютного падежа. Это поло-

жение можно было бы принять при условии, если бы применение нулевого показателя было в каких-то пределах нормой.

§ 32. Вопрос о выделительном падеже (суффикс *-pa*)

1843 раза в стихах «Манъё:сю:» встретился формант *-pa* (впоследствии стал произноситься *-wa*). Он оформлял слово-тему, обозначающую как деятеля, так и объект действия.

1. Слово с *-pa* обозначает субъект: *Karigane-pa mijakoni jukaba...* (М, 3687) 'Если гуси полетят в столицу...'; *Tukī-pa raja-to idenu kamo* (М, 3651) 'Ах, если бы луна поскорей взошла!'. В таком случае сказуемое не всегда является глагольным: *Jō-nō naka-pa tunc kaku-nōmī tō* (М, 3690) 'В мире [дела] [обстоят] только так'; *Urami-jori kadi-nō otō-suru-pa amawotōme kamo* (М, 3641) 'То, что из устья реки доносится скрип уключин, [означает приближение] рыбачек?' (здесь *-pa* оформляет предложение-тему).

2. Слово с *-pa* обозначает объект: *Mijako-pa wasureka-netu-mo* (М, 3613) 'А столицу не мог позабыть'; *Ama teru tukī-pa mituredōmō...* (М, 3650) 'Хотя и увидел луну, сияющую в небе...'; *Ware-nōmī-ja jo pune-pa kōgu tō* (М, 3624) 'Только я один плыву на лодке ночью'; *Ama-nō izari-pa tōmosi aperi mi ju* (М, 3672) 'Видно, как рыбаки зажигают вокруг огоньки'.

В предложении могло быть два слова-темы: *Mōrōbitō-pa kepu-nō apida-pa tanosiku arubēsi* (М, 832) 'Все в течение сегодняшнего дня будут веселы'.

После *-pa* в ДЯЯ могли следовать частицы: *Ware-pa zō makaru tōpoki Tosadi-wō* (М, 1022) 'Я направляюсь по далекой дороге в Тоса'; *Piru-pa mo pi-nō kōtōgōtō* (М, 155) 'И днем [я плачу] ежедневно'; *Apisi ko-ra-pa mo* (М, 284) 'О детка (букв. дети), которую [я] встретил!'; *Sato-pa si mo sapa-ni aredōmo...* (М, 1050) 'Хотя и деревень много имеется...'

§ 33. Совместный падеж (суффикс *-tō*)

Совместный падеж относится к малоупотребительным. *-Tō* (как в падежном, так и в союзном значении) встретилось в стихах «Манъё:сю:» 939 раз. Падежное *-tō* означает, что одушевленный предмет, выраженный словом, к которому присоединяется этот суффикс, совершает действие вместе с лицом, обозначенным подлежащим: *Kopuramu kimi-tō woramasi mō-nōwo* (М, 2306) 'С тобой, наверно, любящим [меня, я] хотела бы быть'; *Nari-mo narazu-mo na-tō putari-pa-mo* (М, 3492)

'Быть или не быть, [но только] вдвоем с тобой'; *Mimasi Asiparasikōwo-nō mikōtō-tō aniwotō-tō narite...* (К, 144) 'А ты, побратавшись с Асипарасико...'; *Are, irōse-tō turibari-wo kapēte...* (К, 193) 'Я у старшего брата крючок для удочки выменял...'

Думается, что соединительный союз *tō* этимологически и функционально близок к суффиксу *-tō*: *Opotōmō tō Sapēki-nō udi-pa...* (М, 4094) '[Род] Опотомо и род Сапэки...'; *Are tō imasi tō amē-nō sita-wo siritemu tō su* (К, 291) 'Я и ты будем править поднебесной'; *Na-wo tō a-wo pitō-sō saku-naru* (М, 660) букв. 'Тебя и меня люди разлучают'; *Awojanagī umē-tōnō rana-wo...* (М, 821) 'Цветы зеленой ивы и сливы...'. Как видно из примеров, союз *tō* употреблялся как между соединяемыми однородными членами, так и после каждого из них.

За именем, оформленным суффиксом *tō*, может следовать послелог *tōmō* 'вместе': *Amē tui tō tōmo-ni mōgamo tō omopitutu...* (М, 3691) '«Ах, если бы [жить вечно] вместе с небом [и] землей» — думалось мне...'

Некоторые японисты считают, что *tō* как формант наречий и изъяснительный союз *tō*, предшествующий глаголам речи и мысли, имеют иное происхождение, чем падежное *tō*. Но в ДЯЯ они произносились одинаково — *tō* (см. § 21 и примеры выше).

§ 34. Факультативность падежей

Отсутствие падежного показателя может объясняться или невозможностью его применения в данной синтаксической позиции (после обращения, именного сказуемого без связки, ряда обстоятельств), или его факультативностью (после последнего из однородных членов, подлежащего, прямого дополнения), обусловленной, по мнению Г. П. Мельникова, свойственной всем алтайским языкам «тенденцией к экономии служебных элементов» [см. 52, 66].

Отсутствие форманта свидетельствует об отсутствии в данном случае падежа: *Akipagī susuki tirinikemu kamo* (М, 3681) 'Листья осенних леспедецы и мисканта уже, наверное, опали'; *Izari-suru ama... urami kōgu-rasi. Kadi-nō otō kikōju* (М, 3664) 'Рыбаки, которые занимаются ловлей [рыбы]... как будто ходят на веслах [по] устью реки. Слышен плеск весел'; *Tabi juku ware-wo...* (М, 3636) букв. 'Уезжающего [в] путешествии меня...'; *Tōpo-nō kuni imada-mo tukazu...* (М, 3688) 'И далекой страны еще не достигнув...' (здесь *kuni* 'страна' неформально, поэтому неясно, что это — слово-тема или косвенное дополнение).

Экономия суффиксов сказывается в том, что формант падежа может отсутствовать даже в том случае, если характер

управления очевиден не из данного словосочетания, а из более широкого контекста: *Titipapa-wə mireba taputosi. Meko mireba mēgusi utukusi* (М, 800) 'Глядя на отца [и] мать, [видишь, что они] почтенные [люди]; глядя [на] жену, детей, [чувствуешь, как они тебе] милы'. Хотя в другом окружении *meko mireba* может означать 'когда жена и дети смотрят', в данном контексте *meko* по аналогии с *titipapa-wə* понимается как прямое дополнение (а не как подлежащее) и без падежного форманта. См. также § 31.

Сравнивая ДЯЯ с НЯЯ и СЯЯ, можно прийти к заключению, что с веками процент членов предложения, оформляемых падежными суффиксами, неуклонно растёт. Сфера факультативного употребления формантов падежей сужается. В составе последнего однородного члена они вовсе исчезли, в составе дополнений применяются все чаще. Исключения из правила о групповой суффиксации в НЯЯ уже не наблюдаются.

СПРЯЖЕНИЕ

§ 35. Определение спряжения

Спряжением глаголов в ЯЯ называется функционирование их форм (в основном синтетических), которые различаются по залогам, наклонениям, временам и видам, а также в зависимости от синтаксических позиций и выражения вежливости/грубости. Прилагательные в ДЯЯ спрягались в соответствии с их синтаксическими позициями, а их производная форма (на *-ari*) могла принимать часть видовых формантов.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ (С НУЛЕВЫМ СУФФИКСОМ)

§ 36. Конечные формы глаголов (действительный залог)

Все глаголы в заключительной форме (совпадающей с определительной в 1-м и 2-м спряжениях) имеют в исходе гласный *u*, который у односложных глаголов 4-го спряжения и неправильных глаголов *su* и *ku* совпадает с коренным гласным, а у глаголов 1-го и 2-го спряжений является флективным окончанием, отличающим заключительную форму от срединной (см. § 39). Заключительная форма обозначала процессы, протекающие в настоящем, а в речи о прошлом нередко обозначала одновременность, т. е. употреблялась в относительном значении. В речи о будущем простая финитная форма изъявительного наклонения не применялась, так как будущее мыслилось только как предполагаемое.

Определительная форма у глаголов 1-го и 2-го

спряжений (типа *tor-u*, *mi-r-u*) совпадала с заключительной, а у глаголов 3-го и 4-го спряжений (типа *tur-u* 'сопровождать') имела сложный формант *-u-r-u*, например: *tur-u-r-u* 'сопровождающий'. Сложный формант *-u-r-u* у глаголов с односложным корнем «накладывался» на коренной гласный *u*, например: *u-r-u* 'получающий', *pu-r-u* 'сохнувший'. Роль флексии конечной формы переходила при этом к последнему *-u*.

Вневидовые заключительная и определительная формы нередко применялись и в тех случаях, в которых в СЯЯ требуется длительный вид.

Во временном отношении определительная форма отличалась от заключительной более частым употреблением в относительном значении одновременности.

В речи о прошлом: ...*siru töki si... kanasikarikeri* (М, 793) 'Когда узнал... стало еще печальнее'; *Sönö pi-nö masakari-ni mojuru töki-ni arimaseru miko...* (К, 191) 'Сын, родившийся тогда, когда этот огонь пылал всюду...'; *Kesa a-ga musume-nö kataru-wo kikëba...* (К, 199) '[Я] слышал, что сегодня утром моя дочь сказала...'

В речи о настоящем: ...*wakaju turu imora-wo miramu pitö-nö tömösisä* (М, 863) 'О [как я] завидую людям, которые, наверно, видят девушек, ловящих молодую форель...!'; *Kimi-wo matu Matura-nö ura-nö wotömera-pa...* (М, 865) 'Девушки в бухте Матура, которые ждут Вас...' (форме *matu* в СЯЯ соответствует форма длительного вида); *Öki juku pune-wo kapere tö ka* (М, 874) 'Уходящему в открытое море судну «Возвращайся» — так, наверно, [говорила]'

В речи о будущем: *Tarasipime kamï-nö mikötö-nö na turgasu tö mi-tatasi-serisi isi-wo tare miki* (М, 869) 'Кто видел камень, на который стала богиня Тарасипимэ, чтобы ловить рыбу?' (будущее в прошедшем); *Umasu töki-ni atarite...* (К, 191) 'Когда наступило время рожать...'; *Apu jösi-mö nasi* (М, 807) 'Нет возможности встретиться'; *A-ga tatinagëku iki tö sirimase* (М, 3580) 'Знай, [это будет мое] дыхание: я буду вздыхать [о тебе]'; ...*mi jako-made okurimawosite töbikaperu mönö* (М, 876) '[Ах, если б стать мне птицей!] До столицы проводив [тебя, я] прилетел бы назад' (гипотетичность); *Umu töki sakiku arazi* (К, 191) 'Когда буду рожать, [пусть роды] не пройдут благополучно [, если я тебе изменила]'; *Kuru töki tö imo-ga maturamu* (М, 3663) 'Наверно, любимая ждет, когда [я] приеду'; *Tatu tukï-götö-ni jökuru pi-mo arazi* (М, 3683) 'В каждом последующем месяце не будет дня, когда [я] буду отворачиваться [от тебя]'

Из этих примеров видно, что утверждение Е. М. Колпакчи о том, что бессуфиксальная форма (типа *toru*) в речи о будущем встречалась крайне редко [см. 6, 93], справедливо лишь в отношении заключительной формы.

Суффикс *-as-*, присоединяясь к корню глаголов 1-го спряжения (как переходных, так и непереходных), выражал почтение к производителю действия, выраженного глаголом (см. выше, *turasu* вместо *tur-u* 'ловить', *tatasi* вместо *tati* 'стоя', в речи о богине).

Определительная форма применялась не только в атрибутивной, но и в заключительной позиции при наличии в предложении восклицательной (*sö/zö*) или вопросительной (*ka, kamo, namo*) частицы: ...*kojete sö a-ga kuru* (М, 3589) '[Гору] перейдя, я прихожу'; *Amata jö sö nuru* (М, 3673) 'Много ночей сплю [в гавани]'; *Kökörö naki amë-nimo aru ka* (М, 3122) 'Бессердечный дождь!'; ...*apamu tö ipu-pa tare-naru ka* (М, 2916) '...тот, кто говорит «встретимся», кем является?'; *Amë-jori juki-nö nagarekuru kamo* (М, 822) 'С неба снег сыплется что ли?'

В ДЯЯ частицы *mo, tö, tömo* следовали за заключительной формой: *Tadu-ga köwe su mo* (М, 3595) 'Раздаются голоса журавлей'; *Na-ga ku tö [o]mopëba...* (М, 528) 'Так как думаю, что ты придешь...'; *Omopisinu tömö* (М, 683) 'Если даже [ты] умираешь от любви'; ...*te-nipa puru tömö* (М, 577) '...хотя [одежды] касались рук'.

Если в предложении имеются две частицы, одна из которых требует определительной формы сказуемого, а другая — заключительной, предпочтение отдается определительной.

При наличии в предложении частицы *kösö* 'а именно' конечный глагол принимал флексию *-ë/-e*: *Na-wo kösö omopë* (М, 622) 'Только о тебе думаю'; ...*apamu tö omopë kösö onö-ga inöti-wo nagaku pori-sure* (М, 2868) 'Раз ты думаешь встретиться... [значит, ты] хочешь продлить свою жизнь' (о *kösö* после срединной формы см. § 51).

При риторическом вопросе частица *ja* или *jamo* следует за формой глагола на *-ë/-e*: *Aburiposu pitö-mö are jamo* (М, 1698) 'Разве есть люди, которые сушили бы [одежду] над огнем?'; *Imo-ga kökoro-wo wasurete omopë ja* (М, 502) 'Разве [я] забуду о чувствах любимой?'; *Waga [o]mopi-wo pitö-ni sirure ja* (М, 591) 'Неужели [ты] рассказал людям о нашей любви?'

При *kösö* в конечной позиции глагол, особенно связочный, мог отсутствовать: *Kimi-wo mi-ni kösö* (М, 778) 'Тебя повидать [пришел]'; *Kimi-juwe-ni kösö [are]* (М, 1576) 'Только ради тебя [существует]'

При субстантивации спрягаемого слова оно принимало определительную форму (даже перед частицей *mö*). Ср. § 61.

Как определительная и заключительная формы, так и форма на *-ë* относились к изъявительному наклонению (с нулевым показателем).

§ 37. Страдательный залог

подавляющее большинство глагольных форм в текстах памятников представляют собой формы действительного залога с нулевым показателем. Применение страдательного залога было крайне ограниченным, а побудительный залог еще только зарождался. Суффиксы залогов присоединяются к корню, предшествуя видо-временным и модальным показателям.

Страдательный залог в ДЯЯ в отличие от языка последующих эпох, когда его формальной приметой остался только суффикс *-ar-* (см. § 19), в 1-м спряжении имел формант *-aj/-oj-*, а в 3-м и 4-м — *-raj-*. В СЯЯ остались только две лексикализовавшиеся формы с суффиксом *-aj-*: *iw-aj-uru* 'так называемый' (от *ip-u* 'говорить') и *ar-aj-uru* 'всевозможные' (от *ar-u* 'быть').

В предложениях со сказуемым-глаголом в страдательном залоге подлежащее (или слово-тема) обозначает лицо, подвергнувшееся действию: *A-pa potöpotö (>СЯ hotondo azamuka jeturu kamo* (К, 294) 'Я чуть было не оказался обманутым'. Имя, обозначающее деятеля, ставится в дательном падеже (суффикс *-ni*): *Ka jukëba pitö-ni itöpa je, kaku jukëba pitö-ni nikuma je* (М, 804) '[Старик] туда пойдет, — людьми нелюбим, сюда пойдет, — людьми ненавидим'.

Разумеется, не каждое косвенное дополнение с *-ni* в таких предложениях обозначало непременно деятеля: *Mi-tömö-ni tukapasa jetaru mikotati...* (К, 305) 'Лица, посланные в его свиту...' (а не 'Лица, посланные его свитой...').

Считается, что в классическом ЯЯ глагол в страдательном залоге выражал действие одушевленного предмета; предмет, подвергавшийся воздействию, также был одушевленным.

И в ДЯЯ в предложениях со страдательным залогом в большинстве случаев речь идет об одушевленном предмете: *Jasö-nö kamī-ni poröbosajenatu* (К, 118) 'Наверно, [ты] будешь убит восемьюдесятью богами'. Однако встречались и предложения, в которых речь идет о неодушевленном предмете: *Sönö ja... iagërajete...* (К, 157) 'Эта стрела... направленная вверх...'; *Parobaro-ni otopojuru kamo... Tukusi-nö kuni-pa* (М, 866) 'Очень далекой кажется... страна Тукуси' (инверсия); *Sönö isi-ni jaki tukajete, miusetamapiki* (К, 118) букв. 'Этим камнем обожженный и ударенный, [он] скончался' (страдательный залог принимает второй из двух глаголов, обозначающих воспринимаемое действие).

Разумеется, деятель вообще может не упоминаться в данном предложении: *Mina semëtasinamërajete...* (К, 282) 'Все, теснимые [врагами]...'; *Kare, körösa jetamaperu kamī-nö mī-ni...* (К, 101) 'И вот из тела убитой богини...'

Форма на *-aj/-oj-* от глаголов мысли и чувства нередко

имела значение самопроизвольно возникающего действия: *Uri pamēba kodōtō otōpoju, kuri pamēba masite sinupaju* (М, 802) 'Когда дыню ем,— о детях думаю (букв. дети думаются); когда каштаны ем,— еще больше тоскую (букв. тоскуется)'.⁷

Некоторые глаголы в страдательном залоге могут трактоваться как имеющие потенциальное значение: *Miru-ni sirajenu umabitō-nō ko tō* (М, 853) 'Но по [их] виду [я] смог понять, что [это] дети знатных людей'; *Imo-wo otopi i-nō nerajenu ni...* (М, 3678) 'Когда, думая о любимой, не могу заснуть (букв. сон не спится)...'; *Kimi-ga kōkōrō-pa wasurajumasaki* (М, 4482) 'А твои чувства, наверно, не смогут быть забыты' (страдательное значение не исчезает, а лишь дополняется потенциальным).

Примечание. Другим средством выражения потенциальности служил префикс *e-* (этимологически — срединная форма глагола *u* 'мочь'), присоединяемый к глаголам разных наклонений: а) изъявительного — *Sakobune-nō e-jukite patemu kapatu si stopoju* (М, 2091) 'Вспоминается [мне] речная пристань; куда может подойти и стать на якорь небольшое судно'; б) предположительного — *Tabine e-semē ja nagaki kōnō jo-wo* (М, 3152) 'Разве [я] смогу prospать в дороге такую длинную ночь?'; в) отрицательного — *Ima a-ga asi e-ajumazu* (J, 139) 'Сейчас мои ноги не ходят'. Префикс *e-* чаще оформлял глаголы в негативных наклонениях.

Если объектом действия был неодушевленный предмет или часть тела, слово, называющее этот объект, может выступать не только в роли подлежащего, но и прямого дополнения (ср. украинскую конструкцию типа *корову вбито*, возможную, правда, лишь в безличном предложении): *Asari-site pirabukapi-ni te-wo kupiapasajete...* (J, 625) 'Когда [он] ловил рыбу, [его] рука была стиснута раковиной моллюска...' (букв. 'Ловя рыбу, моллюском пирабу руку будучи схвачен...'). Из-за отсутствия в японском глаголе показателей лица нельзя установить, относится ли глагол в страдательном залоге к подлежащему-лицу или к дополнению — части тела).

Реже, чем суффикс *-aj-*, в памятниках встречается суффикс пассива *-ar-* (присоединяемый к глаголам 1-го спряжения и неправильным глаголам типа *ari* и *sinu*): *Morōkosi-nō tōpoki sakapi-ni tukapasare makariimase* (М, 894) 'Пусть [ты] будешь послан и поедешь к далеким границам Китая!'; *Wotōkonōmī titi-nō na-wo opite womina-pa iparenu mōnō-ni are ja* (Мп, 13; J, 810—811) 'Только мужчины принимают имя отца; женщины же пусть будут существами неназываемыми'.

Форма страдательного залога с суффиксом *-ar-* могла иметь и потенциальный оттенок значения: *Nōmu midu-ni kagō-sapē mijete jō-ni wasurarezu* (М, 4322) 'В воде, которую [она] пьет, появляется [ее] отражение, и в мире [она] не может быть забыта'.

Форма с *-ar-* иногда выражала самопроизвольно возникающее действие: *Ko-ra-ra kahasiki otoraruru kato* (М, 3372) 'О милой думается с любовью'.

Как видно из примеров, помимо суффикса *-ar-* глаголы в страдательном залоге принимали окончания глаголов 4-го спряжения.

§ 38. Побудительный залог

Форма побудительного залога образовывалась суффиксом *-sim-*, который присоединялся к основе на *-a-* глаголов 1-го спряжения и неправильных глаголов типа *ari* и *sinu*, либо к срединной основе глаголов остальных спряжений [у неправильных глаголов *su* и *ku* суффикс присоединялся к основам *se* и *kō-* (см. § 44)].

Формы этого залога выражали побуждение в широком смысле, т. е. не дифференцировали грамматически значений «заставить», «повелеть», «дать возможность». Категорией побудительного залога обладали как переходные, так и непереходные глаголы: *Sōnō tōri-wo tōrasimēki* (К, 300) 'Велели [ему] поймать эту птицу'; *Tukuriikasasimētamaru* (К, 118) 'Приказал воскресить [его]'; *Sōnō pēmi-nō muro-ja-ni nesimētamapiki* (К, 122) 'И уложил [его] спать в этой комнате со змеями'; *Sōnō ja-wo tōrasimētamaru* (К, 122) 'Заставил [его] подбирать эти стрелы'; *Midu-wo esimē-jō* (К, 196) 'Дай [мне попить] воды' (*e-simē-jō* от *u* 'получать'); *Pisasiku tōdōmaru juwe-wo topasimēmi* (К, 156) 'Давайте поручим [ему] узнать причину, из-за которой [тот] так долго задерживается'; *Imoga te-wo ware-ni makasimē, wa-ga te-wo ba imō-ni makasimē* (J, 369) 'Дать ли милой подложить руку мне под голову, а мне — подложить руку под ее голову?'; *Jado-nō umē-nō tirisuguru made misimēzu arikeru* (М, 4496) 'Не дал полюбоваться цветами сливы у дома, пока они не опали полностью'; *Kōchō tukasa-wo ba sadukētamazuru tō sirasimuru kōtō ezu* (Мп, 26; J, 369) '[Чиновников] не положено извещать о том, что [им] не пожаловали этот чин' (*sirasimuru* < *sir-u* 'ведать').

Считают, что в ДЯЯ форма побудительного залога с суффиксом *-sim-* еще не выражала почтения к деятелю [см. J, 369]. Встречаются лишь единичные случаи, в которых форма побудительного залога передает это значение: *Tune-ni nagatē-wo pēsime... mōlōomōpasimētamapiki* (К, 318) 'Долго изволил смотреть вдаль... и страдать в душе'.

Японские лингвисты считают *-simu* «вспомогательным глаголом». Однако в ЯЯ вспомогательные глаголы присоединяются к срединной форме, а не к форме на *-a* (как *simu*), которая самостоятельно не употребляется. Следовательно, *-sim-* уже в ДЯЯ было суффиксом.

Этимологически *sim-u* связано с глаголами *simes-u* 'указывать', *sim-u* 'притеснять' (ср. и *sip-u* 'заставлять').

Глаголы, оформленные суффиксом *-as-* и флексиями 4-го спряжения, обычно представляли собой вежливые формы действительного залога (см. § 36), но в отдельных случаях они обладали уже и побудительным значением: ...*kisemasi-wo* (J, 390) букв. '...хотелось дать [сосне] одеться'.

§ 39. Срединные формы предикативов

Японские глаголы и прилагательные в срединной позиции (где они выступают в роли непоследнего сказуемого слитного или сложного предложения) всегда принимают ту или иную срединную форму, морфологически отличающуюся от заключительной и определительной (лишь неправильные глаголы типа *ar-i* имели одинаковую флексию *-i* в срединной и конечной позициях). К срединным формам ДЯЯ относились: соединительные формы, условно-временно-причинные и уступительные деепричастия от глаголов и прилагательных, а также причинные деепричастия на *-mi* от прилагательных.

Соединительные формы глаголов выступали в роли непоследних однородных сказуемых. Глаголы 1-го и 2-го спряжений в соединительной форме оканчивались на *-i*, 3-го — на *-ī*, 4-го — на *-ē*: *Jo akasi-mō pune-pa kōgi jukana. Mitu-nō Ramamatu mati kopīnu-ramu* (M, 3721) 'Хочу поехать на лодке (букв. **гребя**, ехать хочу), хотя бы [мне] пришлось грести всю ночь. Ведь в «Береговых соснах» в Миту [меня], наверно, ждут с любовью (букв. ...**ожидая**, любят)'.

Хотя соединительная форма нередко переводится русским деепричастием, в ДЯЯ это не деепричастие. Она может иметь свое подлежащее — не то, что у конечного сказуемого, может выражать одинаково важное действие. Распространяются ли грамматические значения (модальные, временные, видовые) конечного глагола на соединительную форму? Следует ли понимать *kōgi jukana* как 'хочу грести, хочу ехать' или только 'гребя, хочу ехать'? Можно ли утверждать, что в *kopī kituru* (M, 3718) 'любя, приехал' значение законченности, придаваемое суффиксом *-uru* глаголу *ki* 'приехал', распространяется и на *kopī* 'любя'? Видимо, нет, так как поездка уже завершена, а любовь, наверно, не прошла.

Думается, что соединительная форма указывает на одновременность двух действий и известную их «равноправность». Эта же синтетическая форма используется и в роли основы при образовании сложных глаголов, у которых спрягается только второй компонент: *Tajutapi kureba...* (M, 3716) букв. 'Когда приехал, скитаясь...'. В таких случаях трудно установить, что перед нами: сложный глагол или два одно-

родных сказуемых к одному подлежащему. Но если соединительная форма стоит в конце стиха, она, отделяясь от следующего глагола паузой, несомненно является самостоятельным сказуемым.

Для указания на одновременное, нередко длительное, но менее важное, побочное действие применялась форма деепричастия одновременности с суффиксом *-tutu*, присоединяемым к срединной основе: *Sita-jo papētutu juku-pa ta-ga tuma* (К III, 268) 'Уходя от [меня,] низкой, уезжает чей муж?'; *Umě-nō siduje-ni asobitutu ugupisu naku mo* (М, 842) 'В нижних ветвях сливы порхая, камышевка поет'; *Pitōri mitutu-ja parupi kurasamu* (М, 818) 'Неужели [мне] придется провести весенний день, любуясь [цветами] в одиночестве?'; ...*nakitutu magēba...* (К, 118) '...когда просил рыдая...'; *Umě-nō pana tiraku-pa iduku sika suga-ni kōnō kī-nō jama-ni juki-pa puritutu* (М, 823) 'Цветы сливы опадают, [но] где? Ведь на этой горе у замка снег идет' (перестановка придаточного и главного предложений, имеющих разные подлежащие). Форма на *-tutu* может употребляться в речи как о настоящем, так и о прошлом и будущем. По наклонениям она не изменяется.

К формам, указывающим на одновременность, относится и деепричастие с суффиксом *-nagara*, обозначающее, что «действие протекает само собой, а не является вынужденным» (J, 515): *Kare tama tukēnagara Tōjōtamabime-nō mikōtō-ni tatematuriki* (К, 196) 'И отдала [кувшин] с драгоценностями (букв. драгоценности [в кувшине] держа) принцессе Тоётама'; *Kōre, apanatanu juweni irenagara motimawikite tatematurinu* (К, 196) '[Я] не могла извлечь [их из кувшина], поэтому и принесла [их в нем] (букв. вкладывая, принесла)'; *Sika-nō pusuramu kapakōrōmō kite tuno tukinagara* (М, 3884) 'Наверно, лежит, словно олень, надев одежду из шкуры с рогами (букв. рога выставляя)' (суффикс *-nagara* может агглютинироваться и к именам: *Kamunagara kamusabi imasu* (М, 813) '[Священный камень], как бог пребывает, [покрываясь] божественной патиной').

Реже других форм, указывающих на одновременное второстепенное действие, применялась форма, состоявшая из соединительной основы глагола *matu* 'ждать' или *miru* 'видеть' и суффикса *-gateri* (<*kati+ari*): *kimi matigateri* (М, 370) 'ожидая тебя'; *Jamanōbe-nō mi-wi-wo migateri...* (М, 81) 'Глядя на источник у горы...'. Лишь в двух случаях зафиксирован суффикс *-gatera* [см. J, 201].

В системе срединных форм соединительная форма на *-i/-i/-e* и деепричастная соединительная форма на *-tutu* противопоставляются деепричастной форме на *-te*, указывающей на предшествование в речи о прошлом, настоящем или бу-

дущем. Деепричастие на *-te*, пожалуй, самая распространенная срединная форма. В стихах «Манъё:сю:» она применена 1559 раз. Считается, что *-te* было срединной формой сложного суффикса завершённого вида *-tu* (в заключительной форме)/*-turu* (в определительной форме, см. § 55). Но лишь часть форм на *-te* в потоке речи имеют значение завершенности: *Mō-nō suso nurete aju-ka tururamu* (М, 861) 'Подол юбки намочив (букв. **намокнув**), форелей, наверно, ловит'; *...tō ipite sinubite kobune-ni nōrite nigēwatari kite Nanipa-ni namō tōdōmarikeru* (К II, 222) букв. '...так **сказав**, скрытно в маленькую лодку **сев**, быстро переправляясь, **приплыв**, в Нанива остановилась' (*sinubite* 'скрытно', подобно многим другим деепричастиям в форме на *-te*, превратилось в наречие, перестав выражать временные отношения; см. § 21).

Условно-временнó-причинные деепричастия образуются одинаково от глаголов всех спряжений и имеют следующий состав: корень (у глаголов 1-го спряжения и типа *ari*) или основа с суффиксом *-r-* (у глаголов 2-го, 3-го и 4-го спряжений и неправильных глаголов)+окончание условной основы *-ē-* (у глаголов 1-го спряжения с корнем на *-k-*, *-g-*, *-p-*, *-b-*, *-m-*) или *-e-* (у глаголов 1-го спряжения на *-r-*, *-s-*, *-t-*, *-w-* и глаголов всех остальных спряжений)+суффикс *-ba* (~монг. *-басу/-бал*, нан. *пару*). Они обладали нерасчлененным условно-временнó-причинным значением и могли применяться в речи о прошлом, настоящем, о постоянно повторяющихся действиях и (лишь изредка) в речи о будущем.

Речь о прошлом: *Sōnō mikesi-wo tōreba mi-sō sunapati jaburenu* (К, 294) 'Когда схватили ее за платье, рукава сразу же порвались'; *...tatakapēba ware-pa-ja wenu* (К, 228) '...сражаясь, я проголодался'.

Речь о настоящем: *Paru-nareba...* (М, 831) 'Так как [сейчас] весна...'; *...ijedi-wo kapesaku torēba* (М, 631) 'Когда думаю, что [ты] велела [мне] возвращаться домой...'; *Kimi-wo si torēba...* (М, 607) 'Так как думаю о тебе...'. Если за формой этого деепричастия следует частица, *-ba* иногда могло отсутствовать: *Ija masi-ni otorē-ka...* (М, 617) 'Оттого ли, что все больше думаю [о тебе]...'; *mitaku pore kamo* (М, 686) '...оттого ли, что хочу увидеть [тебя]?'; *Apida-naku kopure nika aramu* (М, 621) 'Наверно, оттого, что беспрестанно тоскую'.

Речь о повторяющихся действиях: *Mōrōpitō-nō asobu-wo mireba...* (М, 843) 'Когда вижу, что люди веселятся...'; *...pitōri nereba ka* (М, 3683) 'Оттого ли, что сплю один?'

Речь о будущем: *Jupi sareba kaze pukamu tō zō* (К, 240) 'Когда наступит вечер, подует ветер!'; *Jo-pa akēba akēnutōmō* (М, 3662) 'Если скоро рассветет, ну и пусть'; *Are midu-wo sireba...* (К, 199) 'Так как ты будешь ведать водой...'

Деепричастная форма на *-ēba* относится к изъявительному наклонению (ср. форму на *-aba* предположительного наклонения, см. § 41) и по своему строению, и по значению, и по употребительности (как и конечные изъявительные формы, она применялась в основном в речи о настоящем и прошлом). Всего форм на *-ba* в стихах «Манъё:сю:» насчитывается 1418.

Уступительные деепричастия состоят из корня + *-ē/-e* + суффикс *-dō[mō]*. Форм на *-dō* в стихах «Манъё:сю:» 294, на *-dōmō* — 209. Присоединение *-mo* является факультативным на протяжении всей истории этой формы в ЯЯ. Эти деепричастия употреблялись, как правило, в речи о настоящем и прошлом, лишь изредка — в речи о будущем.

В речи о настоящем: *Kapara miredō [a]kanu kamo* (M, 1725) 'Хотя смотрю на долину реки, никак не могу наглядеться'; *Kōkōrō-nipa wasururu pi naku omopēdōmō...* (M, 647) 'Хотя [я] тоскую, в душе ни дня [не] забывая [о тебе]...'; *Kazu-nimo aranu mi-nipa aredō...* (M, 903) 'Хотя [я такой низкий] человек, что даже не иду в счет...'

В речи о прошлом: *Mitōse sumitamapēdōmō...* (K, 199) 'Хотя [он] прожил у нас три года...' (и продолжает жить сейчас); *Imo-tō arisi tōki-pa aredōmō* (M, 3591) 'Хотя было время, когда [я] был с милой...' (но сейчас мы разлучены); *Ware Idusi wotōme kōpēdōmō e-ezu* (K II, 225) 'Хотя я просил [руки] Идуси, но не смог получить [ее в жены]'; *Parusamē-nō jōkuredō ware-wo nurasaku...* (M, 1697) 'Весенний дождь, хотя [я] и укрывался [от него], меня поливает...'

Речь о будущем: *Amē puri kaze pukēdōmō...* (K, 188) 'Если бы даже пошел дождь и подул ветер...'; *Kimi-woba matamu... waga kurokami-ni simo-pa puredōmo* (M, 89) 'Тебя [я] буду ждать... если даже на мои черные волосы выпадет иней'; *...jukaba kimi-ga na-pa aredō waga na si wosi mo* (M, 93) '...хотя, когда [ты] уйдешь, твое имя останется [славным], мое имя будет [достойно] жалости'.

Частица *mo* может присоединяться не только к деепричастиям на *-dō*, но и к другим деепричастиям (на *-tutu*, на *-nagara* и на *-te*), придавая им обычно уступительное значение. Всего *mo* встретилось в стихах «Манъё:сю:» 1451 раз [считая и употребление после имен, но не считая применения в составе сложных частиц — *kamo* (685 раз), *-dōmo* (см. выше) и *tōmo* (230 раз)]. Примеры: *...sōnō kakimamitapisi mi-kōkōrō-wo uramitutu-mo...* (K, 206) '...Хотя и злилась [на него] за то, что он подсматривал...'; *Aritutu-mo kimi-woba matamu* (M, 87) 'Пока [я] жива, буду тебя ждать' (уступительности нет).

Форма на *-ēdō[mo]*, как правило, выражала одновременное действие: *Tōki matu tō ware-pa omopēdō tukī sō pēnikeru* (M, 3679) 'Пока я думал, что [на корабле] ждут [удобного] времени, прошел целый месяц'.

Переходим к срединным формам прилагательных.

В соединительной форме прилагательные оканчивались на *-ku*: *Kökö-ni Takama-nö para mäna kuraku, Asipara-nö naka-tu-kuni kötögötö-ni kurasi* (К, 90) 'И вот на Равнине высокого неба [стало] темно, и вся Страна меж тростниковых равнин потемнела (букв. темна)'. Иначе говоря, на *-ku* оформлялось срединное сказуемое-прилагательное.

В позиции перед глаголом прилагательные всегда оканчивались на *-ku*: *Kë nagaku narinu* (М, 867) 'Прошло много дней' (букв. 'дни долгими стали'); *Möröpitö-pa keru-nö apida-pa tanosiku aru-bësi* (М, 832) 'Сегодня все, наверно, будут веселы' (последний стих — *tanosiku aru-bësi* — записан восемью знаками, хотя произносилось, видимо, семь слогов, т. е. прилагательное на *-ku* сливалось с глаголом бытия в одно сложное слово — *tanosikaru*, тем самым приобретая возможность принимать ряд формантов наклонений и видов).

К форме на *-ku* может присоединяться та или иная частица: *Kamï si kötöwari naku-pa kösö...* (М, 605) 'Если бы у богов не было справедливости...'; *Könö körö-pa ikani sakiku ja* (М, 648) 'Ну как, счастливо ли [ты жила] все это время?'; *Awona-mö Kibïpitö-tö tömö-ni si tumëba tanosiku-mö aru ka* (К III, 268) 'Ведь приятно же рвать (букв. когда рвешь) зелень вместе с девушкой из Кибы?'.

Форма прилагательных на *-ku* могла принимать суффикс *-te* или *-site* (деепричастную форму от глагола *su* 'делать'): *...püne-pa sawö kadï-mö nakute sabusi-mö* (М, 260) '...у лодок нет [ни] шестов, ни весел, так что [вокруг] пустынно!'; *ïpedöpku-site* (М, 3715) 'вдали от дома' (букв. 'дом далеко деля').

Уступительное деепричастие на *-edö[mö]* от прилагательных встречалось еще редко (ср. более позднюю форму на *-eredo[mö]*): *Inöti wosikedö...* (М, 804) 'Хотя жизни жалко...' (*-e-*, а не *-ë-*, как у глаголов!); *Jama-pa sagasikedö...* (К III, 278) 'Хотя гора и крута...'; *Kasikokedö...* (М, 1334) 'Хотя [кручи] страшные...'.

Условно-временно-причинное деепричастие от прилагательных для ДЯЯ нехарактерно. Примеры редки: *Kosima-nö kamï-nö kasikokeba...* (М, 1310) 'Так как бог Косима грозен...'.

О прилагательных на *-keku* см. § 61.

Довольно распространенным было причинное деепричастие на *-mi*: *Tabi juku kimi-wo utukusimi tagupite sö kösi* (М, 566) 'Ты, идущий в далекий путь, [мне] симпатичен; вот почему [я] проводил [тебя]'; *Pitömë-wo sigëmi...* (М, 597) 'Так много глаз людских [везде], что...'; *Kaze-wo itami...* (М, 1246) 'Из-за сильного ветра...'.

ИРРЕАЛЬНЫЕ НАКЛОНЕНИЯ (С ОСНОВОЙ НА *-a-* У ГЛАГОЛОВ 1-го СПРЯЖЕНИЯ)

§ 40. Общая характеристика

Ирреальные наклонения обозначают действие, совершение которого не связано с настоящим или прошлым: а) то ли потому, что оно вообще не имеет места (отрицательное наклонение, см. § 44), б) то ли потому, что о его совершении достоверных сведений не имеется и его можно лишь предполагать (предположительное наклонение, см. § 41), в) то ли потому, что оно представляется лишь желательным (пожелательные наклонения, см. §§ 42 и 43).

Особенно часто ирреальные наклонения употреблялись в речи о будущем, которое мыслилось лишь предполагаемым, желаемым и т. п.

Разные ирреальные наклонения обладали формальной общностью — общей основой с окончанием *-a-* у глаголов 1-го спряжения, а также у неправильных глаголов типа *ari* и *sinu*; общей основой для всех ирреальных наклонений у неправильного глагола *si* 'делать' было *se-* (изредка *sö-*), у *ku* 'приходить' — *kö-*. Самостоятельно такие основы не употребляются.

Глаголы 2-го, 3-го и 4-го спряжений агглютинировали суффиксы ирреальных наклонений к соединительной основе.

§ 41. Предположительное наклонение (формы на *-mi*, *-kemi*, *-nikemi*, *-nami* и *-temu*)

Глаголы, снабженные формантом данного наклонения *-m-*, за которым обычно следовало окончание заключительной формы *-u*, относились к 1-му спряжению, т. е. употреблялись как в заключительной, так и в определительной позиции. Средних форм не было. Предположительное наклонение применялось в основном в речи о будущем, гораздо реже — в речи о прошлом и настоящем.

Речь о будущем: *Akikaze-nö pukamu sönö tukī apami mönö juwe* (M, 3586) 'Ведь мы встретимся в том месяце, когда будет дуть осенний ветер'; *Ika-ni aramu pi-nö töki-ni kamö köwe siramu pitö-nö piza-nö pë a-ga makurakamu* (M, 810) 'В какой же грядущий день и час я буду лежать на коленях человека, который будет понимать музыку (букв. голоса)?' (говорит лютня).

Предположительное наклонение могло образовываться и от основы совершенного вида на *-te*: *Imasi könö wotöme-wo etemu ja — Jasuku etemu* (K II, 225) 'А ты эту девушку получишь [в жены]? — Легко получу'.

При риторическом вопросе с конечной частицей *jamö*, а также при наличии в предложении частицы *kösö* ('а именно'),

конечное *-i* в форме на *-mi* менялось на *-ē*: *Sapari aramē jamō* (М, 3583) 'Разве будут какие-нибудь препятствия?'; *Na-ni semu ni masareru takara ko-ni sikamē jamō* (М, 803) 'Разве ценности, которые превосходят что бы то ни было, смогут сравниться с детьми?'

В СЯЯ форма на *-o/-jo*., восходящая к форме на *-mi*, может употребляться только в речи о действиях 1-го лица. В древнейших текстах имеются аналогичные примеры.

Говорящий предлагает совершить действие сам: *Napo kanō mōtō-nō pari-wo emi* (К III, 137) 'Давай [я] возьму лучше тот прежний крючок'; *Tatu-nō ma-wo are-pa mōtōmēmi* (М, 808) 'Я нашел бы лошадь-дракона'; *...tō ...tōwo ika-nika wakamu* (М, 826) '...как [мне] разобраться в [том, что лучше]...'; *Are tōkamē jamō* (М, 3585) 'Разве я развяжу?'

Говорящий предлагает собеседнику совершить совместное действие: *Tikarakurabē-semu* (К, 168) 'Давай-ка померимся силами!'; *Imē-ni si mijemu* (М, 809) 'Давай увидимся хотя бы во сне!'; *...kaku si-kōsō umē-wo kazasite tanosiku nōtamē* (М, 833) '...так именно и будем делать: украсив волосы цветами сливы, будем весело выпивать'; *Kōre tukapasitemu* (К, 153) 'Давайте пошлем его'.

Речь о прошлом: *Imo-wo imē-ni dani piasiku mimu wo akēnikeru kamō* (М, 3714) 'Пока [я] долго надеялся, что увижу милую хотя бы во сне, рассвело'.

В речи о прошлом форма на *-mi* (в главном предложении) не употреблялась, но *-mi* входило в состав сложных суффиксов *-ketu*, *-niketu*, *-namu* и *-temu*, привнося модальное значение предположения.

Сложный формант *-ketu* обозначал вероятность в речи о прошлом: *Tadamī kamō ajamati-siketu* (М, 3688) 'Наверно, и он сам совершил какой-либо проступок' (отчего он и погиб); *Tarasipime tirine pateketu Matura-nō umi...* (М, 3685) 'Море в Матура, где, возможно, бросал якорь корабль Тарасипимэ...'. Формант *-ketu* мог присоединяться и к основе совершенного вида на *-ni*: *Akipagī susuki tiriniketu kamo* (М, 3681) '[Листья] осенней леспедецы и мисканта, наверно, опали'.

При риторическом вопросе конечное *-i* в *-ketu* менялось на *-ē*: *Sabusiketē jamō* (М, 878) 'Разве [это] будет печально?'

Уже в ДЯЯ существовали следующие устойчивые грамматические конструкции: «форма на *-mi+tō+otori* 'думать (намереваться) сделать'»; «форма на *-mi+tō+su* 'собираться сделать'». Они могли относиться к действиям любого лица, причем форма на *-mi* всегда обозначала последующее действие, а намерение, обозначаемое вторым глаголом, могло относиться к любому времени: *Are imasi-ni magupapi-semu tō otōri-pa ika-ni* (К, 188) 'Я думаю сочетаться с тобой, а [ты]

как?'; *A-ga miko-nō amorimasamu tō suru miti...* (K, 175) 'Дорога, по которой мой сын собирается спуститься с неба...'; *Kaze pukamu tō su* (K, 240) 'Вот-вот подует ветер'; *Jukamu tō suru-ni... wakare-suru kimi* (M, 3694) 'Ты, который скончался (букв. расстается), когда собирался уезжать...' (одновременность действий в речи о прошлом).

Ирреальная основа *-na-* (от *-nu*, показателя совершенного вида) в сочетании с *-mi* образовывала форму на *-namu*, относившуюся в основном к будущему: *Inōti suginamu* (K, 213) 'Моя жизнь вот-вот пройдет'; *Uminamu tō su* (K, 204) 'Собираюсь родить'; *Wasurasinamu ka* (M, 877) '[Вы.] наверно, забудете [нас]?'; *Momitiba-nō tirinamu jama-ni...* (M, 3693) 'На горе, где, наверно, опадают листья клена...' (речь о настоящем).

От основы совершенного вида + суффикс *-mi* образовывалась форма на *-temu*: *Kimi-ga tukapi-wo mati ja kanetemu* (M, 619) 'Дождусь ли [я] твоего гонца?'; *...kisetemu tō kamo natugusa karu mo* (M, 1272) '...верно, чтоб одеть [меня], косит летнюю траву'.

В речи о будущих и гипотетических процессах нередко применялась условно-временная форма на *-ba*, которая в отличие от формы на *-ba* изъявительного наклонения (см. § 39) образовывалась: от основы на *-a-* (у глаголов 1-го спряжения и неправильных глаголов типа *ari* и *sinu*), от соединительной основы (у глаголов остальных спряжений) и от основы *se-* и *kō-* (у глаголов *su* и *ku* соответственно).

В речи о будущем: *Masakiku araba mata kaperi mimu* (M, 141) 'Если всё будет благополучно, снова вернемся [сюда] и увидим'; *Paru saraba...* (M, 835) 'Когда наступит весна...'; *Uta-wo kikaba...* (K, 225) 'Когда услышите песню...'; *Otopanu wo otori tō ipaba...* (M, 561) 'Если скажешь «люблю», хотя и не любишь...'; *Ija tōpo-ni kimi-ga imasaba arikatumasizi* (M, 610) 'Если [ты] будешь гораздо дальше, [я] не смогу существовать'.

В речи о гипотетических (реально не осуществимых) действиях: *Tama-naraba te-ni maki motite kinu-naraba nuku tōki-mo naku* (M, 150) 'Если бы [ты] был яшмой, [я] надела бы [тебя] на руки, если бы [ты] был шелками, [я носила бы их] не снимая'; *Tuma-mo araba tumite tagēmasi* (M, 221) 'Если бы [с ним] была жена, [она] нарвала бы [трав и он] поел бы (и не умер с голоду)'; *Kōnō jō-ni si tanosiku araba...* (M, 348) 'Лишь бы жить радостно в этом мире...'; *Jaso kumasaka-ni tamukē seba...* (M, 427) 'Если бы на изгибах горных дорог [я] приносил бы жертвы...'; *Mijako miba...* (M, 848) 'Если бы [я] увидел столицу...'; *Kōnō jupube tumi-nō sa-jeda-nō nagare kōba...* (M, 386) 'Если бы этим вечером приплыла сюда ветка дикой шелковицы...'.

§ 42. Пожелательное наклонение (формы на *-na* и *-tena*)

В основном относилось к действиям 1-го лица: *Onōtōonōtō ukēpīte mi-ko utana* (К, 79) 'Пусть каждый из нас (двоих), произнеся заклятье, родит детей'; *Awojagi-wo kadura-ni situtu asobikurasana* (М, 825) 'Хочу веселиться дотемна, сплетая зеленые [ветви] ив в венки'; *Okitu siratama piripite jukana* (М, 3614) 'Хочу набрать морских жемчужин и пойти к милой'; *Ima aru apida-pa tanosiku-wo arana* (М, 349) 'Будем же веселы, пока длится [наше] время!'; *Ima-pa kōgiidena* (М, 8) 'Теперь поплывем [на лодке]!'

Суффикс *-na* мог присоединяться и к форманту соединительной основы завершеного вида *-te*: *Umē-nō pana... kazasi-ni sitena* (М, 820) 'Давайте воткнем в волосы... цветы сливы!'; *Tamato karitena* (М, 1157) 'Хочу выкосить жемчужные водоросли'.

Все примеры на пожелание, чтобы действие совершило 3-е лицо, относятся к действиям богов: *Miti-nō naka kuni-tumikami-pa... kimi-wo tēgumi tamapana* (М, 3930) 'Пусть земные боги хранят тебя... в пути'.

Форма на *-na* применялась редко, видимо, потому, что ее употребление для выражения вполне осуществимого пожелания вступало в противоречие с общим ирреальным значением основы на *-a*, от которой она была образована. Это привело к тому, что в XIII в. появилось новое наклонение — желательное, форма которого состоит из соединительной основы и суффикса *-tasi*, а форма на *-na* вышла из употребления.

§ 43. Нереально-желательное наклонение (форма на *-masi*)

Как правило, выражало неосуществимое желание: *...tuki-ni aramaseba, ire-naru imo-ni apite kōmasi-wo* (М, 3671) '...если бы даже [я] был на луне, [я] хотел бы встретиться с милой, находящейся дома'; *Umē-nō pana-nimo naramasi monō-wo* (М, 819) '[Я] хотел бы стать хотя бы цветами сливы, но увы!'; *Misemasi monō-wo* (М, 3635) 'Хотел бы показать' (но слишком далеко); *Wagimoko-ga nagēki-nō kīri-ni akamasi monō-wo* (М, 3616) '[Я] хотел бы надыхаться туманом от вздохов любимой'; *...keru-to kamo topitamapamasi asu-to kamo mesitamapamasi* (М, 159) 'Неужели и сегодня Вы соизволите посетить [кленовый лес], и неужели и завтра Вы будете любоваться [им]?'; *Api-mizu-pa kopizaramasi wo* (М, 586) 'Если не встречаются, то, верно, и не любят'.

В ДЯЯ зарегистрированы две основы этого наклонения: *-mase-* (ирреальная) и *-masi* (конечная) [см. J, 673]. Возможно, что *-masi* этимологически связано с *-mi* (§ 41) и *-zi* (§ 45).

§ 44. Отрицательное наклонение (формы на *-zu* и *-kerazu*)

Отрицательное наклонение принимало ту или иную форму в зависимости от синтаксической позиции, например: *arazu* — в финитной и срединной позициях, *aranu* — в определительной позиции и т. д.

Похоже на то, что форманты *-zu* и *-nu* имеют супплетивный характер: наряду со срединным *-zu*, которое преобладает, были и формы типа *sirani* (М, 794) 'не зная', т. е. для более древнего периода восстанавливается следующая парадигма: ирреальной основы нет, срединная форма — *sirani*, определительная — *siranu*, заключительная — *siranisu* (>*siransu*>*siranzu*>*sirazu*), условная основа — *sirane*-. Но в текстах VIII в. гораздо чаще в роли срединной и заключительной форм выступало *sirazu* [см. М I, 98]. Очевидна аналогия с глаголом *ari* 'быть': и наличие и отрицание одинаково выражались в срединной и заключительной позициях.

Отрицательные формы широко применялись в речи как о настоящем, так и о прошлом и будущем.

Речь о настоящем: *Kuni-nō naka-ni kēburi tatazu*, *kuni mīna madusi* (К III, 267) 'В стране дым [из очагов] не поднимается, — [значит,] страна вся бедна'; *Kōtō tōpanu kī...* (М, 811) 'Безгласное (букв. слов не спрашивающее) дерево...'; *Mīna «sirazu» tō mawosiki* (К, 144) 'Все сказали: «Не знаем»'; *...tō ipazu ja* (М, 160) 'Разве не говорят, что...'; *Miko-nō mijapitō juku pe sirazu mo* (М, 167) 'Свита [покойного] принца не знает, куда направиться'; *Waga seko-pa api[ō]morazu tōmo...* (М, 615) 'Хотя мой милый и не отвечает [мне] взаимностью...'; *Tōri-ni si araneba...* (М, 893) 'Так как [я] не птица...'; *Pitō kōsō sirane* (М, 145) 'Не знают только люди'; *Tagi-nō siranami siranedōmo...* (М, 313) 'О, седые волны быстрины! Хотя [я] и не знаю [древности]...' [*-nedōmo*—сложный суффикс уступительного деепричастия (см. § 39) от глагола *siru* в отрицательном наклонении].

Суффикс *-ni* в сочетании с *-kate-* — соединительной основой служебного глагола возможности — образовывал сложный суффикс *-gateni*, обозначавший трудность совершения действия, выраженного основой глагола: *Ajukō sabasiru kimi matigateni* (М, 859) 'Снуют мелкие форели — ждут не дождутся тебя'; *Mīna pitō-nō egateni su tō pu Jasumiko etari* (М, 95) '[Я] получил [в жены] Ясумико, о которой все люди говорили, что [ее] трудно залолучить'.

Речь о прошлом: *Jado kasazu ware-wo kapeseri* (М, 126) 'Не предоставив ночлега, [вы] отправили меня обратно'; *...tanōmēzu-pa kakaru otopi-ni apamasi monō ka* (М, 620) 'Если бы [ты] не уверял [меня]... разве [я] испытывала бы та-

кую тоску?'; *Köre-pa kiazute ware kopinikeri* (М, 236) 'Не слушая их (рассказов), я заскучала'; *Tajenu tukapi-nö jödö-mereba...* (М, 649) 'Так как [ваш] посланец, который **беспрестанно являлся** [ко мне], перестал приходить...'; *Otorani apida-ni...* (М, 794) 'Пока не приходило в голову...'

И в заключительном сказуемом при наличии в предложении частицы *sö, ka, kamo* применялась определительная форма: *Kunikara-ka miredömo akanu* (М, 220) 'На эту страну сколько ни смотришь, не надевает'; *Mosi opokisaki-pa könö kötöwo kikösimesanu kamö* (К II, 234) 'Неужели великая государыня об этом не слышала?'

Заключительная форма применялась в главном предложении без частиц или с частицами *ja, mo, jamo, tö[mo]*: *Imada kaperi közu* (К, 114) 'Он еще не вернулся (букв. возвращаясь не приходит)'; *Mina e-ezu* (К II, 225) 'Никто из них не смог (букв. все не могут) получить [ее в жены]'; *Tikaku areba tizu tömo arisi...* (М, 610) 'Так как [ты] был близко, [я] могла жить, даже не видя [тебя]...'; *kapi-ni mazirite ari töi-pazu jamo* (М, 224) '...разве [мне] не сказали, что [ты] погребен (букв. смешался с ракушками)?'; *Tösi tukimo imada araneba...* (М, 794) 'Годы и месяцы еще не миновали...'; *Tukusi-nö wata-pa mi-ni tukete imada-pa kinedö atatakani mi-ju* (М, 336) 'Хотя [я] еще не надевал на тело [одежды] на вате из Тукуси, [она] кажется теплой'.

Само отрицательное наклонение обычно не имело временных форм. Лишь сливаясь с глаголом *ari* 'быть' в соответствующей форме, оно приобретало способность дифференцировать одновременность и предшествование: *Kökö-ni idemu tököröwo sirazaru apida-ni...* (К, 122) 'Тут, когда [он] не знал, куда податься...'; *Morazaru tökörö-ni uturi sakemasiki* (К III, 267) 'Спасался [от дождя], перебираясь туда, где не протекало' (одновременность в речи о прошлом); *A-ga ko-pa sinazute arikeri* (К, 160) 'Оказывается, мой сын не умер [и продолжает] жить!'; *Mitöse-ni naru made kaperigötö mawosazariki* (К, 153) 'Прошло три года, но [он] не возвратился'; *...jurusazariki* (К, 193) '[Три раза] не соглашался' (но в конце концов согласился); *Kimi-wo jasadimi arapasaz[u] ariki* (М, 854) 'Стеснялись вас, поэтому не открыли, [где живем]'.

Речь о будущем: *Ware-pa wasurezi inöti sinazu pa* (М, 504) 'Я не забуду, пока **не умру**' (формы на *-zuba* в записанных по слогам текстах не обнаружены); *Tökira-ni ugökazu masimasamu* (К, 188) '[Твоя жизнь] была бы вечной, **незыблемой**'; *Ware-pa jödömazu kimi-wo si matamu* (М, 860) 'А я неукоснительно (букв. **не задерживаясь**) буду ждать тебя'; *Imo-ni apazu araba sube nami...* (М, 3590) 'Так как, если **не смогу видиться** с любимой, ничего не смогу делать...'; *Öki-ni jasutamu ipe tukazu site* (М, 3645) 'Буду отдыхать'

в океане, не имея возможности добраться [до] дома'.

В ДЯЯ заключительные формы категорических наклонений в речи о будущем не употреблялись. Но при наличии частиц, совместимых с определительной формой заключительного сказуемого, последнее могло выражать отрицаемое будущее действие: *Tada-ni arachi kato* (М, 148) 'Мы не встретимся наедине'; *Se-nipa narazute puti-ni arachi kato* (М, 335) 'Не превращаясь в пережат, не останешься ли пучиной?'.

Как показано выше, срединные отрицательные формы широко употреблялись в речи о будущем. Эти формы, видимо, вообще не были временными. (Ср. отрицательные формы в дравидийских языках, совсем не спрягающиеся по временам.)

Однако встречаются отдельные примеры присоединения к форме на *-zi* (в роли срединной основы) форманта прошедшего времени *-ki* (см. § 53) и форманта инвентива *-keri* (см. § 59).

Иногда, наоборот, *-zi* присоединялось к форманту инвентива: *No-nö pë-nö uragi suginikerazi ja* (М, 221) 'Ведь не сошли же еще астры на полях!'.

Встречаются и производные прилагательные в отрицательном наклонении: *tikakarani miti* (М, 700) 'неблизкая дорога'.

§ 45. Отрицательно-предположительное наклонение (форма на *-zi*)

Это наклонение по признаку позитивность/негативность противостоит предположительному наклонению с формой на *-mi* [см. J, 347], а по признаку категоричность/некатегоричность противостоит отрицательному наклонению (см. § 44). Форма на *-zi* встречалась только в заключительной позиции и изредка в определительной. Других форм наклонение не имело.

Речь о настоящем: *Pama-nö manago-mö wa-ga kopî-ni ani masarazi ka* (М, 596) 'Ведь не превосходит же и песок на взморье мою любовь?' (масса песчинок, наверно, не больше моей огромной любви); ...*kimasu jwë-pa urupasiki kökörö-parazi* (К, 78) '...причиной того, что [он] идет сюда, являются, **наверное**, не добрые чувства'.

Речь о будущем: *Sö-pa a-ga miko-ni arazi* (К, 191) 'Это будет не мой ребенок'; ...*maturaba tagapi kamî-pa arazi* (К, 170) 'Если вы сделаете... то богов, которые будут вам изменять, не будет'.

Форма на *-zi* чаще относилась не к 3-му лицу, а к 1-му, указывала на решимость говорящего не совершать какого-либо действия: *Kömi tö[i]pi mö könu töki aru wö közi tö[i]pi wö kömi töpa matazi közi tö[i]pi möö wö* (М, 527) 'Бывали случаи, когда [ты], даже сказав «приду», не приходил; раз

[ты] говоришь «не приду», [я] не буду ждать [твоего] прихода,— [ты] же говоришь «не приду»; *A-pa mimasitati-nō kō-tō-pa kikazi* (К III, 93) 'Я ваши слова слушать не буду'; *Mukapē-wo jukatu mati-nira matazi* (М, 90) 'Пойду навстречу, а ждать — ждать не буду'.

Поскольку в речи о будущем форма отрицательного наклонения в заключительном сказуемом не употреблялась, форма на *-zi* (а не на *-zu*) применялась и тогда, когда говорящий был вполне уверен, что действие не произойдет: *Kōnō jaso kamī-pa kanarazu Jagamipime-wo ezi* (К III, 93) 'Эти 80 богов не получают Ягамипимэ ни в коем случае'; *Imo-pa wasurezi jō-nō kōtōgōtō-ni* (К, 206) 'Любимую не забуду — никогда в жизни'.

Отсутствие срединных форм данного наклонения объясняется тем, что в срединной позиции категоричность и некатегоричность не дифференцируются (ср. форму на *-zu* в речи о будущем, § 44).

ВЕРОЯТНО-РЕАЛЬНЫЕ НАКЛОНЕНИЯ (ОТ ФИНИТНОЙ ОСНОВЫ)

§ 46. Общая характеристика

В отличие от флективных форм наклонений, образуемых от основы на *-a-*, наклонения от финитной (заключительной) основы на *-u* образуются путем агглютинации к *-u* того или иного форманта, не употребляющегося самостоятельно и не возводимого к знаменательному слову ДЯЯ. Тот факт, что, например, форманты *-rasi* и *-ramu* начинаются на *-r-*, вообще исключает возможность их функционирования в качестве знаменательного слова даже в ПЯЯ, так как в нем вообще не было слов с начальным *r-*.

Это свидетельствует о том, что агглютинативные форманты спряжения появились сравнительно давно или были заимствованы из языка-субстрата.

§ 47. Долженствовательно-потенциальное наклонение (форма на *-bē-si*)

Глаголы в этом наклонении спрягались, как прилагательные: определительная форма — *-bē-ki*, заключительная — *-bē-si*, срединная — *-bē-ku*, условной формы не было.

Значение этого наклонения широкое. Оно включает и долженствование, и возможность, и предположение. Чаще употребляется в речи о будущем: *Ima ko umubēki tōki-ni narinu* (К, 191) 'Теперь настало время, когда [я] должна родить ребенка'; *Imo-ga matubēki tukī-pa pēnitutu* (М, 3685) 'Проходит месяц, в течение которого милая должна меня ждать'; *Kape-*

sija osóruběsi (К, 157) 'Бойся стрелы, которую посылают обратно' (пословица); ...*kõre tukapasuběsi* (К, 164) '...вот кого надо послать'; ...*amorimatuběsi* (К, 175) '[Ты]... должен спуститься с неба'; ...*tiruběku narinu* (М, 851) '...вот-вот (букв. стали) должны опасть'; ...*sakurabana tugite sakuběku narinite arazu ja* (М, 829) '...разве не должны зацвести вслед за ними цветы вишни?'; *Tumaja sabusiku otorojuběsi-mo* (М, 795) '«[В] спальне одиноко» — подумается [мне] наверно'; *Nanipa-ni tösi-pa pëñuběku otoroju* (М, 4362) 'В Нанипа [я] годы мог бы провести — кажется [мне]'; *Imo-ga posuběku aranaku-ni* (М, 3712) 'Ведь милая не может высушить [их]'.

Формы этого наклонения могли образовываться и от видовой формы на *-nu* (см. § 54): *Ijasiki a-ga mi mata otinuběsi* (М, 848) 'И мое брренное тело вновь могло бы воспрянуть' (гипотетичность).

Из всех форм на *-běsi* только форма на *-nuběsi* могла обозначать действие, относившееся к прошлому: *Pana-pa tirinuběsi* (М, 798) 'Цветы, должно быть, опали'. Но она применялась и в речи о гипотетических действиях: *Kõkõrõ kamo Nara-nõ mijako-ni tösi-nõ pëñuběki* (М, 1044) 'Из-за [моих] ли чувств [я] мог бы проводить годы в [заброшенной] столице Нара?'.

Адъективный характер форм этого наклонения подтверждается и наличием срединной причинной формы на *-mi*: *Aki-pagi-wo tirisuginuběmi taworimoti...* (М, 2290) 'Так как осенние леспедецы должны были совсем осыпаться, [я их] нарвала и взяла с собой...'.

Суффикс *-běsi* агглютинировался к определительной основе глаголов типа *ari*: *Wasurezu usinapazu aruběki sirusi tö site...* (Мп, 10; J, 774) 'В знак того, что этого нельзя забывать и терять (букв. не забывать, не терять надо)...'; *Sube nakaruběsi* (М, 3726) 'Должно быть, ничего не поделаешь'.

Суффикс *-běsi* присоединялся также к соединительной основе глаголов типа *mi-ru* [об этом см. 6, 181 и сл.].

§ 48. Дубитативное наклонение (форма на *-masizi*)

В ДЯЯ форма на *-masizi* встречалась еще редко. Формант *-masizi* означал 'не следует': *Jõrumasiziki kapa-nõ kumagama jörõpopi juku kamo* (J, 674) 'Разве подходят к изгибам реки, к которой не следует приближаться?'; *Sa-nezu-pa tupi-ni ari-katumasizi* (М, 94) 'Если не спать [с тобой], в конце концов [я] не смогу жить'.

Формант *-masizi* нередко следовал за формой страдательного залога, когда она выражала самопроизвольно возникаю-

щее действие, или за вспомогательными глаголами возможности *u*, *katu*, *apu*: *Kötö-nömimo na-nömimo ware-pa wasurajumasizi* (М, 431) 'Ни слов, ни имени не смогу я позабыть!'; *Ware-pa mimasi-nö kökörözasi-woba sibaraku-nö apidamoto wasureumasizimi namo...* (J, 674) 'Так как я долго не смогу позабыть твои чувства...'; *Tada-nö api-pa apikatumasizi* (М, 225) 'Встретиться [с тобой умершим] наедине невозможно'.

Итак, существовали три формы (относящиеся к адъективному спряжению): определительная (на *-masiziki*), заключительная (на *-masizi*) и причинная (на *-masizimi*). Впоследствии *-si-* выпало и в эпоху Хэйан появилась форма на *-mazi/-maziki/-maziku*. Но в памятниках ДЯЯ она не была зарегистрирована.

§ 49. Гипотетическое наклонение (форма на *-ramu*)

Это наклонение было довольно употребительным.

Формант *-ramu* включает в себя *-tu* в значении вероятности (но без оттенка призыва к совершению совместного действия).

Форма на *-ramu* (как и на *-tu*) применялась и в определительной, и в заключительной позиции.

Речь о настоящем: *Aju ka tururamu* (М, 861) 'Ловят, наверно, форелей'; *Sima-nö muro-nö kī panarete aruramu* (М, 3601) 'Хвойное дерево на острове, видимо, удалено [от других]'; *Ago-nö ura-ni punanöri-suramu wotömera-ga akatomo-nö suso-ni sipo mituramu ka* (М, 3610) 'Наверно, морская вода забрызгивает подола пурпурных платьев девушек, которые совершают, должно быть, прогулку на лодке в бухте Аго?'; *Kö-pa Kujebiko kanarazu sirituramu* (К, 144) 'Его, наверно, знает Кuebико'.

При агглютинации *-ramu* к глаголу типа *miru* слог *-ru* мог выпадать: *Imora-wo miramu pitö-nö tömösisä* (М, 863) 'О, как [я] завидую тем, кто (букв. людей зависть), наверно, видит милых девушек!'

При риторическом вопросе конечное *-u* менялось на *-ë* (как и у *-tu*, см. § 41): *Ware-ni masarite otoporamë jamo* (М, 3657) 'Разве [он] любит больше, чем я?'

Речь о будущем: *Pitö mina-nö miramu Matura-nö Tamasima-wo* (М, 862) 'Остров Тама в Матура, который, должно быть, посмотрят все люди'. *-Ramu* могло присоединяться и к видовым формантам: *...ka-kamo potötögisu naku jo-nö amë-ni uturopinuramu* (М, 3916) 'Неужели так и исчезнет аромат... из-за дождя [, выпавшего] ночью, когда кукувала кукушка?'

Речь о прошлом: *Jadöri-seruramu* (M, 3691) 'Нашел, наверно, упокоение'.

Форма на *-ramu* употреблялась и тогда, когда само действие было вполне очевидным, но не была известна его причина и другие обстоятельства [см. J, 809]: *Wa-ga seko-pa iduku jukuramu... Nabari-nö jama-wo kepu-ka kojuramu* (M, 43) 'Куда же уходит мой милый?... Ведь [он] перейдет через гору Набари сегодня?'

Форма на *-ramu* (в отличие от формы на *-tu*) применялась преимущественно в речи о настоящем.

Хотя срединной формы это наклонение не имело, но некоторые показатели деепричастий изредка присоединялись и к форме на *-ramu*: *...arigajopitutu miramödömö pitö kösö sirane matu-pa siruramu* (M, 145) 'Хотя [дух покойного принца] витает, наверно, [над землей] и [все] видит, люди-то этого не знают, — разве что сосны знают'.

В подавляющем большинстве случаев форма на *-ramu* обозначает действие 3-го лица. Лишь изредка речь идет о 2-м лице: *Samuki asakë-wo Sanu-nö woka kojuramu kimi-ni kinu kasamasi wo* (M, 361) 'Ах, если б [я] одолжила одежду тебе, который, верно, переходит холм Сану в холодное утро'; *Juku sa ku sa kimi kösö miramë* (M, 281) 'И идя туда и возвращаясь, ты, наверно, видишь [их]'.

§ 50. Наклонение видимости (форма на *-rasi*)

Эта форма (в отличие от формы на *-ramu*, см. § 49) указывает на видимость «со ссылкой на объективные данные» [6, 178]: *kögurasi* 'видимо (похоже на то, что; кажется, что), гребет'; *Wa-ga juwe-ni imo nagëkurasi* (M, 3615) 'Из-за меня любимая как будто вздыхает'; *Okibe-jori sipo mitikurasi* (M, 3642) 'Похоже на то, что с океана надвигается прилив'.

Слог *-ru* у глаголов типа *mi-ru* и *aru* перед *-rasi* (как и перед *-ramu*) мог выпадать: *Kaku-nömï narasi* (M, 804) 'Так только и получается'; *Wotömera si paruno-nö upagi tumite nirasi-mo* (M, 1879) 'Видимо, девушки, нарвав индийских астр на весеннем поле, варят [их]'; *Muko-nö umi-nö nipa jöku arasi* (M, 3609) 'Море у Муко, видимо, спокойное' (букв. 'У Муко моря гладь хороша видно'); *Kaze-wo rajami oki-tusiranami takakarasi* (M, 294) 'Видимо, оттого что ветер сильный, белые волны в море высоки'.

Суффикс *-rasi* агглютинировался и к видовым формам: *Jo-pa akënurasi* (M, 3598) 'Ночь как будто кончается'. *Paru kitarurasi* (M, 3642) 'Как будто пришла весна'.

Изредка *-rasi* присоединяется к форме другого наклонения: *Wepinaki-suru ni arubëkarurasi* (M, 347) 'Остается, видимо,

заливаться пьяными слезами' (*-bək-* — суффикс долженствовательно-потенциального наклонения).

В вопросительных предложениях форма на *-rasi* не встречается [см. J, 808], так как она обозначает явление, происходящее в настоящем, с определенной очевидностью.

Хотя форма на *-rasi* применялась и в определительной позиции, существовала особая определительная форма на *-rasiki*, которая могла заключить предложения, содержащие частицу *kösö*: *Inisipe-mo sikani are-kösö utusemi-mö tuma-wo arasopurasiki* (M, 13) 'И в старину так было: люди ссорятся с женами'.

Средней формы (на *-rasiku*) и других форм еще не было. К именам (как в СЯЯ) *-rasi* еще не агглютинировалось.

Этимологически *-rasi* восходит к индонезийскому слову *rasa* 'чувство', 'ощущение'; 'полагать', 'считать'; 'как будто', 'кажется'; 'очевидно', 'по-видимому', 'как видно'.

ИМПЕРАТИВНЫЕ НАКЛОНЕНИЯ (ОТ КОРНЯ ИЛИ ОТ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ОСНОВЫ)

§ 51. Повелительное наклонение

Глаголы 1-го спряжения и типа *ari* принимали в повелительном наклонении флексию *-e* (ср. условное *-ē*): *Imasi-pa waga mija-nö obitö tare* (K, 109) 'А ты будь дворецким в моем дворце!'; *...mörötömö-ni kire* (K, 225) '...рубите их всех!'.

Эта форма могла относиться не только ко 2-му, но и к 3-му лицу: *Amëwaka-piko könö ja-ni magare* (K, 157) 'Пусть Амэвакапико загнется от этой стрелы!'; *Awomi sibome* (K II, 225) 'Пусть [твоя] свежесть поблекнет!'.

Повелительные формы от глаголов остальных спряжений образуются из соединительной основы в сочетании с восклицательной частицей *jö*: *Sita-nimo ki jö tö* (M, 3585) '«Надень под низ», — так [ты говоришь мне]', *Ukëpi oti jö* (K, 300) 'Заклинаю [тебя] — упади!' (цапле, сидящей на дереве); *Uma-nö ajumi osapë tödömë jö* (M, 1002) 'Сдержите бег лошадей! Остановите [их]!'.

Частица *jö* нередко не употреблялась: *Masurawo-pa wotimizu motömë* (M, 627) 'Пусть храбрый воин достанет [мне] омолаживающей воды'.

У неправильных глаголов *ku* и *su* в значении повелительного наклонения выступала 1-я (ирреальная) основа: *Kaperi raja kö tö* (M, 3636) 'Поскорей возвращайся!' (букв. 'Возвращаясь, поскорей приходи!'); *Tamukë jöku se jö* (M, 567) 'Совершай жертвоприношения как следует!'.

Частица *jö* в позиции после деепричастия на *-te* придает ему повелительное значение: *Ne-nö katasukuni-ni mawidete*

jö (К, 215) 'Иди в преисподнюю (букв. в страну, где корни)';
Imasi... kudarite jö (К, 215) 'Ты спускайся...'

Когда повелевают совершить несколько действий, форму повелительного наклонения принимают не все глаголы, выражающие эти действия, а только последний из них: *Söndö kuni-wo tukuri katamë jö* (К, 144) 'Строй и укрепляй эту страну!'; *Miti pï jö* (К II, 225) 'Иссохни!' (букв. 'Наполняясь, высохни!' — обращение к человеку).

Как видно из примеров, такая форма употреблялась при обращении к низшим, младшим, к животным. Для более вежливого повеления употреблялись:

1) форма повелительного наклонения от побудительного залога (в значении действительного): *Midu-wo esimë jö* (К, 196) 'Дай мне воды!' (к чужой служанке); *Wodi, ikusa-wo okösite jukase* (К, 279) 'Дядя, поднимайте войска и выступайте!'; *Wa-ga katami mitutu sinopase* (М, 587) 'Глядя на мой подарок, восхищайся [им]!'; *Jösi na-pa nörase* (М, 363) 'Ладно, назови [свое] имя!';

2) 1-я (ирреальная) основа глаголов 1-го спряжения (и неправильных) или соединительная основа остальных спряжений + суффикс *-ne*: *Kökida piwene* (К, 223) 'Отрежь немного потоньше!'; *Ukapi-ga tömö ima sukë-ni köne* (К, 228) 'Друзья-баклановоды, придите теперь на помощи!' Более вежливая форма образовывалась путем присоединения *-ne* к форме побудительного залога с суффиксом *-as-*: *Na-ga na nörasane* (М, 800) 'Назови свое имя!' (ласково девушке); еще вежливее была форма с вспомогательным глаголом *tama-p-u*: *Kare ikörösitamapine* (К, 157) 'Застрелите его (фазана)!' (мужу);

3) соединительная основа + *-köösö*: *Umë-ga pana tirazu ari-kösö* (М, 845) 'Цветы сливы, оставайтесь неопавшими!'; *Sakë-ni ukabë-kösö* (М, 852) 'Брось [лепесток цветка] в вино!'; *Tugite mi-je-kösö* (М, 807) 'Постоянно являйся [мне во сне]!';

4) соединительная основа + повелительное наклонение от вспомогательного глагола *tama-p-u*, выражавшего вежливость по отношению к деятелю: *...utiparapitamape* (К, 122) '...прогоните [змей]!';

5) 1-я основа + *-ni* (ср. *-ne*): *Nari-wo simasani* (М, 801) 'Выполняй работу!'; *Potötögisu Nipu-nö jamabe-ni ijukinakanimo* (М, 4178) 'Кукушка, лети и пой на горе Нипу!';

6) соединительная основа + вспомогательный глагол *tatur-u*, выражавший вежливость, в повелительном наклонении: *Itukimature* (К, 178) 'Поклоняйтесь [зеркалу]!'; *Sikaraba nare okurimature jö* (К, 204) 'Тогда ты его проводи!'; *Köndö katana mote ...sasikörösimature* (К, 291) 'Убейте его ...этим ножом!' (младшей сестре, жене правителя). Более вежливая форма образовывалась от вспомогательного глагола *tatur-u* в

форме побудительного залога: *Töjömiki tatematurase* (К, 139) 'Выпейте благодатного вина!' (жена мужу-правителю);

7) соединительная основа + *-mase* (повелительное наклонение от вспомогательного глагола *-masu*, выражавшего несколько меньшую степень почтительности, чем *matur-u*: *Simoniwo kimase* (М, 3584) 'Надевайте под низ!' (мужу); *Pajakaperimase* (М, 3582) 'Поскорее возвращайтесь!' (мужу); *Iki tö sirimase* (М, 3580) 'Знайте, что [это будет мое] дыхание!'.

Помимо этого пожелание, чтобы какое-либо действие было произведено, можно было выразить при помощи форм других наклонений (см. §§ 42, 43 и 47), а также частиц типа *mo-ga[mo]*.

§ 52. Запретительное наклонение

Как и в других алтайских языках, запретительное наклонение в ДЯЯ, обозначая призыв не совершать какое-либо действие, морфологически не имеет ничего общего с повелительным наклонением (см. § 51), поэтому называть его отрицательной формой повелительного наклонения — неправильно [см. 6, 197—201].

Форма запретительного наклонения состояла из преформатива *na* (ср. кор. ан, и.-е. *ne/ni*), соединительной основы глагола и суффикса *-sö*: *Simo na puri-sö* (М, 3625) 'Иней, не выпадай!'; *Itaku na puki-sö* (М, 3592) '[Ветер,] сильно не дуй!'; *Pajaku na tiri-sö* (М, 849) '[Цветы сливы,] не опадайте быстро!'; *Otopi na jase-sö* (М, 3586) 'Не худей, тоскуя [обо мне]'.

Такая форма была применима только по отношению к нижестоящим. При вежливом запрещении — совете или просьбе не совершать какое-либо действие — к соединительной основе добавлялся тот или иной вспомогательный глагол (*masi, tamapi, maturi*): *Kökö-jori oku-tu kata-ni na irimasi-sö* (К, 218) 'Не направляйтесь отсюда в глубь страны!' (совет военачальнику); *A-wo na körösitamapi-sö* (К, 168) 'Не убивайте меня!'; *Na kasikomasetamuri-sö* (К, 199) 'Не бойтесь!'; *Inöti-pa na sisetamapi-sö* (К, 132) 'А жизни себя не лишайте!'.

Иногда за *-sö* следовала частица *-ne*: *Pama-nö siba na kari-söne* (М, 1274) 'Не коси кустарник на берегу!'; *Kusa karu warapa sika na kari-söne* (М, 1291) 'Подростки, косящие траву! Не косите [ее] так!'; *Na kare-söne wo-më-nö sasaba* (F, 345) 'Не засыхайте, листья мелкого бамбука!'.

Изредка суффикс *-sö* опускался: *Idekuru tukî-ni kumo na tanabiki* (М, 1085) 'Тучи, не закрывайте восходящую луну!'; *Oki-pe na sakari* (М, 274) 'Не удаляйся в океан!'.

Запретительную форму можно также образовать путем постпозитивной агглютинации того же *na* [+частица *jumë*]

к заключительной форме глагола: *Katami-nō mōnō-wo pitō-ni simesu-na* (М, 3765) '[Мой] памятный подарок не показывай другим!'; *Wasuretamaru-na* (М, 3774) 'Не забудьте!' (слова женщины); *Momiti... tirikōsu-na-jumē* (М, 3702) 'Листья клена... не опадайте!'; *Jumē jō wa-ga seko wa-ga na nōrasu-na* (М, 590) 'Не называй, мой милый, моего имени!'

Данная форма (*na* + соединительная основа + *-sō*) продержалась до XVIII в. и уступила свое место другой форме (конечная основа + *na*) в результате общего процесса вытеснения префиксальных форм суффиксальными. Поэтому можно думать, что в ПЯЯ префиксальных форм было больше, чем в ДЯЯ.

ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ (ОТ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ОСНОВЫ)

§ 53. Прошедшее время (формы на *-ki*, *-niki*, *-teki*, *-eriki*, *-tariki*)

Прошедшее время имело уникальную парадигму спряжения: заключительная форма на *-ki*, определительная форма на *-si* (у прилагательных наоборот), ирреальная (1-я) основа на *-se-*, условная основа на *-sika-*.

Заключительная и определительная формы употреблялись самостоятельно: *Sunapati nigēiniki* (К, 168) 'Тогда [он] бросился бежать'; *Wa-ga naku namita... amē-ni puriki ja* (М, 460) '[То] выпали дождем... слезы, которыми я плачу!'; *Apisi pi otoroju* (М, 209) 'Вспоминаются дни, когда [мы] встречались'; *Imo-ga musubisi pimo pukikapesu* (М, 251) 'Развешиваются завязки, которые завязала моя милая'; *Kōgiinisi pune-nō ato naki-ga gōtō* (М, 351) '[Мир] подобен бесследно ульнувшему судну'.

Ирреальная основа (формант *-se-*) входила в состав условного деепричастия предположительного наклонения, которое употреблялось в гипотетических предложениях: *Imo-ga ipedi iikaku ariseba...* (М, 3635) 'Если бы путь к дому милой был близок...'; *Oki-tu-kaze itaku pukiseba...* (М, 3616) 'Если бы сильно дул морской ветер...'; *Amē-nō sita sirasimesiseba...* (М, 167) 'Если бы [покойный принц] управлял поднебесной...'; *Wa-ga pi-nō miko-nō imasiseba...* (М, 173) 'Если бы наш принц, подобный солнцу, был жив...'; *Tamukēseba sugīnisi pitō-ni kēdasi aramu kato* (М, 427) 'Если бы [я] приносил жертвы, наверно, мог бы встретиться с тем, кто ушел [от нас]'.

Неправильные глаголы присоединяли формант прошедшего времени к ирреальной основе: *Sitapi kōsi imo-ga...* (М, 796)

‘Любимая, которая приехала, жалея [меня]...’; *Kudarinamu jösöpi-sesi potoni...* (К, 174) ‘Пока делал одежды, чтобы спуститься [на землю]...’.

Условная основа (на *-sika-*) входила в состав условно-временного и уступительного деепричастий изъявительного наклонения: *Onö-ga kura-wo misikaba makötö-ni tati ariki* (К, 215) ‘Когда [я] посмотрел на свой сарай, [там] действительно оказался меч’; *Tubusa-ni sönö kötö-nö götöku narisikaba sunapati sönö katura-ni nöborite masimasiki* (К, 196) ‘Как только все вышло согласно его словам, [он] влез на этот багряник’; *Opotu-nö kora-ga apisi pi-ni obo-ni misikaba ima zö kujasiki* (М, 219) ‘В дни, когда [со мной] встречалась девочка из Опоту, [я] едва замечал [ее, о чем] теперь жалею’; *Jakitube-ni wa-ga jukisikaba Suruga-naru Abë-nö itidi-ni apisi kora-pato* (М, 284) ‘О девушка, которую [я] встретил на улице в Абэ [в стране] Суруга, когда я направлялся в Якитубэ!’, *Mitabi köpasisikadömö jurusazariki* (К, 194) ‘Хотя [он] три раза принимался просить, но [старший брат] не соглашался’.

Применение форм прошедшего времени только в речи о прошлом показывает, что это время было абсолютным. Его форманты могли присоединяться к видовым показателям (*-ni-*, *-tari-*, *-ri-*): *...sönö iröse-nö usenisi turibari-wo patareru sama-wo kataritamapiki* (К, 199) ‘Рассказал... как его старший брат требовал [от него] пропавший крючок’; *Okurenisi pitö-wo sinopakü* (М, 1031) ‘Скорблю о той, которая осталась дома’; *Ipe-jupa idete kumogakurini* (М, 461) ‘Выйдя из дома, скрылась в облаках (скончалась)’; *Kare ko pitöri umitariki* (К, 226) ‘И вот [она] родила ребенка’; *...araburu kamï-wo itarisi ja...* (К, 157) ‘...стрела, которой [он] выстрелил в буйных богов...’; *Oki-tu-nami takaku tatu pi-ni aperiki* (К, 3675) ‘Мы встретились в тот день, когда высоко вздымались океанские волны’; *Siratama-wo te-nipa makazu-ni pako-nömï-ni okerisi pitö-sö tama nagëkasuru* (М, 1325) ‘Тот, кто лишь складывает жемчуга в ларчик, а не украшает [ими] руки, [фактически] выбрасывает их’.

Формант прошедшего времени присоединялся и к форме отрицательного наклонения на *-zari* и на *-zu*: *Mitöse-ni naru made kaperigötö mawosazariki* (К, 153) ‘Прошло три года, но [он] не возвратился’; *Opizarisi kusa opinikeru kamo* (М, 181) ‘Трава, которая [тут] не росла, теперь, оказывается, выросла’; *Kökörö-ju to a-ra otorazuki* (М, 609) ‘Честно говоря (букв. и от сердца), я и не думал [возвращаться]’.

Считают, что форманты прошедшего времени имели супплетивный характер: помимо ирреальной основы на *-se-* была и основа на *-ke-* (входящая в форму на *-ketu-*, см. 41).

§ 54. Совершенный вид (форма на *-ni*)

Совершенный вид имел следующую парадигму спряжения: заключительная форма на *-ni*, определительная форма на *-nuru*, срединная форма на *-ni* и условная основа на *-nure*. Эти формы употреблялись преимущественно в речи о прошлом: *Kase-nō jama tōki-nō jukereba mijako-tō narinu* (М, 1056) 'Гора Катушка! Когда настало время, [ты] сделалась столицей'; *Opokimi-pa kamī-ni si maseba amakimo-nō iporega sita-ni kakuritamarinu* (М, 205) 'Великий государь это бог, поэтому-то [он] изволил скрыться под небесным облаком в 500 слоев'; *Tadu nakite sapakinu* (М, 3642) 'Журавли закурлыкали'; *Wakarenuru kimi-ni...* (М, 3690) 'Тебе, с которым [я] рассталась...'; *Maturamu kimi ja simagakurenuru* (М, 3692) 'Ты, которого, наверно, ждут, спрятался за острова'; *Tōki-mo sugi tukī-mo pēnureba...* (М, 3688) 'Когда и час прошел, и месяц минул...'; *Kōjasinure...* (М, 794) 'Когда [она] окончательно слегла...' (опущено *-ba*); *Pisa-ni narinuredō...* (М, 3604) 'Хотя прошло много времени...' (букв. 'Хотя долгим стало...').

Формы совершенного вида чаще образовывались от переходных глаголов (в отличие от форм на *-tu*, см. § 55). Только такие формы могли относиться к подлежащему, обозначающему неодушевленный предмет [см. 6, 121—122].

Форма на *-ni* (в сочетании с другими формантами) могла применяться в речи не только о прошлом, но и о будущем: *Tirinu-tōmo jōsi* (М, 821) 'Пусть себе опадают' (букв. 'Если даже опадут, — хорошо').

Форма совершенного вида часто сочеталась с формантами времен и наклонений, присоединяясь непосредственно к основе глагола (см. соответствующие параграфы).

§ 55. Завершенный вид (форма на *-tu*)

Завершенный вид образовывался преимущественно от переходных глаголов (в отличие от совершенного вида, см. § 54). Он имел следующую парадигму спряжения: заключительная форма на *-tu*, определительная форма на *-turu*, срединная форма на *-te* и условная основа на *-ture*, т. е. спрягался как глагол 4-го спряжения. Относился к действиям одушевленных предметов и к процессам, связанным с атмосферными явлениями [см. 6, 118 и сл.]: *Turugi tati mī-ni tōrisōpu tō imē-ni mitu* (М, 604) 'Видел во сне, что прикрепляю к поясу (букв. к телу) меч [и] кинжал'; *Tamakusigē piraki akētū tō imē-ni si mijuru* (М, 591) 'Вижу во сне, что шкатулку открыли'; *Nara-nō mijako-pa wasurekanetu-mo* (М, 3618) 'Не могу позабыть столицу Нара'; *Ituru ja-wo nōi mimu pitō-pa...* (М,

364) 'Те, кто увидят впоследствии стрелу, которую [ты] выпустишь...' (предшествование в речи о будущем); *Tōroku-to ware-pa keru mituru kamo* (М, 248) '[Залив] хотя и далек, но я сегодня увидел [его]!'; *Ikasama-nika negituru* (К, 18 'Как (в каких выражениях) [ты его] просила?').

Форму завершённого вида изредка принимают и непреходные глаголы: *Adō topē ka kōkōrōganasiku imē-ni mijeturu* (М, 3639) 'Почему-то взгрустнулось [и ты] привиделась [мне] во сне'; *Kōtōwari-nō gōtō-mō arazu aritu* (Мн, 28; 42, 288) '[Чего-либо,] похожего на отказ, тоже не было'.

Условная основа применялась в условно-временном и условительном деепричастиях: *Tōpō [o]tō-nimo kimi-ga nagēku tō kikitureba ne-nōmi si nakaju* (М, 4215) 'Когда слышу, хотя бы издали, как [ты] вздыхаешь, хочется плакать навзрыд'; *Sa-netureba pitōgōtō sigēki* (М, 3556) 'Если спать [с тобой] вместе, [будет] много пересудов'; *Umē-nō pana wori-mo worazu-mo mituredōmō...* (М, 1652) 'Хотя [я] насмотрелся на цветы сливы, и ломая [ветки] и не ломая...'. В условной форме этого вида показатель *-ba* мог опускаться: *Sugusijariture...* (М, 804) 'Так как [время] проходит впустую...'; *Jamagakusiture kōkōrōdō-mo nasi* (М, 471) 'В горах [она] сокрылась, и нет покоя сердцу [моему]' [1] (причинная связь).

Форма завершённого вида сочеталась с формантами прошедшего времени и ряда наклонений (предположительного, пожелательного). Однако с формантом совершённого вида *-ni* она не могла сочетаться.

Форма на *-te* принимала суффикс *-ba*, образуя деепричастие предположительного наклонения: *Tuna si tōriteba...* (М, 3656) 'Если возьму в руки веревку...'.
.

§ 56. Перфект от глаголов 1-го спряжения (форма на *-eri*)

Перфект от глаголов 1-го спряжения оформлялся теми же флексиями, что и глаголы типа *ari*, образуя следующую парадигму спряжения: заключительная форма типа *tōreri*, определительная форма — *tōreru*, условная основа — *tōrere*.

Перфект встречался часто. Образовывался от основы на *-e* (этимологически от соединительной основы на *-i+ari*) глаголов 1-го спряжения и глагола *su* 'делать': *Ware-wo kapeseri* (М, 126) 'Меня [вы] отослали домой'; *Wa-ga opokimi-pa kinugasa-ni seri* (М, 240) 'Великий государь превратил [луну] в [свой] зонт'.

Примечание. Комментаторы «Манъё:сю» расшифровывают начало этого стиха, записанного иероглифически, как *wagō opokimi-pa*, т. е. считают, что *-a-* (в *-ga*) перешло тут в *-ō-* под влиянием следующего *ō*. Произношение *wagō* зафиксировано, например, в *Wagōpokimi kamo* (М,

239), где оно объясняется выпадением *-a-* в результате синкопа (из-за необходимости выдержать семисложный размер). В данном же случае такой необходимости не было. Тем не менее стихи вроде *wagō opokimi-pa* (М, 926) могут служить доказательством того, что *a* могло уступать тут место *ō* и без синкопа. Из подобных примеров явствует, что *o* в *oro-* 'великий' происходит из **ō*.

Ti-pe-ni pedateru Tukusi-nō kuni-pa... (М, 866) 'Страна Тукуси, удаленная [отсюда] на тысячи грд...'; *Juki-ni mazereru umē-nō pana...* (М, 849) 'Смешанные со снегом цветы сливы...'; *Pibari-pa amē-ni kakeru* (К III, 279) 'Жаворонок летает в небе'; *Umē-nō pana ima sakeru gōtō...* (М, 816) 'Как цветут сейчас сливовые цветы...'; *Pina-nimo tukū-pa tere-redōmō...* (М, 3698) 'Хотя луна сияет и в глуши...'; *Kaza-sere-dō...* (М, 846) 'Хотя и воткнула в волосы...'; *Wa-ga tata-sereba...* (К III, 101) 'Когда я изволю становиться...'

Таким образом, значение формы заключается в указании на процесс, начатый (или оконченный) в прошлом, результаты которого (или продолжение длительного действия-состояния) налицо и в данный момент.

Полагают, что формант перфекта *-eri* происходит из *ari* 'быть': *kaki+ari=kakeri* [см. J, 810]. Правильность такой этимологии подтверждается формами восточного диалекта ДЯЯ: *Korō-ga nino posaru kamo* (М, 3351) 'Может, [это] моя милая сушит ткань?' (*posaru* < *posi+aru*).

Следовательно, в основе перфекта лежит аналитическая форма длительного вида (ср. §§ 57 и 58), в которой *-i+a->-e-*. Еще примеры такого перехода в глаголах других спряжений: *Tukapi-nō kereba...* (М, 3957) 'Когда приходит посланец...' (*kereba* от *ki* 'приходя' + *areba*); *Katami-nō kōrōmō ware sita-ni keri* (М, 1091) 'Платье-подарок я надел под низ' (*keri* < *ki+ari*; *kiru* — глагол 2-го спряжения).

§ 57. Перфект (форма на *-tari*)

Форма на *-tari* образовалась путем слияния деепричастия на *-te* (см. § 55) с глаголом *ari* 'быть'. Поэтому глаголы в перфекте спрягались так же, как и *ari*.

Перфект обозначал, что действие имело место ранее, но результат его налицо и в тот момент, о котором идет речь. Перфект от глаголов состояния обозначал, что состояние, однажды возникнув в прошлом, длится и в данный момент: *Umē sakitari tō tugē jaraba kō tipu-ni nitari* (М, 1011) 'Если [я] вам сообщу, что сливы расцвели, это будет похоже на то, как если бы я сказал «приходите!»'; *Ima-nō jō-nō pitō-mo kōtōgōtō mē-nō tape-ni mitari siritari* (М, 894) 'Нынешние люди имеют все это перед глазами, знают [это]'; *Pisakata-nō tukū-pa teritari* (М, 3672) 'Вечная луна сияет'; *Ito jōku nitari*

(К, 161) '[Лица были] очень похожи'; *Okuritaru kōrōtō-nō pī-to-wo...* (М, 3585) 'Завязки одежды, подаренной тобой...'; *Nōkōritaru juki-ni mazireru umē-nō pana...* (М, 849) 'Сливовые цветы, смешавшиеся с оставшимся снегом...' (форма на *-turu* относится к более раннему времени, чем форма на *-eru*); *Wi-ni nituru opoisi...* (К, 117) 'Большой камень, похожий на вепря...'; *Tabi-nō pikari sō kōkōda teritaru* (М, 230) 'Свет факелов ярко сияет'; *...miti-pa kōkōdaku-mo sizi-ni aretaru ka* (М, 232) 'Дорога... совсем травой заросла?'; *Kōkōrō-sapē kijeusetare ja kōtō-mo kajoranu* (М, 1782) 'Оттого ли, что [твой] чувства [ко мне] исчезли, [ты] даже словечком не обмолвишься?'; *Aputi-wo ipe-ni uwetaraba...* (М, 3910) 'Если посажу у дома мелию...'

В дополнительном предложении перед главным со значением «видно, [что (как)]» применялась заключительная форма: *Mikaribitō satuja tabasami sawakitari mi ju* (М, 927) 'Видно, [как] охотники шумят, сжимая в руках «счастливые стрелы»'.

§ 58. Аналитические формы длительного вида

Значение длительного вида на всем протяжении истории ЯЯ близко к перфекту.

В аналитическую форму длительного вида входят: соединительная основа спрягаемого глагола [+суффикс *-tutu* или *-te*] + глагол бытия (*wi-ru*, *wor-i* или *ar-i*).

1) соединительная форма + *wi-ru*: *Sōnō sōkō-ni sidumi wita-maru tōki...* (К, 186) 'Когда он погрузился на дно и находился там...'; *Ide wiru juwe-pa...* (К, 175) '[Я] появился потому...'; *Putari narabi wi* (М, 794) '[Они] вдвоем находятся рядом...'; *Sakari wite...* (М, 150) 'Находясь вдали [от тебя]...';

2) соединительная форма + *wori*: *Kare sunapati osorete sirizōki wori* (К, 168) 'Тогда [он], испугавшись, отступил'; *Pitō mōne-nō urabure woru ni...* (М, 877) 'Хотя все люди скучают [по вас]...'; *...miti-wo ta zō kakute woru* (К, 175) 'С дорогой... кто так поступает?'; *Miti-wo seki woreba...* (К, 164) 'Если [он] перекрыл дороги...';

3) соединительная основа + *tutu* + *ari* (*wori*): *Tabi-ni aredō joru-pa pī tōmōsi woru ware-wo jamī-nija imo-ga kopitutu arurami* (М, 3669) 'Меня, зажигающего огонь даже в пути, милая любит, наверно, и во тьме'; *Jama-nō na-nōmī-ja kikitutu worami* (М, 868) '[О ней] смогут узнать (букв. услышать) только по названию горы'; *...tukī-wo idemu ka tō matitutu woru ni jo sō kutatikeru* (М, 1071) 'Пока [я] ждал, когда взойдет луна, ночь спустилась [на землю]'; *Ipe-ni site kopitutu arazu-pa...* (М, 4347) 'Если, будучи дома, [я] не буду любить...';

4) соединительная основа +*-te+ari*: ...*tama-pa panarete ari tō ipazu jamo* (М, 424) 'Не скажешь разве ты, что жемчуг... рассыпался?' (между формой на *-te* и *ari* — пауза; в позиции между ними могут употребляться и частицы); *Pitō sapa-ni mitite-pa aredōmō...* (М, 894) 'Хотя людей много — полным-полно...'; *Tabi-nareba omopitajete-mo arituredō...* (М, 3686) 'Хотя [я] бросил думать о доме, так как [я] в пути...'. В ряде случаев по числу слогов в стихе можно судить о том, что *-te+ari* произносились слитно — *-tar-*: *Muro-nō kī panarete arurami* (М, 3601) 'Хвойное дерево, наверно, удалено от других';

5) соединительная форма +*imasu* [форма более вежливая, чем формы 1 и 2]): *Ipezakari imasu* (М, 794) 'Ты уходишь в мир иной' (букв. '[Ты] покидаешь дом'); *Oropune-wo arumi-ni idasi imasu kimi...* (М, 3582) 'Ты, выводящий корабль в бурное море...'.
Примеры на соединительную основу +*ari* не встретились. Это объясняется тем, что соединительная основа от глаголов 1-го спряжения, слившись с *ari*, образовала форму на *-eri* (см. § 56).

§ 59. Инвентив («давнопрошедшее время», формы на *-keri* и *-nikeri*)

Форма на *-keri* спрягалась по типу *ari*. Это подтверждает мнение о том, что *-keri* образовалось из *-ki* 'приходя' + *ari*. Иначе говоря, форма на *-keri* является вторично синтетической.

Данная форма могла обозначать как процессы, происходившие целиком в прошлом, так и процессы, наряду с прошлым захватывающие и настоящее. В отличие от форм прошедшего времени, совершенного и заверщенного видов форма на *-keri* относилась к процессам, само наличие или причина возникновения которых стали известны только сейчас [см. J, 283]. При этом обращение внимания на данный факт нередко имело эмоциональный характер, предложение со сказуемым в форме на *-keri* становилось восклицательным. Иногда речь шла о явлениях, которых сам говорящий не испытывал, не наблюдал, а только слышал о них [см. там же]. По-русски такие значения чаще всего можно переводить посредством «оказывается».

Срединной формы инвентив не имел, в повелительном и запретительном наклонениях не употреблялся. Ирреальная (1-я) основа применялась только для форм на *-kerazu* (отрицательное наклонение) и на *-keraku* (субстантивация, см. § 61). Форманты предположительного наклонения (*-mi*, *-ba*) не при-

соединялись к форме на *-kera-*. В речи о будущем инвентив не употреблялся.

Mijabiwo-ni ware-pa arikeri (М, 127) 'Учтивым кавалером я проявил себя!'; *Puzi-nö ne-ni puri oku juki-pa minaduki-nö moti-ni kënureba sönö jo purikeri* (М, 320) 'Хотя снег, который лежит на вершине Пузи, растаял к середине шестого (букв. водного) месяца, в эту ночь [он], оказывается, снова выпал!'; *Ijöjö masumasu kanasikarikeri* (М, 793) 'Становится все грустнее и грустнее!'; *Are putari-ni masite takeki wo-pa imasikeri* (К, 321) 'Нашелся человек, более удалой, чем мы двое!'; *Sipo matu tö arikeru pune-wo sirazu...* (М, 3594) 'Не зная, что судно, оказывается, стоит, ожидая прилива...'; *Itu-nö ma-mo kamusabikeru ka* (М, 259) 'Когда же [все] успело постареть?!'; *Tökipa-naru ipaja-pa ima-mo arikeredö sumikeru pitö sö tökö nakarikeru* (М, 308) 'Хотя [я убедился в том, что] каменные дома [, построенные] на века, и теперь стоят, жившие [в них], по преданиям, люди, увы, оказались невечными!'; *Putagamijama-mo imo-kösö arikere* (М, 1098) 'И у горы с двойной вершиной есть, оказывается, подруга!': *Könö mi-ki-wo kamikemu pitö-pa sönö tudumi usu-ni tatete utapitutu kamikere kamö mapitutu kamikere kamö* (К III, 237) 'Тот, кто варил это благодатное вино, поставив возле ступки свой барабан, варил, наверно, припевая, варил, наверно, приплясывая!'; *Asu-nö götö ware-pa kinamu tö ipikereba...* (М, 1740) 'Когда сказал «я приду завтра»...'

Суффикс *-keri* мог присоединяться и к соединительной основе глаголов совершенного вида (см. § 54): *Sima-nö ködatimö kamusabīnikeri* (М, 867) 'Даже деревья в саду, и те постарели!'; *Pisasiki töki-wo sugīnikeru kamö* (М, 3600) 'Прошло ведь долгое время!'; *Awojagī-pa kadura-ni subēku narinikerazu ja* (М, 817) 'Не пригодятся ли зеленые ветви ивы для украшения прически?'

Формант *-keri* мог агглютинироваться и к срединной форме отрицательного наклонения: *Moda worite sakasira-suru-pa sakē nōmite wepinaki-suru-ni napo sikazukeri* (М, 350) 'Молчать и корчить из себя умника ничуть не лучше, чем, напившись саке, плакать пьяными слезами!'; *Imē-ni mijetutu inerajezukere* (М, 639) '[Она] види [я] [мне] во сне, и [я] не могу заснуть'.

Но встречался и обратный порядок суффиксов (см. § 44). Это (вместе со значением формы на *-keri*) говорит в пользу того, что инвентив не столько время, сколько наклонение.

* * *

Таким образом, спряжение в ДЯЯ образовывало довольно сложную систему (впоследствии подвергнувшуюся упрощению).

В дальнейшем часть формантов спряжения утратила тот или иной звук, а некоторые даже слог (*-mu>-N>-u; masi-zi>mazi*), многие форманты исчезли (простые: *-ki, -nu, -tu*, производные: *-eri, -keri, -ramu* и сложные: *-niki, -nikeri, -eriki* и др.). Появились новые. Так, в памятниках XIII в. находим форму желательного наклонения на *-taki/-tasi*.

К грамматическим явлениям, получившим затем дальнейшее развитие, можно отнести употребление определительной формы предикативов в относительном значении одновременности не только в речи о настоящем, но и о прошлом и будущем.

К тому, что шло на убыль, следует отнести префиксацию. Многие префиксы (*sa-, ta-*) уже в VIII в. утратили прежнее значение и впоследствии отпали. Другие, как *e-*, указывающее на возможность, и *na* — преформатив запрещения, хотя и сохранялись еще тысячу лет, в конечном счете уступили свое место суффиксальным образованиям.

С развитием феодальных отношений происходили изменения и в языке — возросла дифференциация глагольных форм, выражавших различия по социальному положению, возрасту, полу собеседников. Этот процесс начался еще в ДЯЯ (ср. связки *ari* и *imasu*, различные местоимения 2-го лица, простую и вежливую формы глаголов и т. п.).

Хотя к X в. система спряжения подверглась некоторым изменениям, но основная ее часть была впоследствии канонизирована как норма классического старописьменного языка.

ПОРЯДОК ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 60. Обычный порядок и инверсия

В ДЯЯ, как и в НЯЯ, определение всегда предшествует определяемому, сказуемое располагается в конце предложения. Такой порядок членов предложения характерен для всех алтайских языков.

В памятниках ДЯЯ знаки препинания отсутствовали, так что о границах предложения можно судить только по грамматическим формам (в частности, заключительная форма предикатива сигнализирует о конце главного предложения, хотя некоторые форманты и частицы присоединялись и к ней). Надежным источником для определения порядка слов и членения предложения паузами являются стихи «Мантё:сю:», так как строгий размер силлабического стиха (чередование пяти- и семисложных синтагм с паузой между ними) служит для нас твердым ориентиром.

Можно полагать, что древнеяпонские поэты использовали все виды инверсии, допустимые по законам ДЯЯ: определен-

ная протяженность стиха и преобладающий жанр — танка (5—7—5—7—7 слогов — всего 31 слог) требовали не только экономии изобразительных средств, но и как можно более свободного расположения членов предложения.

Разумеется, были и иные причины инверсии: стилистические и, возможно, ритмические. Отсутствие у глаголов показателей лица давало возможность перенести подлежащее на самый конец песни, если автор не хотел говорить сразу, о ком идет речь. Иногда подлежащее стоит в самом конце вслед за сказуемым, хотя оба умещаются в одной семисложной синтагме: *Ipori-semu ware* (М, 3593) 'Переночую-ка я'. Что помешало сказать наоборот: *Ware ipori-semu* 'Я переночую-ка'? Стиль, ритм или желание избежать зияния? В данном случае инверсию можно объяснить так: при обычном порядке слов и минимальной паузе между *ware* и *ipori* рядом оказались бы два гласных, один из которых должен был бы выпасть, и синтагма из семисложной превратилась бы в шестисложную, что нарушило бы нормативный размер стиха.

К инверсии, не обусловленной длиной стихов, относятся случаи, когда путем перестановки двух семисложных синтагм, заключающих песню, можно было сохранить обычный порядок слов.

Установим, что являлось минимальной единицей, не подлежащей членению посредством пауз, т. е. переносу из синтагмы в синтагму, и что могло быть разделено, хотя бы факультативно.

1. Любое определение [именное (в том числе и приложение), глагольное и адъективное] могло быть отделено паузой от определяемого (в отличие от первой части сложного слова), хотя, можно думать, что в живой прозаической речи такая пауза, как и в СЯЯ, была минимальной.

Приведем стихотворение (М, 869), состоящее из одного сложного предложения:

Tarasipime	Кто видел камень,
<i>kamī-nō mikōtō-rō</i>	На котором стояла
<i>na turasu tō</i>	Богиня
mi-tatasi-serisi	Тарасипиме,
<i>isi-wo tare miki</i>	Чтобы ловить рыбу?

Тут нет инверсии: в определительном предложении (составляющем первые четыре стиха) прямое дополнение *na* 'рыба', следуя за подлежащим, находится перед сказуемым, а в главном прямое дополнение *isi-wo* 'камень' предшествует подлежащему *tare* 'кто'. Можно сказать, что строгого правила, регулирующего позиции подлежащего, дополнений (прямого и косвенных) и обстоятельств по отношению друг к другу, не было и нет. Поэтому порядок этих членов предложения в ЯЯ

нельзя назвать твердым. В данном (главном) предложении перед подлежащим стоит оформленное прямое дополнение (*isi-wo*), а перед сказуемым придаточного — неформальное (*na*). Следовательно, оформленность именных членов предложения представляла объективную возможность для их свободного перемещения.

2. Падежные показатели и частицы не могли стоять в начале синтагмы (стиха), т. е. не могли отделяться от полнозначного слова паузой. Не было еще ни одного примера, в котором союз (типа *tō*, замыкающего прямую речь, или *wo* 'хотя') был бы перенесен в следующую синтагму. Обычный порядок такой (М, 870):

<i>Momoka si mō</i>	[Другое дело] путь в Матура, куда не дойдешь
<i>jukanu Maturadi</i>	И за сто дней.
<i>Kepu jukite</i>	[А тут], хоть сегодня выйдя,
<i>asu-pa kinamu wo</i>	Завтра можно вернуться,
<i>nani-ka sajareru</i>	[Но] что-то помешало.

Частицы (*si, mō*) и союз (*wo*) заключают синтагмы. Первое предложение остается формально незавершенным: оно не имеет сказуемого. В «Манъё:сю:» это встречается нередко. Сказывается желание (и необходимость) выразаться как можно короче. Еще пример (М, 872):

<i>Jama-nō na tō</i>	В виде названья горы
<i>ipituge tō kamō</i>	Чтоб пронести [свое имя] через века, должно быть,
<i>Sajopime-ga</i>	Саёпиме
<i>kōnō jama-nō pē-ni</i>	На этой горе
<i>pire-wo purikemu</i>	Платком махала.

Здесь первые четыре синтагмы завершаются падежными показателями (*-ga, -ni*) или частицами (*tō* 'в виде', *kamō* 'должно быть'). Прямое дополнение (*pire-wo*) и подлежащее (*Sajopime-ga*) оформлены. Однако их оформление, как и суффикс именного определения *-nō*, могли быть опущены (М, 871):

<i>Tōpo-tu-pitō</i>	Далеких людей [ждушая]
<i>Matura Sajopime</i>	Матура Саёпиме
<i>tumagopī-ni</i>	Из любви к мужу
<i>pire purisi jori</i>	Платком махала. [Вот] отчего
<i>operu jama-nō na</i>	Получила гора названье.

В точном переводе (без учета японского порядка слов) надо отразить отсутствие сказуемого: 'Название горы, которое она получила от того, что Матура Саёпиме махала на ней платком из любви к отъезжающему мужу' (предполагалось, что это название — *Pire-puru-jama* 'Гора, на которой машут плат-

Обычный порядок слов — *pi-tukī-nō terasu kōnō sita-pa* — нарушил бы размер.

Иногда группа подлежащего ставится позади сказуемого даже в прозе: *Ikanī zō sora-tu-piko-nō nakiurepitamaru juwe-pa* (К, 193) 'Какова причина [того, что] сын неба плакать изволит?' Но в прозе, естественно, подобные случаи редки.

4. Позиция дополнений также не была фиксированной. В результате инверсии они могут оказаться даже после сказуемого (М, 827):

<i>Ugupisu sō</i>	Камышевка,
<i>nakite inu-naru</i>	Распевая, перелетает
<i>umē-ga siduje-ni</i>	На нижние ветки сливы.

Здесь правильный порядок членов предложения превратил бы стихи в прозу: *Ugupisu sō nakite umē-ga siduje-ni inu-naru* букв. 'Камышевка, распевая, на нижние ветки сливы перелетает'.

Еще пример инверсии — постановки косвенного дополнения после сказуемого (М, 853):

<i>Miru-ni sirajenu</i>	По виду я смог понять,
<i>umabitō-nō ko tō</i>	Что [это] дети знатных людей.

Отсутствие связки (между *ko* 'дети' и *tō* 'что') для «Манъё:сю:» (в отличие от более поздних текстов) было скорее нормой.

Но обычная позиция дополнения, если оно единственное, — перед сказуемым. При этом косвенные дополнения почти всегда оформлены (М, 876):

<i>Ama tōbu ja</i>	В небе парящей
<i>tōri-ni mōgamō ja</i>	Птицей [мне] стать бы!
<i>Mijako-made</i>	До столицы
<i>okuri mawosite</i>	Тебя проводив,
<i>tōbi kaperu mōnō</i>	Полетел бы [я] домой.

Ama 'небо' — неоформленное прямое дополнение, которое указывает на сферу, в пределах которой происходит движение, выраженное глаголом-сказуемым. Частица *mōgamō* заменяет глагольное сказуемое и выражает пожелание.

Не только оформленное, но и неоформленное дополнение может стоять перед подлежащим: *Tatutajama mima tikadukaba...* (М, 877) 'Когда [к] горе Татута ваш конь приблизится...'. Правда, *Tatutajama* можно рассматривать и как слово-тему без оформления.

5. Порядок членов предложения «определение — определяемое» является наиболее устойчивым — он не нарушается даже в стихах. Числительные, выступая в роли определения, при-

нимают суффикс *-nō* и располагаются перед именем. В позиции после имени они остаются неоформленными и играют в предложении роль обстоятельства (примеры см. § 17).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) твердым является не порядок членов предложения, а порядок членов словосочетаний «определение — определяемое», «дополнение — сказуемое», «обстоятельство — сказуемое» (инверсия подлежащего и сказуемого, дополнения и сказуемого, обстоятельства и сказуемого допущалась лишь как поэтический прием);

2) служебный постпозиционный или препозиционный элемент не может быть отделен паузой от знаменательного слова, к которому он агглютинирован;

3) позиция управляемых членов предложения по отношению друг к другу не является строго фиксированной.

§ 61. Субстантивация

Если целое предложение (со своим сказуемым) попадало в позицию подлежащего или прямого дополнения главного предложения, то субстантивация этого членного предложения достигалась тем, что его сказуемое принимало определительную (т. е. причастную) форму, к которой мог присоединяться формант соответствующего падежа.

Дополнительное предложение перед *tō* [отори] 'так думаю' строилось как главное, т. е. со сказуемым в заключительной форме. В таком случае субстантивация не имеет места: *Mata ta-nō a panati mizō umuru-pa tōkōrō-wō atarasī tō-kōsō a-ga nase-nō mikōtō kaku situramē* (К, 90) 'А что касается того, что мой братец разрушил валики на полях и засыпал канавы для орошения, то поступил [он] так потому, что [считал], вероятно, [это] место целинным (букв. **новым**)'.

В предложениях со значением «Видно, что происходит то-то» сказуемое, стоящее перед *miju* 'видно', принимало заключительную форму, а само предложение строилось как главное (т. е. могло иметь свое слово-тему с формантом *-pa*): *Opobako-pa pire purasu mijū* (J, 718) 'Видно, что Опобако машет платком' [у глаголов 1-го спряжения заключительная форма (в данном случае *purasu*) формально не отличается от определительной]; *Nami tateri mijū* (M, 1182) 'Видно, как вздымаются волны'. Таким образом, предложение, стоящее перед *miju* 'видно', не субстантивировалось.

Гораздо реже, чем в последующие эпохи, применялись субстантиваторы (формальные имена) *mōnō* 'вещь', 'то, что' и *kōtō* 'дело', 'обстоятельство', 'то, что': *Jō-nō naka-nō sube naki mōrō-pa tōsi tukī-pa nagaruru gōtōsi. Tōritutuki opikuru mōnō-pa mōmōkisa-ni semē jōri kuru* (M, 804) 'То, что

в мире неотвратимо, — [это] течение времени (букв. годы, месяцы текут словно). [Это] то, что непрестанно [нас] преследует, всячески насаждает [на нас]’.

В ДЯЯ была и синтетическая субстантивная форма глаголов, которая образовывалась от ирреальной основы посредством суффикса *-ku*. Предложения, сказуемые которых принимали суффикс *-ku*, становились субстантивированными.

Особенно часто форма на *-ku* образовывалась от глаголов речи: *Umě-nō pana imě-ni kataraku...* (М, 852) ‘Цветы сливы [явились мне] во сне и сказали...’; *Pi-wo kiriidete mawosikeraku...* (К, 170) ‘Добыв огонь трением, сказал...’; *Utapitamapaku...* (К, 138) ‘Пропела ему...’. В отличие от других форм глаголов речи форма на *-ku* ставилась перед прямой речью.

Та же форма от других глаголов могла стоять и в конце предложения: *Tōsi-nō pēnuraku* (М, 3719) ‘Прошли годы’ (на СЯЯ форма на *-ku* переводится при помощи субстантиватора *koto-da*: *Toshitsuki-no heta koto-da*).

Традиционно считается, что глаголы всех спряжений, кроме 1-го и 2-го, при образовании субстантивной формы присоединяют суффикс *-raku* к заключительной основе [см. J, 808]. На самом же деле глаголы всех спряжений образуют субстантивную форму одинаково — путем замены конечного *-u* в определительной форме на *-aku* (*sur-u* → *sur-aku* и т. д.): *Miraku sukunaku koruraku-nō opoki* (М, 1394) ‘Вижу — редко (букв. мало), тоскую — много’; *Opokiki to-jori ukagapite kōrōsamu tō suraku-wo sirani...* (J, 808) ‘Не зная, что [его] собираются убить, прицелившись из-за ворот...’ (ДЯ *suraku* = СЯ *suru-no*).

Форма на *-aku* могла образовываться и от видо-временных форм: *Pojō tōrite kazasituraku-pa titōse poku tō zō* (М, 4136) ‘Украшение [волос лианами] поё есть [ритуальный акт] мольбы [о благополучии на] тысячу лет’; *Kakēmaku-pa aja-ni kasi-kosi* (М, 813) ‘То, что [я] хочу сказать, [мне] страшно [произнести]’; *Tōki-tu-kaze pukataku sirazu* (М, 1157) ‘Не знаю, когда подует попутный ветер’.

Единственным исключением из правила, в соответствии с которым *-aku* присоединяется к определительной форме, является субстантивная форма прошедшего времени. Как указывают комментаторы новейшего издания «Манъё:сю», впервые сформулировавшие это правило, ожидалось, что при образовании субстантивной формы прошедшего времени получится форма на *-seku* (поскольку *-i+a-* дает *-e-*, см. ниже примеры на субстантивную форму от прилагательных на *-ki*), но в действительности находим форму на *-siku*: *Tama piri-pisiku tune-ni wasurajezu* (М, 1153) ‘Как [мы] собирали жемчуг, никогда не смогу забыть’. Это дает им основание предположить, что в слогe *-si* ранее был гласный **i*. А *-i+a* не

сливаются в *e* [см. М I, 59]. Корень *aku*- они обнаружили в сложном глаголе *akugar-u*, вторая часть которого в текстах VIII в. применялась как самостоятельный глагол (*kar-u* 'удаляться'). Хотя *aku* самостоятельно не употреблялось, но как формант обладало, видимо, широким значением ('место', 'дело', 'то, что'). Думается, что по значению оно полностью соответствует просубстантивному *no* в СЯЯ, т. е. является субстантиватором в самом широком смысле.

От отрицательного наклонения образуется субстантивная форма на *-naku* (<*-ni* + *aku*), которую не надо путать со срединной формой отрицательного наклонения типа *toranaku* 'не беря' в НЯЯ: *Jama-simidu kumi-ni jukamēdō miti-nō siranaku* (М, 158) '[Я] пошел бы за прозрачной горной водой, но не знаю дороги' (на СЯЯ переведено: ...*michi-ga wakaranai koto-de aru* [М I, 93]).

Форма на *-naku* в текстах обычно сопровождается суффиксом дательного-местного падежа *-ni*: *Mimaku pori wa-ga suru kimi-to aranaku-ni nani-si ka kikemu* (М, 164) 'Зачем же [я] приехала сюда? Ведь и тебя, которого я так хочу увидеть, уже нет [в живых]'; *Jama kara mo pedataranaku-ni kaki kopītu* (М, 601) '[Я] буду так тосковать [по тебе], хотя [нас] не разделяют [ни] горы, ни реки'. В подобных предложениях роль формы на *-naku* + *ni* в большей мере союзная, чем субстантивирующая.

Нередко уступительное предложение со сказуемым на *naku* + *ni* оказывается в конце стихотворения: *Kopītutu woramu tukī-to pēnaku-ni* (М, 640) 'Буду тосковать [по тебе], хотя не прошло еще и месяца'; *Kēduri-nō wogusi tōri-mo minaku-ni* (М, 278) 'Не видно даже, чтобы [они] брали в руки гребенки для причесывания волос'. Если в первом предложении можно усматривать инверсию, то второе следует отнести к тем случаям, когда форма на *-aku* (с частицей *-ni* или *mo*), выступая в конце предложения, придавала ему восклицательный оттенок: *Jupitajama kojensisi kimi-ga otopojuraku-ni* (М, 3191) 'О, как часто вспоминаешься [мне] ты, перешедший гору Юпума!'

Двойное отрицание, обозначающее подчеркнутое утверждение, выражалось при помощи формы на *-naku*, образованной от *nake* — устаревшей ирреальной основы отрицательного прилагательного *naki* 'нет', 'отсутствует': *Ware nakenaku-ni* (М, 77) 'Ведь существую же я'; *Kōtō si araba pī-nimo midu-nimo ware nakenaku-ni* (М, 506) 'Если [с тобой] что-нибудь случится, — есть же я [, которая ради тебя бросится] и в огонь и в воду'.

Прилагательные образовывали субстантивную форму по общему правилу (определятельная форма на *-ki* + *aku* > *-keku*): *Na-nō wosikeku-mo ware-pa nasi* (М, 616) '[Своей] репутации

(букв. имени) мне ничуть не жаль'; *Jōkeku-to sō naki* (M, 210) 'Ничего хорошего [я] не достиг' (букв. 'нет').

Изредка на ирреальную основу прилагательного наращивалось *-naku*: *Jasukenaku-ni* (M, 534) '[Я] неспокоен'.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 62. Определение служебных слов

Служебные слова ДЯЯ отличались от полнозначных тем, что:

1) не обладали ни номинативным, ни сигнификативным значением;

2) не могли выступать в роли минимума предложения, в роли синтагмы или члена предложения;

3) не могли начинать собой предложение, синтагму, стих;

4) не отделялись паузой от полнозначного слова;

5) имели исключительно постпозиционный характер.

От суффиксов падежей они отличались тем, что входили в состав почти любого члена предложения (кроме, по-видимому, определения и приложения), не маркируя, однако, его синтаксическую функцию. Этой особенностью обладали частицы, но не послелого, которые уточняли значение определения, следуя за одним из его показателей. Третья группа служебных слов — союзные элементы — соединяла придаточные предложения с главным, интонационно входя в состав придаточного предложения (пауза отделяла союз от главного предложения, следовавшего после союза).

§ 63. Частицы

Частицы, не обозначая предметов и явлений объективной действительности, привносили в предложение модальные оттенки, выражающие субъективное отношение говорящего к тому, что выражено полнозначными словами и показателями членов предложения.

В ЯЯ имеются как простые, так и сложные частицы, образовавшиеся в результате слияния простых (*kato*, *jato*, *nato*).

В одном предложении могло быть несколько частиц как при разных членах предложения, так и при одном из них. Частицы, следующие одна за другой, надо отличать от сложных частиц, имеющих единое значение. Сложные частицы в данном очерке пишутся слитно, две разные — раздельно.

Некоторые частицы (*si*, *to*, *tōto*) не влияли на форму конечного сказуемого главного предложения, которая оставалась заключительной (как и в предложении без частиц). Но при наличии в предложении частицы *ka*, *kato* или *sō/zō* финитное

ск азуемое принимало определительную форму как в контактно й позиции (непосредственно перед частицей), так и в дистантной позиции (когда частица употреблялась при другом члене предложения). Наконец, член предложения с частицей *kōs ō* и частицы риторического вопроса *ja, jato* согласовывались с условной основой заключительного сказуемого, которая в других позициях не употреблялась самостоятельно. Это дает нам основание думать, что такое различие, исчезнувшее при переходе к НЯЯ, было связано с особыми типами интонации. При вопросе и восклицании интонация бывает восходящей, а не падающей, как при повествовании. При частицах, выражавших вопрос (*ka*) или восклицание (*kamo, namo, sō/zō*), мы находим определительную форму, которая соответствует конечной форме глагола в определительной позиции в современном языке, обладающей ровной (а не падающей) интонацией. Особая (возможно, восходящая) интонация сопутствовала частицам *ja, jato, kōs ō* 'неужели?', 'да разве?!

В стихах с их многообразной эмоциональной окраской частицы встречались часто. Различаются вопросительные, вопросительно-восклицательные, восклицательные, усилительные, пожелательные, уступительные и ограничительные частицы.

Вопросительная частица *ka* в стихах «Манъё:сю:» встретила 364 раза (при наличии вопросительного местоимения в предложении ее применение необязательно). Она могла употребляться как в самом конце предложения, так и в составе одного из глагольных или именных членов предложения: *Tare kikitū kō-ju nakiwataru karigane-nō tuma jōbu kōwe-nō tōmosiku mo aru ka* (M, 1562) 'Кто слышал, как жалобно голоса пролетающих гусей, зовущих своих подруг?'; *Momitiba-pa kepu-nō sigure-ni tiri ka sugīnamu* (M, 1554) 'Листья кленов из-за сегодняшнего дождя, наверно, опали и разлетелись?'; *Jama-nō momitiba kōjopi mo ka ukabijukuramu jatagapa-nō se-ni* (M, 1587) 'Листья кленов на горах, наверно, и сегодня вечером уплывают по стремнинам горной реки?' (в последнем предложении перед вопросительной частицей *ka* употреблена присоединительная частица *mo*).

Сливаясь с частицей *mo, ka* образует сложную вопросительно-восклицательную частицу *kamo*, которая зарегистрирована в «Манъё:сю:» 685 раз (чаще в конце предложения): *Imo-wo imē-ni dani piasiku mitu wo akēnikeru kamo* (M, 3714) 'Рассвело, увы! А [я] хотел бы подольше видеть милую хотя бы во сне'; *Samumi kamo kōnō no-nō asadi irō-dukinikeru* (M, 1578) 'Наверно, из-за холода листья кустарника на этом поле покраснели?'; *Sisi matu kimi-ga ipapiduma kamo* (M, 1262) '[Я] верная жена того (букв. твоя), кто подкарауливает оленей' (частица стоит на месте связки).

Восклицательная частица *-sō* нередко записывается в памятниках как *zō*. Несомненно, это одна и та же морфема (озвончение начального согласного постпозиционного служебного элемента в интервокальном положении — частое явление в ДЯЯ). В более ранних изданиях она везде транскрибировалась как *zō*, но сейчас решено передавать ее так, как она записана в соответствующем памятнике: *Waga kōrōmō... pagī-nō sureru sō* (M, 2101) 'Мое платье... окрасилось леспедецей!'; *Kōrōmōde samuki mōnō-ni sō arikeru* (M, 3591) 'Руки в рукавах оказались холодными'; *Mata sō okituru* (M, 1273) 'И снова положил (бросил)'; *Ajame-wo suwete nuperu kōrōmō zō* (M, 1273) 'Вот платье, которое [я] сшила, усадив [за эту работу] швей-китайнок' (*zō* играет роль связки); *Kopītutu sō woru* (M, 1570) 'Тоскую!' (*sō* употреблено между компонентами аналитической формы длительного вида).

Восклицательная частица *rō* применялась: а) в качестве форманта повелительного наклонения в восточном диалекте (соответствует центральнойпонскому *jō*): *Aze serō tō...* (M, 3517) 'Как не крути...' (*serō* — повелительное наклонение от *su* 'делать'); б) в диалектах — в позиции после соединительной основы глагола: *Waga sena-pa aze sō mo kōjopi jōsirō kimasanu* (M, 3469) 'Почему же мой милый и сегодня вечером не пришел?' (значение *rō* в таких случаях считается неустановленным [см. M III, 435]); в) непосредственно после имени или определительной формы прилагательного перед частицей *kamo*, приобретая «свойства скорее суффикса или формального имени» [J, 811]: *Wotōme usirōte-pa wodate rō kamo* (J, 811) 'Девушка сзади похожа на маленький щит'; *Kanasiki rō kamo* (M, 478) 'О как печально!'

Восклицательная частица *jō* применялась: а) в составе формы повелительного наклонения: (см. § 51, ср. *rō*, п. «а»); б) вслед за формой запретительного наклонения: *Waga seko nemokōrō-ni na kopī-sō jō tō sō ima-ni tugēturu* (M, 4011) 'Мой милый ласково сказал мне во сне: «Не тоскуй!»'; в) перед формой запретительного наклонения, вслед за другой частицей: *Oposugapara-wo usi-pa pumu wi-pa pumu tōmo jō tamu na pumi-sōne* (J, 792) 'Хотя поле, где [растет] осока, топчут коровы, топчут кабаны, [но вы,] люди, не топчите его!'; г) в конце предложения: *Waga imōko-ga sinupi-ni se jō tō tukēsi pimo ito-ni naru tōmō wa-pa tōkazi tō jō* (M, 4405) 'Завязки, которые сделала [мне] милая, сказав: «Носи на здоровье!» — я не развяжу, если даже [они] превратятся в ниточки'. Отмечают, что *jō* чаще применялось в конце предложения, чем в середине [см. J, 792]. См. *ja*.

Восклицательная частица *ja*, близкая к *jō* по звучанию и значению, чаще встречалась в середине предложения [см. J, 792]: а) между определением и определяемым (редкая пози-

ция для частицы): *Ama töbu ja töri-ni mögamö ja* (M, 876) 'Я хотел бы быть птицей, в небе парящей!' (*ja* после глагола-определения и после конечной частицы); *Wodi naki ja ware-ni otöreru pitö-wo opomi* (J, 754) 'Ведь есть много людей, которые ниже меня, низкого' (*ja* после прилагательного-определения); б) вслед за падежным показателем дополнения: *Te mö suma-ni uwesi pagī-ni ja kaperite pa miredö mö akazu* (M, 1633) 'А на леспедецу, которую [я] так старательно растил, [я] никак не могу наглядеться'; в) непосредственно за именем: *Kökö-ni site kasuga ja iduku* (M, 1570) 'Я живу здесь, а куда же [подевались] весенние дни?' (*ja* за подлежащим); г) после конечного сказуемого в заключительной форме: *Tuma tö ipubēsi ja* (M, 1257) 'Неужели же [я] смогу назвать [тебя своей] женой?!'; д) после подлежащего при сказуемом в определительной форме: *Kēdasiku mö bipa-nö sitabī-ni tuma ja kömöreru* (M, 1129) 'Может быть, в бива прячется [моя] жена?'

Два *ja* в одном предложении могли значить «или...или»: *Ikanī kaditöri midutöri-nö ukine ja subēki napo ja kögubēkē* (M, 1235) 'Ну как, лодочник, будешь ли [ты] спать на воде, как утка, или будешь еще грести?' (сказуемое в определительной форме).

О *ja* в значении риторического вопроса после условной основы см. §§ 39, 41, 49.

Сложная частица *jamo* выражала риторический вопрос: а) согласуясь с определительной формой заключительного сказуемого: *Jebajasi-ni jadöru sisi jamo motömuru ni jöki* (M, 1292) 'Разве легко охотиться [на] кабанов, которые водятся в лесу [у] устья?'; б) следуя за условной основой глагола (см. §§ 39, 41, 49).

Восклицательная частица *na* применялась еще не часто, главным образом после заключительной формы глагола: *Imö mö ware mö itaku kopīmu na* (M, 508) 'И [моя] милая, и я будем очень тосковать!' Ср. с запретительным *na* (§ 52).

Вероятно, путем слияния такого *na* с присоединительной частицей *mö* возникла сложная частица *namö*, применявшаяся исключительно в прозе при обращении к собеседнику (в «Маннѣ:сю:» только один пример, в «Указах» — около ста, см. J, 535) в основном в середине предложения. В последующие века эта частица в форме *namu* широко употреблялась в диалогах (но не в стихах). *Namö* применялось: а) после союза: *...arurasi tö namö otoposimesu* (Mn, 10; J, 535) 'Изволит думать, что... видимо, имеются'; б) после срединного сказуемого: *...tö otoposi miseba namö kakī nöritamapu* (Mn, 16; J, 535) 'Возглашает [он] так, когда считает, что...'; в) после падежного форманта: *Urupasiku siroki kata-wo namö mijörököburu* (Mn, 46; J, 535) 'На белые красивые формы смотрят

с радостью'. Частица *namō* согласовывалась с определительной формой конечного сказуемого.

Усилительные частицы *si* и *i* не влияли на форму финитного сказуемого, которая оставалась заключительной.

Частица *si* применялась чаще, чем *i*: *Kimi-wo si matamu* (М, 860) 'Тебя буду ждать' (*si* следует за формантом винительного падежа); *Akidaranu pi-pa kepu-ni si arikeri* (М, 836) 'Именно сегодня [мне] не надоедает [веселиться]' (находясь перед полусвязкой, *si* следует за *-ni* — суффиксом дательного падежа); *sigure-nō amē si* (М, 1585) 'осенний дождь' (*si* следует непосредственно за именем); *Imo-wo si sō toru* (М, 1632) 'О любимой тоскую!'; (*si* соседствует как с *-wo*, так и с частицей *sō*). В отличие от *sō* эта частица почти не встречалась в позиции заключительного сказуемого [см. J, 346]. В этой позиции она могла следовать только после частицы *kamo*.

Частица *i* — единственная энклитика в ДЯЯ, не начинающаяся на согласный. В дальнейшем она исчезает. Может быть, ДЯ *i* < **ji*? Только отпадением древнего **j*- можно было бы объяснить стечение двух гласных при соединении имени, оканчивающегося на гласный, с частицей *i*. Она применялась: а) для подчеркивания подлежащего: *Pitōpi dani kimi i si naku pa tapēgataki kamo* (М, 537) 'Если даже один день тебя нет, — как [я] страдаю!'; *Opijukaba Kī-nō sekimori i tōdōmētenu kamo* (М, 545) 'Если бы [я] погналась [за тобой], все равно страж на заставе [провинции] Кы задержал бы [меня]'; *Katare katare tō nōrase kōsō Sipi i pa mawose* (М, 237) 'Сипы (=я) осмеливается говорить именно потому, что [вы] велите: «Рассказывай, рассказывай!»' (отмечают, что и в корейском языке имеется частица *i*, являющаяся показателем подлежащего [см. М I, 258]); б) для подчеркивания глагольного определения (в несвойственной частицам позиции — перед определяемым): *Tama-nō wo-nō tajezi i imo tō musubitesi kōtō-pa patasazu* (М, 481) 'Обещание, которое связало меня с милрой — чтоб не рвалась яшмовая нить, осталось невыполненным' (т. е. милрая умерла); *Pana matu i ma-ni nagēkituru kamo* (М, 1359) 'О как [я] вздыхал о том, что цветов придется ждать долго!'

Большой интерес вызывают частицы *moga[mo]* и *gane*, при помощи которых выражался ряд оттенков пожелания. (Модальное значение пожелания вообще выражалось формой пожелательного наклонения, см. § 42.)

При помощи частицы *moga[mo]* в позиции после дательного (предикативного) выражалось пожелание стать кем-то, а в позиции непосредственно после имени — пожелание, чтоб лица или предметы, выраженные подлежащим, появились. Частица *moga[mo]* употреблялась в составе сказуемого вместо

его глагольной части: *Siratuju-wo... tama-ni nuku monō-nē moga* (M, 1572) 'Хотел бы быть тем, кто нанижет белую росу... как жемчуг'; *Mimu pitō mogamo* (M, 1542) 'Сюда бы тех, кто любовался бы [цветами]!'; *Wa-ga moru kimi-pa titō-se-ni mogamo* (M, 1024) 'Хочу, чтобы мой любимый господин (=вы) прожил 1000 лет!'. Видимо, *moga[mo]* имеет общее происхождение с индонезийской частицей *moga[moga]* 'пустить'.

Частица *gane* применялась после определительной формы глагола, выражая пожелание, чтобы действие, выраженное глаголом, осуществилось: *...na nōmī mo kikite tōmōsiburu gane* (M, 4000) '...чтобы лишь услышав [их] имени, [люди] завидовали бы [им]'; *Simē dani papē jō moru tō siru gane* (M, 2219) 'Поставь [здесь] знак, чтобы [все] знали, что [есть человек, который ее] охраняет'. В «Песнях Востока» вместо частицы *gane* применялась *gani*, являвшаяся, видимо, восточным диалектизмом.

Уступительные частицы — *dani*, *mo*, *sapē*, *sura* — имели, видимо, тонкие отличия.

Частица *dani* следовала непосредственно после имен или после их падежных показателей: *...kaperi-ni dani mo* (M, 1036) '...хотя бы пришлось вернуться'; *Kōjopi dani pajaku jopi-jori pimo tōke wagimo* (M, 3119) 'Хотя бы сегодня пораньше, с вечера, развяжи [мне] завязки, моя милая!'. Предложения, в которых применялось *dani*, выражали намерение, повеление, пожелание, гипотетичность [см. J, 433].

Частица *mo* (наиболее употребительная) применялась: в составе уступительного деепричастия (факультативно, см. § 39), после заключительной формы глагола или прилагательного (см. § 36), после форм косвенных падежей (кроме родительного и притяжательного) и непосредственно после имен и наречий. Частица *mo* имеет уступительное значение ('если даже', 'хотя'), а также присоединительное ('и', 'также').

Частица *sapē*, следуя за именем, обозначала, что предмет, выраженный им, причисляется к ряду других, обладающих определенным свойством [см. M II, 173]. Следовательно, по происхождению она может быть связана с глаголом *sopē/sōpē/sōpu-ru* 'добавлять' [см. J, 339]. *Sapē* в ДЯЯ присоединялась только непосредственно к подлежащему или к именам в обстоятельственной или союзной функции, указывающим на время: *Akadama-pa wo-sapē pikaredō...* (K, 206) 'Хотя у [этих] красных драгоценных камней сияет даже нить [, на которую они нанизаны]...' (помимо их самих); *Tatibana-pa mī sapē pana sapē sōnō pa sapē je-ni simo puredō ija tōkōpa-nō kī* (M, 1008) 'Мандарин — вечнозеленое дерево и по плодам, и по цветам, и по своей листве, даже если на [его] ветви выпадает иней'; *Asa sapē mimaku...* (M, 1014) 'И даже завтра хочу [тебя] увидеть...' (хотя мы виделись и вчера и

сегодня); *Aperu töki sapē omo kakusi-suru* (М, 2916) 'Даже тогда, когда [мы] встречаемся, [ты] закрываешь [свое] лицо'.

Частица *sura* 'даже' следовала непосредственно за именем или — изредка — за падежным показателем или союзным элементом (или между ним и именем) [см. J, 339]. Она обозначала, что действие, выраженное глаголом, является исключительным, парадоксальным или, наоборот, имеет аналогию среди обычных, рядовых процессов: *Kötō topanu kī sura imo tö se ari tö pu wo* (М, 1007) 'Говорят, что даже [у] безгласных деревьев есть сестры и братья'; *Ututu-ni mo onöduma sura wo kagami tö mitu mo* (М, 3808) 'И наяву даже собственная жена показалась [мне] красавицей (букв. зеркалом)'; *Kamo-sura-ni... pitöri nenaku-ni* (М, 390) 'Даже утки... не спят в одиночку'.

Ограничительных частиц было всего три: *nömī* (встречалась чаще других), *bakari* и *damī*.

Частица *nömī* следовала преимущественно непосредственно за именем: *Imē-nömī-ni miru sura kököda kopuru a-pa ututu-ni miteba masite ikani aramu* (М, 2553) 'Я так люблю [ее], хотя вижу только во сне; а что бы было, если бы я увидел [ее] наяву?' (*sura* после глагола). За *nömī* могла следовать другая частица: *Ware nömī ja jobune-pa kögu* (М, 3624) 'Только я один гребу на лодке ночью'. Изредка *nömī* встречалась и в составе срединного сказуемого: *Tada-ni apite miteba nömī kösö...* (М, 678) 'О, если бы только встретиться [с тобой] наедине...'

Частица *bakari* кроме 'только' передавала и значение 'примерно', 'около'. Она присоединяется как к именам, так и к другим частям речи: *tama-nō wo bakari* (М, 3086) 'хотя бы на короткое время' (букв. 'нить ожерелья только', *tama-nō wo* 'нить ожерелья' — образ чего-то короткого, быстротечного); *kaku bakari* (М, 3739) 'только так'; *Pirōsegapa sode tuku bakari asaki wo ja* (М, 1381) 'Река Пиросэ так мелка, что [вода] доходит только [до] рукавов [одежды, если переходить реку вброд]'.

Частица *bakari* происходит, вероятно, от соединительной формы глагола *pakar-u* 'мерить', 'вычислить' (приблизительно) [см. J, 573].

Частица *damī*, впоследствии исчезнувшая, также обозначала как ограничение, так и приблизительность, следуя в основном за словами, обозначающими пространство и время [см. J, 447]: *Tikaku araba ita putuka damī tōpoku araba nanuka-nō woti-pa sugimē jato kinami* (М, 4011) 'Если окажется близко, [потребуется] дня два, а если — далеко, не пройдет и семи дней, как [я] вернусь'.

Считают, что *damī* восходит к срединной форме глагола *tamī/tamu-ru* 'обходить', 'огигать'.

§ 64. Послелог

Послелог обладает общими для служебных слов свойствами (см. § 62). Они либо следуют за формантом родительного или притяжательного падежа (*götō[si]* 'подобно', *tamē* 'для', см. §§ 23 и 24), либо непосредственно за именем (*götō-ni* 'каждый', *juwe-ni* 'из-за'). И те и другие могли следовать и после придаточного предложения, выполняя функцию союзов в сложном предложении (см. § 65). Многие послелог нередко агглютинировали суффикс дательного-местного падежа *-ni*: *Otō-nō sa-jakesa tagitu se götō-ni* (М, 314) 'О, звуков чистота в потоке каждом бурном!' (инверсия); *apanu ko-juwe-ni* (М, 372) 'из-за девушки, с которой [я] не встречаюсь'.

§ 65. Союзные элементы

Во всех литературных языках появление союзов относится к сравнительно позднему времени. Не представляет исключения в этом отношении и японский язык. Многих современных союзных элементов в ДЯЯ еще не было. Отыменные союзные слова, указывая на характер связи между предложениями, оставались в той же синтаксической позиции, что и полнозначные имена-определяемые. Тенденция превратиться в союзное слово была заложена в именах с наиболее абстрактным значением (ср. *tōki* 'время' и *asa* 'утро', *jo* 'ночь'). Можно сказать, что союзных слов, применявшихся только для связи между предложениями, почти не существовало, — такая связь выражалась в основном посредством срединных форм сказуемых придаточных и слитных предложений.

Можно говорить лишь о союзной функции той или иной служебной морфемы, имевшей, как правило, и другое употребление.

Падежные показатели в роли союзов. О союзной функции падежного показателя можно говорить тогда, когда в главном предложении нет глагола, который мог бы управлять соответствующим падежом, и он не подразумевается. Так могли употребляться форманты *ni*, *wo*, *made[ni]*, *tō[mō]*, *jori[pa]* уже в ДЯЯ.

Ni употребляется для выражения временной или уступительной связи: *Mijadi-wo juku ni waga mo jaburenu* (М, 1280) 'Когда [я] шла по храмовой дороге, мое платье разорвалось' (в речи о прошлом глагол настоящего времени *juku* 'иду' применен в относительном значении одновременности); *Ipa-nō pē-nō sugē-nō ne mimu ni tukū matigataki* (М, 1373) 'Трудно дожидаться луны, когда хочешь [при ее свете] полюбоваться осокой на скалах'; *Ipebitō-nō matikopuramu ni aka-*

situru uwo (M, 3653) 'Хотя домашние, наверно, ждут [их] с любовью, [рыбаки знай себе] лучат рыбу'; *Akatōki-nō ipego-pīsiki ni...* (M, 3641) 'На рассвете, когда дома [так] приятно...'

В ряде предложений *ni* указывает на цель: *Kaperusa-ni imo-ni misemu-ni...* (M, 3614) 'Чтобы показать милой при возвращении...'; *...pune-nō tōmari tugēmu ni* (M, 3612) '...чтобы сообщить [родным] о прибытии [моего] корабля'.

Имеющиеся материалы позволяют сделать следующие выводы: 1) *ni* присоединялось к определительной форме глагола или прилагательного, хотя и не обладало каким-либо экспрессивным значением (ср. с частицами *sō/zō*, *ja*, *na* и др., см. § 63); 2) *ni* имело широкое союзное значение; 3) при перемене мест главного и придаточного предложений союз остается в составе придаточного [как в стихотворении, приведенном выше (M, 3612)].

wo в союзном значении употреблялось главным образом для связи уступительного предложения с главным: *Amē-ni pa kinu wo ajasiku mo waga kōrōmōde-pa puru tōki naki ka* (M, 1371) 'Хотя [я] не надеваю этого платья в дождь, [почему] мои рукава никогда не просыхают [от слез]?'; *Wagimoto-pa paja mo kōnu ka tō maturami wo oki-ni ja sumami ipe tukazu-site* (M, 3645) 'Хотя моя любимая, наверно, ждет, не вернусь ли [я] поскорей, придется заночевать в океане, не добравшись до дома'; *Wagimoko-ga katami-ni mimu wo...* (M, 3596) 'Хотя [я] хотел бы посмотреть [эту местность] в память о любимой...'

Как видно из примеров, перед *wo* могли следовать глаголы разных наклонений в определительной форме. Уступительный союз *wo* и суффикс винительного падежа *-wo* имеют разные значения, что является одним из оснований для их различия. Другое их различие — синтаксическое: дополнение с суффиксом *-wo* управляется переходным глаголом, а придаточное предложение с союзом *wo* не соотносится со сказуемым главного предложения.

Made[ni] 'так...что', 'пока не', 'до того...что', 'до тех пор... пока не' по своему союзному значению близко к форманту предельного падежа *-made* 'до': *Jamabiko-nō apitō jōmu made tumagopī-ni ka naku* (M, 1602) 'Олень так ревет из любви к подруге, что отзывается эхо в горах'; *Akipagī-ni tama tō miru made okeru siratuju* (M, 1598) 'Белые росинки так усыпали осеннюю леспедецу, что кажутся жемчужинами'; *Tukī tatu madeni kimasaneba...* (M, 1620) 'Если [ты] не придешь к [тому времени], когда взойдет луна...' (конечная форма глагола *tatu* 'всходить' применена в речи о будущем в относительном значении непредшествования).

Союз *jori* (от суффикса исходно-сравнительного падежа *jo-*

ri, см. § 29) имел значения 'с тех пор как' и 'чем': *Karigane kikisi jori padaresimo puri...* (М, 2132) 'С тех пор как [мы] услышали крики [улетающих] гусей, выпадает легкий иней...'; *Wagimoko-ga jotode-nō sugata mitesi jori kōkōrō sora-nari* (М, 2950) 'С тех пор как [я] увидел в дверях фигуру милой, вышедшей [ко мне] ночью [на свидание], [я] почувствовал себя на седьмом небе (букв. сердце — на небе)'; *Tama sikite matamasi jori pa takesoka-ni kitaru kōjopi si tanosiku omopōju* (М, 1015) 'Думаю, что [вам] приятнее сегодняшней вечер, [хотя я] пришел неожиданно, чем если бы [вы меня] ждали, усыпав яшмой путь'.

Изъяснительный союз *tō* (ср. суффикс совместного падежа *tō*) употребляется перед глаголом речи или мысли. Сказуемое в составе прямой речи, непосредственно предшествуя союзу, принимало заключительную форму в том случае, если в предложении не было частицы, согласующейся с определительной формой (см. § 33).

Tō могло иметь и уступительно-временное значение: *Ara-ki-nō woda-wo motōmē~u tō ajupi denurenu* (М, 1110) '[Я] замочил подвязки, когда собирался искать небольшое целинное поле'; *...na-wo arasopu tō tama kiparu inōti-mo sutete apitōmō-ni tumadōpi-sikeru* (М, 4211) 'Говорят, что они оба, борясь за первенство, пожертвовали своей драгоценной жизнью, добываясь [руки одной и той же] девушки'.

Союз *tō*, сливаясь с частицей *mō*, образовывал сложный союз *tōmō*, имеющий уступительное значение: *Kaze pukite uti-pa aru tōmō tōrazu pa jamazi* (М, 1317) 'Хотя дует ветер и море бушует, [я] не успокоюсь (букв. не перестану), пока не достану [жемчужин]'; *Kaduki-suru ama-pa nōru tōmō...* (М, 1303) 'Сколько бы ныряющие [за жемчужницами] рыбаки ни приносили заклинаний...'; *Tuju-nō kēnaba kēnu tōmō irō-ni demē jamo* (М, 1595) 'Если даже [я] исчезну, как роса, разве [это тебя] взволнует (букв. проявится в цвете [твоего лица])?'. Сказуемое перед *tōmō* имело заключительную форму.

Послелогои в роли союзов. Послелогои *gōtō[ku]*, *tamē[ni]*, *gōtōni*, *juwe-ni*, *kara-ni* в позиции между придаточным и главным предложениями выступали в союзной функции, указывая на характер связи между ними: *Idetatu gōtōni nagēki si masaru* (М, 1049) 'С каждым разом, когда я выхожу из дому, мне становится все грустнее и грустнее' (примеры на *gōtō[ku]* и *tamē* см. § 24); *Wemisi-ga karani tuma tō ipu bēsi ja* (М, 1257) 'Неужели же [я] смогу назвать [тебя своей] женой, раз [ты мне] улыбнулась?' (к *kara-ni* восходит современный причинный союз *kara*).

Отыменные союзные слова. О превращении имени с абстрактным значением ('место', 'время', 'причина') в союз-

ное слово можно говорить в том случае, если оно перестает употребляться в начале синтагмы. Из таких слов в ДЯЯ появилось лишь *to-ni* 'пока не', 'перед тем как': *Paja kapermase kop̄sinanu to-ni* (М, 3748) 'Поскорее возвращайся, — пока [я еще] не умерла от любви!' (инверсия); *To-ni* могло обозначать и одновременность: *Umai nesi to-ni nipa-tu-tōri kake naku nari* (J, 487) 'Когда [я] сладко спал, дворовая птица — петух запел' (*nari* после заключительной формы глагола не связка, а глагол со значением 'звучать').

ИНДЕКС АФФИКСОВ И СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

-*a*- § 40 окончание ирреальной (1-й) основы глаголов 1-го спряжения, а также неправильных глаголов типа *ari* и *sinu*.

-*a-ba* § 41 сложный суффикс условно-временно-причинного деепричастия от глаголов предположительного наклонения.

-*aj*- § 37 суффикс страдательного залога глаголов 1-го спряжения, присоединялся к ирреальной основе; см. *-raj*-.

-*aku* § 61 формант субстантивной формы глаголов, присоединялся к определительной основе, окончание которой (-*u*) при этом выпадало; ср. *-eku*.

ari 'быть', 'находиться' § 19 неправильный глагол [парадигма спряжения по синтаксическим позициям: *ara*- (ирреальная основа), *ari* (соединительная форма), *ari* (заключительная форма), *aru* (определяющая форма), *are* (условная основа)]; *ari* в сочетании с предшествующим суффиксом дательно-местного падежа *-ni* выступал в роли связки; см.: *-nari*, *-ta-ri*, *-keri*.

-*ar*- — показатель непереходности ряда глаголов (§ 19) и суффикс страдательного залога (§ 37); варианты: *-ör*-, *-or*-, *-ur*-.

-*as*- § 19 суффикс многих переходных глаголов; варианты: *-ös*-, *-os*-, *-us*-; указывал также на вежливость к деятелю (§ 36).

-*ba* — суффикс условно-временно-причинного деепричастия изъявительного наклонения [типа *ak-ē-ba* 'если (когда, так как) открываю/открывал', § 39] и предположительного наклонения [типа *ak-a-ba* 'если бы (в дальнейшем) открыл', § 41].

bakari 'только', 'примерно' § 63 ограничительная частица.

-*bēki* § 47 сложный суффикс определительной формы долженствовательно-потенциального наклонения, см. *-bēsi*; ср. *-ki*.

-*bēku* § 47 сложный суффикс срединной формы долженствовательно-потенциального наклонения, см. *-bēsi*; ср. *-ku*.

-*bēmi* § 47 сложный суффикс причинного деепричастия долженствовательно-потенциального наклонения, см. *-bēsi*; ср. *-mi*.

-*bēsi* § 47 сложный суффикс заключительной формы долженствовательно-потенциального наклонения, присоединялся к заключительной основе; ср. *-si* § 18.

dami 'примерно' § 63 ограничительная частица.

dani 'даже' § 63 уступительная частица.

-*dōmō* § 19 суффикс уступительного деепричастия, присоединялся к условной основе глаголов (на *-ē*) и прилагательных (на *-e*).

-*dōmō* § 16 именной суффикс множественности; ср. *-ra*, *-tati*.

e- § 37 глагольный префикс, выразивший потенциальность.

e — а) окончание глаголов 1-го спряжения и типа *ari* в повелительном наклонении (§ 51); б) окончание условной основы глаголов 1-го спряжения (с корнем на *-r*-, *-s*-, *-t*-, *-w*-) и глаголов всех остальных спряжений (§ 39), см. *-ē*.

-*ë* § 39 окончание условной основы глаголов 1-го спряжения (с корнем на *-k-*, *-g-*, *-p-*, *-b-*, *-m-*); см. *-e* п. «б».

-eku § 61 формант субстантивной формы прилагательных; ср. с глагольным формантом *-aku*.

-eri (<*l+ari*) § 56 формант перфекта глаголов 1-го спряжения и глагола *su*, присоединялся к корню с исходом на согласный.

-eriki § 53 сложный глагольный суффикс заключительной формы прошедшего времени перфекта, присоединялся к корню глаголов 1-го спряжения и глагола *su*.

-erisi § 53 сложный глагольный суффикс определительной формы прошедшего времени перфекта; см. *-eriki*.

-ga § 24 суффикс притяжательного падежа, применялся после собственных имен и личных местоимений; после нарицательных имен — названий одушевленных предметов, после топонимов и послелогов чередовался с *-nõ*.

-gane § 63 частица, выражавшая пожелание, присоединялась к определительной форме заключительного сказуемого-глагола.

-gani § 63 частица, присоединялась к заключительной форме предикатива; восточный диалектизм, см. *-gane*.

-gate-ni § 44 сложный суффикс, присоединялся к соединительной основе глагола, указывая на трудность совершения действия.

-gateri (<*kati+ari*) § 39 производный суффикс одной из форм деепричастия одновременности, присоединялся к соединительной основе глаголов.

gõtõ 'подобно' §§ 23, 24 послелог, см. *gõtõsi*.

gõtõni 'каждый' §§ 64, 65 послелог.

gõtõsi 'подобно' — заключительная форма прилагательного-послелога, следовала за определительной формой глагола, либо за формой родительного (§ 23) или притяжательного (§ 24) падежа.

-i § 39 окончание соединительной формы глаголов 1-го спряжения и неправильных глаголов типа *ar-i* и *sin-u*; у глаголов типа *ar-i* и у глаголов с производными суффиксами, включающими в себя *ari*, это *-i* было окончанием и заключительной формы (*ar-i*, *-tar-i*, *-er-i*, *-ker-i*); ср. *-u*.

i § 63 усилительная частица, следовавшая за подлежащим.

i- § 19 глагольный префикс, утративший свое значение.

inu 'уходить' § 19 неправильный глагол, спрягался по типу *sinu*.

ja — частица риторического вопроса, перед которой глагол-сказуемое в изъявительном (§ 35), предположительном (§ 41) и гипотетическом (§ 49) наклонениях выступал в форме на *-ë*; см. *jamo*.

ja § 63 восклицательная частица, перед которой предикатив выступал в заключительной форме; ср. *jõ*.

jamo § 36 сложная частица риторического вопроса, см. *ja*.

-jo — вариант *-jori*.

jõ — а) формант повелительного наклонения глаголов 2-го, 3-го и 4-го спряжений (§ 51); б) восклицательная частица (§ 63); ср. *ja*.

-jori 'от', 'из', 'с', 'через', 'сквозь' § 29 суффикс исходно-сравнительного падежа, следовал за названием исходного пункта движения или времени его начала; в значении 'чем' *-jori* употребляется после названия того предмета, с которым производится сравнение; ср. *-made* § 30.

jori 'с тех пор как', 'чем' § 65 союз; см. *-jori*.

-ju — вариант *-jori*.

juri — вариант *-jori*.

-juwz-ni 'так как', 'поэтому' § 64 причинный союз-послелог.

-karani § 44 сложный суффикс определительной формы производных прилагательных в отрицательном наклонении.

-kari (<*-ku+ari*) § 18 формант производных прилагательных в изъявительном наклонении.

-ketu § 41 сложный глагольный суффикс прошедшего времени пред-

положительного наклонения, присоединялся к заключительной основе; ср. *-ki* § 53, *-mu* § 41.

-kerazu § 44 сложный глагольный суффикс заключительной формы отрицательного наклонения инвентива.

-keredōmo 'хотя оказалось, что...' § 59 суффикс уступительного деепричастия инвентива.

-keri 'оказывается' § 59 производный суффикс заключительной формы инвентива, присоединялся к соединительной основе.

-keru § 59 производный суффикс определительной формы инвентива; см. *-keri*.

-ki — суффикс определительной формы прилагательных (§ 18) и долженствование-потенциального наклонения глаголов (§ 47); ср. *-si* § 18.

-ki § 53 суффикс заключительной формы прошедшего времени глаголов (парадигма: *-se*, —, *-ki*, *-si*, *-sika*), присоединялся к соединительной основе.

ki § 19 срединная форма неправильного глагола *ku* 'приходить'; в сочетании с *ari* 'быть' образовала формант инвентива *-keri*.

ko- § 16 именной уменьшительный префикс.

kōsō 'а именно' — частица, при наличии которой в предложении глагол-сказуемое выступал в условной основе (на *-ē*, § 36), глагол-сказуемое в наклонении видности — в определительной форме (§ 50); *kōsō* после соединительной формы имело повелительное значение (§ 51).

-ku — суффикс наречий (§ 21) и срединной формы прилагательных (§ 18), присоединяется к корню прилагательного на гласный; *-ku* входит в состав сложного суффикса *-bēku* (§ 47); ср. *-aku*.

ku 'приходить', 'наступать' § 19 неправильный глагол (парадигма: *kō*, *ki*, *ku*, *kuru*, *kure*).

-made 'до' § 30 суффикс предельного падежа, следует после названия конечного пункта движения или наименования времени окончания действия, противопоставлялся суффиксу *-jori*.

made[ni] 'так...что', 'пока не', 'до того...что', 'до тех пор... пока не' § 65 союз, применялся после определительной формы предикатива; см. *-made* § 30.

-masi § 43 суффикс нереально-желательного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе.

-masizi § 48 суффикс дубитативного наклонения, присоединялся к заключительной основе (~ тюрк. *-ma* 'не' + *siz* 'без'); ср. *-zi*.

me-, *-me* 'самка' § 16 именной полуаффикс.

-mē § 41 формант условной основы предположительного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе, применялся при наличии в предложении частицы *kōsō*, а также перед частицами риторического вопроса *ja*, *jamo*; см. *-mu*.

-mi — суффикс причинного деепричастия от прилагательных (§ 18) и долженствование-потенциального наклонения глаголов (§ 47).

mi- § 16 именной префикс почтительности.

mo 'и', 'также', 'даже', 'хотя' — частица, входила в состав уступительного деепричастия (§ 39), следовала за заключительной формой глагола (§ 36) или именем с показателем ксвенного падежа или без показателя падежа.

moga[mo] § 63 частица, выражавшая пожелание.

-mu § 41 суффикс предположительного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе глаголов; входил также в состав сложных суффиксов: *-ketu*, *niketu*, *-namu*, *-temu*; ср. *-mē*.

na § 63 всклищательная частица; см. *namo*.

na § 52 преформатив запретительного наклонения, предшествовал соединительной основе глагола с суффиксом *-sō*.

-na § 52 суффикс запретительного наклонения глаголов, присоединялся к заключительной основе.

- na-** § 16 устаревший формант определения, входил в состав небольшого числа сложных слов, образовавшихся от именных словосочетаний.
- na** § 42 суффикс пожелательного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе.
- nagara** § 39 суффикс одной из форм деепричастия одновременности.
- naku** (< **-nu** + **aku**) § 61 сложный суффикс субстантивной формы отрицательного наклонения, соответствует **-nai no** в СЯЯ.
- namō** § 63 сложная восклицательная частица, согласовывалась с определительной формой заключительного сказуемого.
- namu** § 41 сложный глагольный суффикс предположительного наклонения совершенного вида, присоединялся к соединительной основе.
- nap-** § 19 словообразовательный суффикс ряда глаголов.
- naru** § 27 определительная форма связки, см. **-nari**.
- nari** § 19 заключительная и срединная формы связки (образовались из суффикса дательно-местного падежа **-ni** и глагола **ari**).
- nasu** 'подобно', 'словно', 'так, как' § 23 суффикс, вариант — **nōsu**.
- ne** — суффикс императивного значения: а) присоединяясь к 1-й основе, входил в состав одной из форм повелительного наклонения (§ 51); б) присоединяясь к суффиксу **-sō**, усиливал значение запрещения (§ 52).
- neba** § 44 сложный суффикс условно-временнo-причинного деепричастия отрицательного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе.
- nedōmo** § 44 сложный суффикс уступительного деепричастия отрицательного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе.
- ni** § 51 формант одной из форм повелительного наклонения.
- ni** — а) суффикс дательно-местного падежа (§ 27); б) показатель многих наречий (§ 21).
- ni** § 54 суффикс срединной формы совершенного вида; входил также в состав сложных суффиксов **-niki**, **-nikeri**; см. **-nu**.
- ni** § 44 выходящий из употребления суффикс срединной формы отрицательного наклонения, входил в состав **-gateni**; ср. **-zu**.
- nikemu** § 41 сложный глагольный суффикс предположительного наклонения прошедшего времени совершенного вида, присоединялся к соединительной основе; ср. **-kemu**, **-mu**.
- nikeri** § 59 сложный суффикс заключительной формы инвентива, присоединялся к соединительной основе.
- nikeru** § 59 сложный глагольный суффикс определительной формы инвентива совершенного вида; см. **-nikeri**.
- niki** § 53 сложный глагольный суффикс заключительной формы прошедшего времени совершенного вида, присоединялся к соединительной основе; ср. **-nisi**.
- nisi** § 53 сложный глагольный суффикс определительной формы прошедшего времени совершенного вида; см. **-niki**.
- nō** § 23 суффикс родительного падежа; входит также в состав ряда указательных местоимений в определительной форме (§ 20, ср. **-re**); оформляет подлежащее придаточных предложений, иногда приложение (чередуясь с **-ga**); выражал также уподобление: **jama-nō** 'горы' или 'подобно горе'; ср. **-ga**.
- nōmi** § 62 'только' — ограничительная частица.
- nōsu** § 23 диалектный (восточный) вариант суффикса **-nasu**.
- nu** § 44 суффикс определительной формы отрицательного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе глаголов; ср. **-zu**.
- nu** § 54 глагольный суффикс заключительной формы совершенного вида, присоединялся к соединительной основе; восходит к **inu**.
- nureba** § 54 сложный глагольный суффикс условно-временнo-причинного деепричастия совершенного вида; см. **-nu**.
- nuredō[mo]** § 54 сложный глагольный суффикс уступительного деепричастия совершенного вида; см. **-nu**.
- nuru** § 54 суффикс определительной формы совершенного вида; см. **-nu**.

- oro-* § 16 именной увеличительный префикс.
- oroti-* § 16 сложный именной префикс, выражал большую, чем *mi-*, степень почтения.
- ör-/or-* § 19 варианты суффикса непереходных глаголов *-ar-*.
- ös-/os-* § 19 варианты суффикса переходных глаголов *-as-*.
- pa* § 32 суффикс выделительного падежа, входит в состав слова-темы; *-pa* может следовать и за показателем другого падежа (*-ni*, *-made*, *-jori*); см. *-woba*.
- pe* 'место' § 28 именной корень, превращающийся в суффикс направительного падежа; ДЯ *-pe* > СЯ *-e*.
- ra* § 16 именной суффикс множественности; ср. *-dömö*, *-tati*.
- raj-* § 37 суффикс страдательного залога глаголов 3-го и 4-го спряжений; см. *-aj-*.
- ramë* § 49 сложный глагольный суффикс гипотетического наклонения, употреблялся перед частицами риторического вопроса *jamo*, *ja* и при наличии в предложении частицы *kösö*; см. *-ramu*.
- ramu* § 49 сложный глагольный суффикс гипотетического наклонения, присоединялся к заключительной основе, см. *-ramë*; ср. *-mu*.
- rasi* § 50 суффикс заключительной формы наклонения видимости, присоединялся к заключительной основе глаголов; см. *-rasiki*.
- rasiki* § 50 суффикс определительной формы наклонения видимости; см. *-rasi*.
- re* § 20 суффикс субстантивной формы ряда местоимений (*wa-re* 'я', *ta-re* 'кто?', *kö-re* 'это').
- ri* см. *-eri*.
- riki* см. *-eriki*.
- risi* см. *-erisi*.
- rö* § 63 восклицательная частица.
- ru* см. *-eru*.
- sa-* — префикс имен и прилагательных (§ 16), а также глаголов (§ 19), утративший свое значение.
- sa* § 16 словообразовательный суффикс отадъективных имен.
- sapë* 'даже' § 63 уступительная частица.
- seba* § 41 суффикс условно-временно-причинного деепричастия прошедшего времени предположительного наклонения.
- si* § 18 словообразовательный формант многих прилагательных; см. *-siki*, *-siku*.
- si* § 18 суффикс заключительной формы прилагательных типа *siro-si* 'бел', входил также в состав сложного суффикса *-bësi*; ср. *-ki* § 18.
- si* § 53 глагольный суффикс определительной формы прошедшего времени; см. *-ki*.
- si* § 63 усилительная частица, обычно не переводится.
- sika* § 53 глагольный суффикс условной основы прошедшего времени изъявительного наклонения; см. *-ki*.
- sikaba* § 53 сложный суффикс условно-временно-причинного деепричастия прошедшего времени изъявительного наклонения, присоединялся к соединительной основе глаголов; см. *-ki*; ср. *-seba*.
- siki* § 18 сложный суффикс определительной формы прилагательных на *-si* (типа *atarasi* 'нов').
- siku* — сложный формант срединной формы ряда прилагательных (§ 18) и некоторых наречий (§ 21); ср. *-ku*.
- sim-* § 38 суффикс побудительного залога, присоединялся к ирреальной (1-й) основе.
- sin-u* 'умирать' § 19 неправильный глагол (парадигма: *sina-*, *sini*, *sinu*, *sinuru*, *sinure*); ср. *inu*.
- sö* § 63 восклицательная частица, при наличии которой в предложении заключительное сказуемое принимало определительную форму; вариант—*zö*.

- sō* § 52 суффикс глаголов в запретительном наклонении, присоединялся к соединительной основе; ср. *na*.
- su* 'делать' § 19 неправильный глагол (парадигма: *sō/se-*, *si*, *su*, *suru*, *sure*), образует производные глаголы от имен действия.
- sura* 'даже' § 63 уступительная частица.
- ta-* § 16 префикс ряда имен, наречий, глаголов (см. также § 19), утративший значение.
- tamē* 'для' § 24 послелог.
- tari* (<*-te+ari*) § 57 производный суффикс заключительной формы перфекта, присоединялся к заключительной основе.
- tarikī* § 53 сложный глагольный суффикс заключительной формы прошедшего времени перфекта, присоединялся к соединительной основе; ср. *-ki*.
- tarisi* § 53 сложный глагольный суффикс определительной формы прошедшего времени перфекта; см. *-tarikī*; ср. *-si*.
- taru* § 57 производный суффикс определительной формы перфекта; см. *-tari*.
- tati* § 16 именной суффикс множественности; ср. *-ra*, *-dōmō*.
- te* — а) суффикс срединной формы заверщенного вида (§ 55); б) суффикс деепричастия предшествования (§ 39); в) суффикс наречий, происходящих из деепричастия (§ 21).
- teki* § 53 сложный глагольный суффикс заключительной формы прошедшего времени заверщенного вида, присоединялся к соединительной основе; ср. *-ki*.
- temu* § 41 сложный глагольный суффикс предположительного наклонения заверщенного вида, присоединялся к соединительной основе; ср. *-mu*.
- tena* § 42 сложный глагольный суффикс пожелательного наклонения заверщенного вида, присоединялся к соединительной основе; ср. *-na*.
- tesi* § 53 сложный глагольный суффикс определительной формы прошедшего времени заверщенного вида; см. *-teki*.
- ti* § 17 суффикс, нередко присоединявшийся к числительным, обозначающим десятки и сотни; ср. *-tu*.
- tō* 'что' § 33 изъяснительный союз, заключает прямую речь (со сказуемым в заключительной форме); за *tō* обычно следует глагол речи или мысли; см. суффикс совместного падежа *-tō*.
- tō* 'с' § 33 суффикс совместного падежа; см. соединительный союз *tō* 'и' и изъяснительный союз *tō* 'что'.
- tō* § 21 словообразовательный формант наречий; ср. *-ni*.
- tō* § 65 условно-временной союз.
- tōmō* § 65 сложный уступительный союз.
- to-ni* § 65 временное союзное слово.
- tu* § 17 словообразовательный суффикс числительных от одного до девяти; ср. *-ti*.
- tu-* § 25 устаревший формант именного определения, входил в состав немногочисленных слов типа *ma-tu-gē* 'ресницы' (букв. 'глаз волосы').
- tu* § 55 суффикс заключительной формы заверщенного вида, присоединялся к соединительной основе глаголов.
- ture* § 55 суффикс условной основы заверщенного вида; см. *-tu*.
- turu* § 55 суффикс определительной формы заверщенного вида; см. *-tu*.
- tutu* § 39 суффикс одного из деепричастий одновременности, присоединялся к соединительной основе; ср. *-nagara*.
- u* § 36 окончание заключительной формы глаголов (у глаголов 1-го и 2-го спряжений — окончание и определительной формы); входит также в состав формантов *-mu* (§ 41), *-ramu* (§ 49); у глаголов типа *ari* — окончание определительной формы (*ar-u*, *-tar-u*, *-r-u*, *-ker-u*); ср. *-u-r-u*.
- ur-* § 19 вариант суффикса непереходного глагола *-ar-*.
- u-r-u* § 36 сложный формант определительной формы глаголов 3-го и 4-го спряжений; ср. *-u*.

-us- § 19 вариант суффикса переходных глаголов *-as-*.

-wo § 31 суффикс винительного падежа; ср. с частицей *wo*.

wo- § 16 именной уменьшительный префикс.

wo-, *-wo* 'самец' § 16 именной полуаффикс.

wo § 31 эмфатическая (восклицательная) частица, применялась как в конце предложения (особенно в составе концовки *-mōpōwo*), так и после наречий и имен (с падежными суффиксами и без них); ср. с суффиксом винительного падежа *-wo*.

-woba § 31 сложный суффикс выделенного прямого дополнения.

-zariki §§ 44 и 53 сложный глагольный суффикс заключительной формы отрицательного наклонения прошедшего времени, присоединялся к ирреальной (1-й) основе; ср. *-ki*.

-zaru (<*-zu+aru*) § 44 производный суффикс определительной формы отрицательного наклонения настоящего времени.

-zi § 45 суффикс отрицательно-предположительного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе.

-zimōnō 'подобно' § 23 суффикс.

zō § 63 восклицательная частица, вариант *sō*.

-zu § 44 суффикс заключительной и соединительной форм отрицательного наклонения (парадигма: 1-й основы нет, *-ni/-zu*, *-zu*, *-nu*, *-ne*), присоединялся к ирреальной (1-й) основе глаголов.

-zukeri § 59 сложный глагольный суффикс заключительной формы инвентива отрицательного наклонения, присоединялся к ирреальной основе; ср. *-keri*.

-zuki § 53 сложный глагольный суффикс заключительной формы прошедшего времени отрицательного наклонения, присоединялся к ирреальной (1-й) основе; ср. *-ki*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- араб.— арабский
башк.— башкирский
бур.— бурятский
венг.— венгерский
вьетн.— вьетнамский
горно-алт.— горно-алтайский
драв.— дравидийский
др.-инд.— древнеиндийский
др.-кит.— древнекитайский
др.-нем.— древненемецкий
др.-рус.— древнерусский
ДЯ — древнеяпонский
ДЯЯ — древнеяпонский язык (III—VIII вв.)
и.-е.— индоевропейский праязык
индонез.— индонезийский (малайский)
ительм.— ительменский
кавк.— кавказские
каз.— казахский
кирг.— киргизский
кит.— китайский
ког.— язык Когурё (одного из трех древнекорейских царств)
кор.— корейский
коряк.— корякский
кхм.— кхмерский
лат.— латинский
лит.— литовский
луорав.— луораветланский
маньчж.— маньчжурский
мар.— марийский
монг.— среднемонгольский
монгор.— монгорский
нан.— нанайский
нем.— немецкий
нен.— ненецкий
нивх.— нивхский
ног.— ногайский
НЯ — новояпонский
орок.— орокский
ороч.— орочский
осет.— осетинский
полин.— полинезийский
протодрав.— протодравидийский
протоурал.— протоуральский
ПЯЯ — протояпонский язык
РК — родственный корень
рум.— румынский
рус.— русский
санскр.— санскрит
слав.— праславянский
согд.— согдийский
сол.— солонский
ср.— сравни (при указании на слово, связь которого с данным не может считаться доказанной)
ср.-кит.— среднекитайский
ср.-кор.— среднекорейский
СЯ — современный японский
СЯЯ — современный японский (национальный) язык (с XIX в.)
тагал.— тагальский (тагалог)
тайск.— тайский
тамил.— тамильский
татар.— татарский
~ (тильда) — соответствует
тох.— тохарский
тув.— тувинский
тур.— турецкий
туркм.— туркменский
тюрк.— обще(древне)тюркский
удм.— удмуртский
узб.— узбекский
уйг.— уйгурский
ульч.— ульчский
фин.— финский
хак.— хакасский
чеш.— чешский
чув.— чувашский
эвенк.— эвенкийский
эвен.— эвенский
эск.— эскимосский (язык азиатских эскимосов)
эст.— эстонский
Я — японский
яв.— яванский

якут. — якутский

ЯЯ — японский язык

J — «Jidai-betsu-kokugo-daijiten, jo:daihen» («Большой словарь родного языка по эпохам. Древность»), 1967.

K — «Koziki» («Анналы»), 1936 (под редакцией и с комментариями E. Nakajima).

K II — «Koziki» («Анналы»), цит. по: «Nihon-bungaku-taikai», dai-1-kan, 1925.

K III — «Koziki» («Анналы»), цит. по: «Koziki, Nōrito», — «Nihon-ko ten-bungaku-taikai», 1, dai-12-satsu hakko:, 1968 (под редакцией и с комментариями Kurano Kenji, Takeda Yu:kichi).

M — «Man'yo:shu:» — цит. по: «Man'yo:shu:», I, II, III, IV, — «Nihon-koten-bungaku-taikai», 4—7-kan, dai-9-satsu hakko:, 1968 (за буквой M, которая стоит в круглых скобках после примеров, следует номер стихотворения в антологии «Манъё:сю:», сохраняемый во всех изданиях).

При ссылке на комментарий после буквы M (в квадратных скобках) указывается номер тома (I, II, III, IV) и страница. Кроме того, использовалась книга: O:t s u k a E t s u z o:, Vumpro:-ni rikkyaku-seru Man'yo:shu:-no kenkyu: (Грамматическое исследование антологии «Манъё:сю:»), dai-1-shu:, 1931, dai-2-shu:, 1933.

Mn — «Mikōtōnōri» («Указы») — за пометой Mn, после запятой, следует номер указа, затем, после точки с запятой, — шифр работы (по списку литературы или по списку сокращений) и страница, откуда взят данный пример.

SM — S. Martin, Lexical Evidence Relating Korean to Japanese, — «Language», 1966, № 2 (за пометой SM, после запятой, следует номер слова, под которым оно помещено в данной работе Мартина).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Работы по древнеяпонскому языку

На русском языке

1. Г л у с к и н а А. Е., Манъёсю, тт. 1, 2, 3. Перевод с японского, вступительная статья и комментарии, М., 1971—1972.
2. Г л у с к и н а А. Е., О некоторых фактах древнеяпонского языка и литературы,— «Вопросы японского языка», М., 1971.
3. К и э д а М., Грамматика японского языка, М., т. I, 1958, т. II, 1959.
4. К о л п а к ч и Е. М., Древнеяпонский литературный язык по памятникам эпохи Нара, докт. дисс., Л., 1945.
5. К о л п а к ч и Е. М., Из истории японского сложного предложения,— сб. «Советское востоковедение», т. VI, 1949.
6. К о л п а к ч и Е. М., Очерки по истории японского языка, т. 1. Морфология глагола, М.—Л., 1956.
7. П е т р о в а О. П., О генезисе японских омонимов *вата*,— «Китай. Япония. История и филология», М., 1961.
8. П о п о в К. А., Материалы по истории японского языкознания. Японские филологи и их основные работы (XX в.),— «Японский лингвистический сборник», М., 1959.
9. П о п о в К. А., Фудоки (к истории изучения японского памятника VIII в.),— «Китай. Япония. История и филология», М., 1961.
10. П о п о в К. А., Идзумо-фудоки. Перевод, комментарии и предисловие, М., 1966.
11. П о п о в К. А., Древние Фудоки, М., 1969.
12. С ы р о м я т н и к о в Н. А., Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка,— «Народы Азии и Африки», 1967, № 2.
13. С ы р о м я т н и к о в Н. А., Теории родственных корней и изосемантических рядов как необходимые методы для этимологии японского языка,— «Studies in General and Oriental Linguistics», Tokyo, 1970.
14. С ы р о м я т н и к о в Н. А., О лексике, общей у японского языка с индонезийским и тагальским языками,— «Вопросы японской филологии», вып. 1, М., 1970.
15. С ы р о м я т н и к о в Н. А., Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках,— «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971.
16. Ч е р е в к о К. Е., Некоторые замечания о языке «Кодзики» (К проблеме становления японского письменного литературного языка),— «Народы Азии и Африки», 1966, № 3.

На западноевропейских языках

17. H a g u e n a u e r Ch., Origines de la Civilisation Japonaise. Introduction à l'étude de la préhistoire du Japon, Première partie, Paris, 1956.
18. K a m e i T a k a s h i, Chinese Borrowings in Prehistoric Japanese, Tokyo, 1954.

19. Komatsu Isao, The Japanese People, Origins of the People and the Language, Tokyo, 1962.
20. Martin S. E., Lexical Evidence Relating Korean to Japanese,— «Language», 1966, № 2.
21. Matsumoto Nobuhiro, Le Japonais et les Langues Austroasiatiques. Étude de vocabulaire comparé, Paris, 1928.
22. Miller R. A., The Japanese Language, The University of Chicago Press, 1967.
23. Murayama Shichiro, Mongolisch und Japanisch — ein Versuch zum Lexikalischen Vergleich,— «Asiatische Forschungen», Bd 17. «Collectanea Mongolica», Wiesbaden, 1966.
24. Murayama Shichiro, About the Origin of the Japanese Language, Kyoto, 9.IX.1958 (VIIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences).
25. Philippi D. L., Kojiki, University of Tokyo Press, 1969 (перевод на английский язык и комментарии).
26. Rahder J., Etymological Vocabulary of Chinese, Japanese, Korean and Ainu, Fifth part,— «Orbis», Louvain, 1963, vol. 12, № 1.
27. Ramstedt G. J., A Comparison of the Altaic Languages with Japanese (1924),— «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 55, Helsinki, 1951.
28. Wenz G., Japanische Phonetik, Bd II. Die Phonetik der Manyōgana, Wiesbaden, 1954.

*На японском языке*¹

29. Ando Masatsugu, Kodai-kokugo-no kenkyu: (Исследования по древнеяпонскому языку), 1924.
30. Arisaka Hideyo, Kokugo-on'inshi-no kenkyu: (Исследования по истории фонем японского языка), 1944.
31. Hashimoto Shinkichi, Kodai-kokugo-no on'in-ni tsuite (О фонемах древнеяпонского языка), 1943.
32. Hattori Shiro:, Nihongo-no keito: (Происхождение японского языка), 1959.
33. Hattori Shirō (edit.), An Ainu Dialect Dictionary, 1964.
- 33a. Igarasi Jin'ichi, Jo:dai-kanazukai-jiten (Словарь древнеяпонской лексики, записанной по слогам), 1969.
34. «Kokugogaku» («Отечественное языкознание»), Saeki Umetomo, Nakada Norio, Hayashi O:i hencho, 1961.
35. «Kokugogaku-jiten» («Словарь отечественного языкознания»), 1955.
36. Mori yama Takashi, Jo:dai-ni zanson-suru ō-u taio:-ni tsuite — imi-no bunka-ni kansuru ichi-shiron (О соответствии ō-u — реликтовом явлении в древнюю эпоху. Опыт исследования дифференциации значений),— «Kokugogaku», 1964, № 55.
37. «Nihongo-no rekishi» («История японского языка»), henshu:ko:mon Doi Tadao, Morizue Yoshiaki, 1-kan. «Minzoku-no kotoba-no tanjo:» («Зарождение языка народности»), Heibonsha, 1963.
38. O:no Susumu, Nihongo-no kigen (Истоки японского языка), 1957.
39. O:no Susumu, Nihongo-no rekishi, 8-han, 1955.
40. Oza wa Shigeo, Kodai-nihongo to chu:sei-mongorugo — sono jakkan-no tango-no — hikaku-kenkyu: (A Comparative Study of some Words in Old Japanese and Middle Mongolian), 1958.
41. Saeki Umetomo, Nara-jidai-no kokugo (Родной язык в эпоху Нара), 4-han, 1959.
42. Yamada Yoshio, Naracho:-bunpro:shi (История грамматики эпохи Нара), 1954.

¹ Все работы на японском языке изданы в Токио.

Прочая литература

На русском и болгарском языках

43. Абаев В. И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, 1, М.—Л., 1958.
44. Арутюнов С. А., Эгническая история Японии на рубеже нашей эры,— «Труды Института этнографии», т. LXXIII, «Восточно-азиатский этнографический сборник», II, М., 1951.
45. Воробьев М. В., Древняя Япония, М., 1958.
46. Долгопольский А. Б., Гипотеза древнейшего родства языковых семей северной Евразии с вероятностной точки зрения,— «Вопросы языкознания», 1954, № 2.
47. Долгопольский А. Б., Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (проблемы фонетических соответствий), М., 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).
48. Жирков Л., Ко всем ли языкам применим латинский алфавит?,— «Культура и письменность Востока», кн. 7—8, М., 1931.
49. Зеленин Д. К., Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии,— «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 8, Л., 1929.
50. Зубкова Л. Г., О гармонии гласных в индонезийском языке,— сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1970.
51. Макаренко В. А., О степени родства тагальского и индонезийского языков,— сб. «Вопросы филологии стран Юго-Восточной Азии», М., 1965.
52. Мельников Г. П., Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики,— сб. «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971.
53. Младенов Ст., Смешения алтайско-индоевропейски характер на японски език и неспорното наличие на алтайски и индоевропейски елементи в японски,— «Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Блан...», София, 1955.
54. Поливанов Е. Д., Психофонетические наблюдения над японскими диалектами, Пг., 1917.
55. Поливанов Е. Д., Статьи по общему языкознанию, М., 1938.
56. Рясанен М., Об урало-алтайском языковом родстве,— «Вопросы языкознания», 1958, № 1.
57. Старинин В. П., К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды С. С. Майзеля),— «Советское востоковедение», 1955, № 4.
58. Сыромятников Н. А., Система фонем японского языка,— «Ученые записки ИВ АН СССР», т. IV, М., 1952.
59. Сыромятников Н. А., Некоторые спорные вопросы изучения японского языка,— «Краткие сообщения ИВ АН СССР», вып. XII, 1955.
- 59а. Сыромятников Н. А., Определение родственности корней,— «Вопросы языкознания», 1972, № 2.
60. Фомин А. И., Катаяма Я., Учебник японского языка, ч. 1, 2-е дополненное издание, 1946.
61. Щерба Л. В., Русские гласные в количественном и качественном отношении, СПб., 1912.
62. Щерба Л. В., О диффузных звуках,— сб. «Академия наук Н. Я. Марру», М.—Л., 1935.
63. Щерцль В. И., О словах с противоположными значениями, Воронеж, 1884.

64. Шерцль В. И., Названия цветов и символическое значение их, Воронеж, 1884.
65. Шерцль В. И., О конкретности в языках, Воронеж, 1885.

На английском языке

66. Howells W. W., The Jomon Population of Japan. A Study by Discriminant Analysis of Japanese and Ainu Crania,—«Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology», Harvard un-ty, vol. LVII, № 1, Cambridge (Massachusetts), 1966.
67. Miller R. A., Old Japanese Phonology and the Korean—Japanese Relationship. —«Language», 1967, vol. 43. № 1.
68. Miller R. A., The Japanese Reflexes of Proto-Altaic *d-, *j-, and *č-,— «Journal of the American Oriental Society», 1968, vol. 88, № 4.
69. Miller R. A., Japanese and the Other Altaic Languages, Chicago, 1971.

На японском языке

70. Miyake Takeo, Kihondo:shi-no meishika-akusento-ho:soku,—«Kotoba», 1940, II, № 9.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Предисловие	9
Введение (Происхождение ДЯЯ)	14
§ 1. Общая характеристика	14
§ 2. Распространение ДЯЯ	15
§ 3. Роль языка айну	15
§ 4. Черты, общие с алтайскими языками	17
§ 5. Субстрат — малайско-полинезийские языки	20
Фонетика и фонология	26
§ 6. Система согласных фонем	26
§ 7. Система гласных фонем	30
§ 8. Перелом гласных <i>i, i</i> первого слога (<i>i, i > u, a, o</i>)	35
§ 9. Вопрос о слогофонеме	39
Письмо	42
§ 10. Иероглифика и силлабика	42
Лексика и словообразование	48
§ 11. О родственных корнях	48
§ 12. Словообразование	53
§ 13. Табу	57
§ 14. Редупликация	63
§ 15. Семантика	67
Части речи	77
§ 16. Существительные	77
§ 17. Числительные	79
§ 18. Прилагательные	82
§ 19. Глаголы	84
§ 20. Местоимения	90
§ 21. Наречия	94
Склонение	96
§ 22. Определение склонения	96
§ 23. Родительный падеж (суффикс <i>-no</i>)	96
§ 24. Притяжательный падеж (суффикс <i>-ga</i>)	98
§ 25. <i>-Tu</i> — устаревший формант определения	100
§ 26. <i>-Na</i> — устаревший формант определения	101
§ 27. Дательно-местный падеж (суффикс <i>-ni</i>)	102
§ 28. Зарождение направительного падежа (суффикс <i>-pe</i>)	103
§ 29. Исходно-сравнительный падеж (суффикс <i>-jo/-jori/-ju/</i> <i>-juri</i>)	104
§ 30. Предельный падеж (суффикс <i>-made</i>)	105
§ 31. Винительный падеж (суффикс <i>-wo</i>)	106
§ 32. Вопрос о выделительном падеже (суффикс <i>-pa</i>)	108
§ 33. Совместный падеж (суффикс <i>-to</i>)	108
§ 34. Факультативность падежей	109
Спряжение	110
§ 35. Определение спряжения	110
Изывительное наклонение (с нулевым суффиксом)	110
§ 36. Конечные формы глаголов (действительный залог)	110
§ 37. Страдательный залог	113
§ 38. Побудительный залог	115
§ 39. Срединные формы предикативов	116

Ирреальные наклонения (с основой на <i>-a-</i> у глаголов 1-го спряжения)	121
§ 40. Общая характеристика	121
§ 41. Предположительное наклонение (формы на <i>-mu</i> , <i>-kemu</i> , <i>-nikemu</i> , <i>-namu</i> и <i>-temu</i>)	121
§ 42. Пожелательное наклонение (формы на <i>-na</i> и <i>-tena</i>)	124
§ 43. Нереально-желательное наклонение (форма на <i>-masi</i>)	124
§ 44. Отрицательное наклонение (формы на <i>-zu</i> и <i>-kerazu</i>)	125
§ 45. Отрицательно-предположительное наклонение (форма на <i>-zi</i>)	127
Вероятно-реальные наклонения (от финитной основы)	128
§ 46. Общая характеристика	128
§ 47. Долженствовательно-потенциальное наклонение (форма на <i>-bè-si</i>)	128
§ 48. Дубитативное наклонение (форма на <i>-masizi</i>)	129
§ 49. Гипотетическое наклонение (форма на <i>-ramu</i>)	130
§ 50. Наклонение видимости (форма на <i>-rasi</i>)	131
Императивные наклонения (от корня или от соединительной основы)	132
§ 51. Повелительное наклонение	132
§ 52. Запретительное наклонение	134
Видо-временные формы (от соединительной основы)	135
§ 53. Прошедшее время (формы на <i>-ki</i> , <i>-niki</i> , <i>-teki</i> , <i>-eriki</i> , <i>-tariki</i>)	135
§ 54. Совершенный вид (форма на <i>-nu</i>)	137
§ 55. Завершенный вид (форма на <i>-tu</i>)	137
§ 56. Перфект от глаголов 1-го спряжения (форма на <i>-eri</i>)	138
§ 57. Перфект (форма на <i>-tari</i>)	139
§ 58. Аналитические формы длительного вида	140
§ 59. Инвентив («давнопрошедшее время», формы на <i>-keri</i> и <i>-nikeri</i>)	141
Порядок членов предложения	143
§ 60. Обычный порядок и инверсия	143
§ 61. Субстантивация	148
Служебные слова	151
§ 62. Определение служебных слов	151
§ 63. Частицы	151
§ 64. Послелоги	158
§ 65. Союзные элементы	158
Индекс аффиксов и служебных слов	162
Список сокращений	169
Краткая библиография	171

